

Андрей Н. Соболев

Говор села Вратарница в Восточной Сербии

в историческом и ареальном освещении

Verlag Otto Sagner München · Berlin · Washington D.C.

Digitalisiert im Rahmen der Kooperation mit dem DFG-Projekt „Digi20“
der Bayerischen Staatsbibliothek, München. OCR-Bearbeitung und Erstellung des eBooks durch
den Verlag Otto Sagner:

<http://verlag.kubon-sagner.de>

© bei Verlag Otto Sagner. Eine Verwertung oder Weitergabe der Texte und Abbildungen,
insbesondere durch Vervielfältigung, ist ohne vorherige schriftliche Genehmigung des Verlages
unzulässig.

«Verlag Otto Sagner» ist ein Imprint der Kubon & Sagner GmbH.

Andrej N. Sobolev - 9783954790999

Downloaded from PubFactory at 01/10/2019 03:12:27AM

via free access

SLAVISTISCHE BEITRÄGE

Begründet von
Alois Schmaus

Herausgegeben von
Peter Rehder

Beirat:

Tilman Berger · Walter Breu · Johanna Renate Döring-Smirnov
Wilfried Fiedler · Walter Koschmal · Miloš Sedmidubský · Klaus Steinke

BAND 320

VERLAG OTTO SAGNER
MÜNCHEN 1994

Андрей Н. Соболев

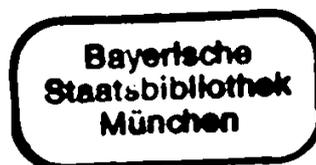
**ГОВОР СЕЛА ВРАТАРНИЦА
В ВОСТОЧНОЙ СЕРБИИ
в историческом и ареальном освещении**

(К постановке проблемы южнославянской ч-, ц-зоны)

**VERLAG OTTO SAGNER
MÜNCHEN 1994**

Gedruckt mit Unterstützung der
Alexander von Humboldt-Stiftung

ISBN 3-87690-591-5
© Verlag Otto Sagner, München 1994
Abteilung der Firma Kubon & Sagner
D-80328 München

Предисловие

Работа над вынесенной в заглавие темой началась еще в ноябре 1989 года, когда по заданию Межакадемического комитета по диалектологическим атласам Сербской академии наук и искусств (МКДА САНУ) я посетил село Вратарницу с целью сбора материала для Сербохорватского диалектологического атласа. Экспедиция оказалась возможной исключительно благодаря большой человеческой, профессиональной и организационной помощи гг. академика Павла Ивича, проф. Слободана Реметича, м-р. Софии Ракич-Милойкович. Особо я должен поблагодарить гг. Якшу Динича, выполнявшего функции моего "ментора" при полевой работе, и Петра Цветковича, служившего мне надежным помощником при установлении контактов с информантами и при решении бытовых вопросов.

Разумеется, настоящая работа не могла бы появиться без самого непосредственного участия жителей села Вратарница, которым (и прежде всего информантам) я выражаю самую глубокую благодарность.

Дальнейшая работа осуществлялась первоначально в Отделе сравнительно-исторического языкознания Института лингвистических исследований Российской академии наук (ИЛИ РАН) в Санкт-Петербурге, затем при финансировании Фонда им. А. фон Гумбольдта параллельно в Институте "Немецкий диалектологический атлас" Марбургского университета (под руководством г-на проф. Вольфганга Пучке) и в Институте славистики Университета Эрланген-Нюрнберг (под руководством г-на проф. Клауса Штейнке).

Улучшению окончательного варианта рукописи в значительной мере способствовали критические замечания экспертов Фонда им. А. фон Гумбольдта.

Я глубоко признателен обоим моим немецким руководителям и Фонду им. А. фон Гумбольдта за неизменную поддержку моих исследований в области южнославянской диалектологии.

За кропотливую работу по корректированию текста рукописи я благодарен моей жене, кандидату технических наук Соболевой Майе Евгеньевне.

Публикация настоящей работы предусматривалась первоначально на страницах "Сербского диалектологического сборника", что оказалось невозможным вследствие тяжелого экономического положения в Югославии после введения санкций ООН.

Я благодарю издательство "Otto Sagner" и г-на проф. Петера Редера за согласие осуществить настоящую публикацию.

Финансирование данного издания осуществлено Фондом им. А. фон Гумбольдта.

Марбург, 11.09.1994

А. Н. Соболев

Содержание

0.	Введение	14
0. 1.	Общие положения	14
0. 2.	Основные сведения о селе Вратарница	14
0. 3.	Диалектологическая экспедиция и материалы	16
0. 4.	Значение говора Вратарницы и задачи исследования	16
0. 5.	О методах исследования	17
0. 6.	Характеристика материалов СХДА по говорам восточной Сербии	19
0. 7.	Классификация диалектных данных	20
0. 8.	О структуре работы	32
1.	Рефлексы праславянских *tj, *dj	34
1. 1.	Из литературы вопроса	34
1. 1. 1.	Проблема фонетического описания	34
1. 1. 2.	Область распространения	35
1. 1. 3.	Историко-фонетические объяснения	35
1. 1. 4.	Абсолютная хронология	39
1. 1. 5.	Диалектологические традиции	40
1. 1. 5. 1.	Сербская традиция	40
1. 1. 5. 2.	Болгарская традиция	41
1. 1. 5. 3.	Заключение	43
1. 2.	Праславянские *tj, *dj в говоре Вратарницы	44
1. 2. 1.	Рефлексы *tj в говоре Вратарницы	44
1. 2. 2.	Рефлексы *dj в говоре Вратарницы	47
1. 3.	Выводы	48
2.	Судьба L-epentheticum	50
2. 1.	Из литературы вопроса	50
2. 2.	L-epentheticum в говоре Вратарницы	53
2. 3.	Выводы	53
3.	Рефлексы праславянских *tl, *dl	55
3. 1.	Из литературы вопроса	55
3. 2.	Праславянские *tl, *dl в говоре Вратарницы	57
3. 3.	Выводы	57

4.	Рефлексы праславянского носового гласного *ę	58
4. 1.	Из литературы вопроса	58
4. 2.	Рефлексы носового *ę в говоре Вратарницы	59
4. 3.	Выводы	59
5.	Рефлексы праславянского носового гласного *ǫ	60
5. 1.	Из литературы вопроса	60
5. 2.	Рефлексы носового *ǫ в говоре Вратарницы	61
5. 3.	Выводы	62
6.	Рефлексы праславянских *ь и *ъ	63
6. 1.	Из литературы вопроса	63
6. 1. 1.	Сербская диалектологическая традиция	63
6. 1. 2.	Болгарская диалектологическая традиция	65
6. 2.	Гласный неполного образования ь в говоре Вратарницы	67
6. 2. 1.	Из фонетики	67
6. 2. 1. 1.	Примеры реализации ь под ударением	67
6. 2. 1. 2.	Заключения о реализации ь под ударением	68
6. 2. 1. 3.	Реализация ь вне ударения	69
6. 2. 2.	Из фонологии	70
6. 2. 3.	Из этимологии	71
6. 2. 3. 1.	*ь в корне в сильной позиции	71
6. 2. 3. 2.	*ь в корне в слабой позиции	72
6. 2. 3. 3.	*ь в суффиксах	73
6. 2. 3. 4.	*ь в корне в сильной позиции	74
6. 2. 3. 5.	*ь в корне в слабой позиции	75
6. 2. 3. 6.	*ь в аффиксах	75
6. 2. 3. 7.	*Вь и *Вь в инициальной позиции	76
6. 2. 3. 8.	Вторичный редуцированный	76
6. 2. 3. 9.	Звукоподражания	78
6. 2. 3. 10.	Заемствования	78
6. 2. 3. 11.	Особые случаи	78
6. 3.	Выводы	79

7.	Слогообразующее л	83
7. 1.	Из литературы вопроса	83
7. 1. 1.	Сербская диалектологическая традиция	83
7. 1. 2.	Болгарская диалектологическая традиция	86
7. 1. 3.	Заключение	90
7. 2.	Слогообразующее л в говоре Вратарницы	90
7. 2. 1.	Из фонетики	90
7. 2. 2.	Из фонологии	91
7. 2. 3.	Из этимологии	91
7. 3.	Выводы	93
8.	Слогообразующее р	95
8. 1.	Из литературы вопроса	95
8. 1. 1.	Сербская диалектологическая традиция	96
8. 1. 2.	Болгарская диалектологическая традиция	96
8. 1. 3.	Заключение	99
8. 2.	Слогообразующее р в говоре Вратарницы	100
8. 3.	Выводы	103
9.	Судьба консонантных сочетаний *jt, *jd	105
9. 1.	Из литературы вопроса	105
9. 2.	Судьба консонантных сочетаний *jt, *jd в говоре Вратарницы	105
9. 3.	Выводы	106
10.	"Новые йотации"	107
10. 1.	Из литературы вопроса	107
10. 1. 1.	Сербская диалектологическая традиция	107
10. 1. 2.	Болгарская диалектологическая традиция	109
10. 1. 3.	Заключение	110
10. 2.	"Новые йотации" в говоре Вратарницы	111
10. 2. 1.	Судьба сочетаний *тъј, *дьј	111
10. 2. 2.	Судьба сочетаний *ръј, *вьј, *вьј, *шьј	111
10. 3.	Выводы	112
11.	О рефлексах праславянского *ě	114

12.	Конечнослоговое -Л	116
12. 1.	Из литературы вопроса	116
12. 2.	Конечнослоговое -Л в говоре Вратарницы	116
12. 3.	Выводы	117
13.	Согласный S	118
13. 1.	О происхождении S в южнославянских диалектах	118
13. 2.	Фонема S в говоре Вратарницы	123
13. 2. 1.	Фонетика и фонология	123
13. 2. 2.	Из этимологии	124
13. 3.	Выводы	125
14.	Судьба согласного X	126
14. 1.	Из литературы вопроса	126
14. 2.	Согласный X в говоре Вратарницы	130
14. 3.	Выводы	131
15.	Согласный J	133
15. 1.	Из литературы вопроса	133
15. 1. 1.	Согласный J в инициальной позиции перед гласным	134
15. 1. 2.	Согласный J в интервокальной позиции	134
15. 1. 3.	Антиципация J	138
15. 2.	Согласный J в говоре Вратарницы	139
15. 2. 1.	Согласный J в инициальной позиции перед гласным	139
15. 2. 2.	Согласный J в интервокальной позиции	140
15. 2. 3.	Согласный J перед согласными	142
15. 2. 4.	Отдельные случаи	143
15. 2. 5.	Заключение	144
15. 3.	Выводы	144
16.	Судьба согласного Ф (и В)	146
16. 1.	Из литературы вопроса	146
16. 2.	Согласный Ф в говоре Вратарницы	149
16. 2. 1.	Примеры	149
16. 2. 2.	О фонемном статусе Ф	151
16. 3.	Выводы	152

17.	Палатализации заднеязычных	154
17. 1.	Из литературы вопроса	154
17. 1. 1.	Сербская диалектологическая традиция	154
17. 1. 2.	Болгарская диалектологическая традиция	155
17. 2.	Палатализации заднеязычных в говоре Вратарницы	158
17. 2. 1.	Перед гласными переднего ряда	158
17. 2. 2.	После палатальных согласных	160
17. 2. 3.	Группы палатальных согласных	161
17. 3.	Выводы	162
18.	Звонкие согласные в конце слова	163
18. 1.	Из литературы вопроса	163
18. 2.	Звонкие согласные в конце слова в говоре Вратарницы	165
18. 3.	Выводы	166
19.	Некоторые дополнительные замечания о фонетической системе говора Вратарницы	167
19. 1.	Долгие и удвоенные гласные, сочетания гласных фонем	167
19. 2.	Утрата интервокальных согласных	172
20.	Материалы к морфологии говора Вратарницы	173
20. 1.	О роде имен существительных	173
20. 2.	Множественное число имен существительных	173
20. 2. 1.	Существительные мужского рода	173
20. 2. 2.	Существительные среднего рода	174
20. 2. 3.	Существительные женского рода	175
20. 3.	Согласование существительных с числительными	175
20. 4.	Падежные формы существительных	176
20. 4. 1.	Существительные женского рода	176
20. 4. 2.	Существительные мужского рода	176
20. 5.	Местоимения	177
20. 5. 1.	Личные местоимения	177
20. 5. 2.	Указательные местоимения	178
20. 5. 3.	Притяжательные местоимения	179

20. 6.	Согласование по роду во множественном числе	179
20. 7.	Глагол	180
20. 7. 1.	Футур	180
20. 7. 2.	Прохибитив	180
20. 7. 3.	Имперфект	180
20. 7. 4.	Аорист	181
20. 7. 5.	Презент	184
20. 7. 6.	Страдательное причастие	185
20. 8.	Артикль	185
20. 8. 1.	Артикль существительных	185
20. 8. 2.	Артикль прилагательных	187
21.	Заключение	188
21. 1.	Диалектологические традиции	188
21. 2.	Говор Вратарницы среди Ч, Џ - говоров	189
21. 3.	Исходный пункт миграции говора Вратарницы	191
21. 4.	О диалектном единстве Ч, Џ - зоны	191
21. 5.	О диалектной дифференциации Ч, Џ - зоны	192
22.	Тексты	195
22. 1.	Марија Ненчић, 1904	195
22. 2.	Јованка и Костадин Костодиновић, оба 1905	197
22. 3.	Јованка Костодиновић, 1905	204
22. 4.	Јовица Марковић, 1924	211
	Сокращения	219
	Литература	220
	Карты	

0. Введение

0.1. Общие положения

Говор села Вратарница - один из южнославянских Ч, Ц - говоров, распространенных вокруг сербско-болгарской политической границы. Говоры, находящиеся с западной (сербской) стороны этой границы, традиционно в югославской диалектологии называются тимокско-лужицкими и относятся к сербохорватскому языку, если их носители определяют себя как этнические сербы, и к болгарскому языку, если их носители считают себя болгарам [Ивић 1956: 108-129]. Говоры с болгарской стороны границы получили в болгарской диалектологии название "западные переходные говоры болгарского языка" [Стойков 1962: 108-112]. Несомненное генетическое единство этих говоров [Ивић 1956: 14-15] позволяет рассматривать их (вопреки сложившимся национальным традициям) [ср.: Ивић 1991 IIIb: 75]) не изолированно друг от друга, но как целостное лингвистическое образование ранга диалекта, принадлежащее одновременно двум национальным коллективам¹.

0.2. Основные сведения о селе Вратарница

Вратарница находится в 14 км. к югу от г. Заечара, который является и ближайшим административным и культурным центром. Село расположено в одноименном ущелье по обеим сторонам долины р. Тимок, через него проходит шоссе и железная дорога Заечар-Княжевац. В селе более 300 домов.

Население этого региона в целом, по современным этногра-

¹См. мой доклад на конференции "Говори призренско-тимочке зоне и суседних дијалеката", Нишка Бања, 1992 [в печати].

фическим представлениям, по большей части автохтонно, однако, внутри самого региона характерны локальные миграции. Именно в результате миграции переселенцев из болгарской части Ч, Ц - зоны ("из бугарског Загорја") в долине реки Тимока во второй трети XIX в. были основаны села Заградье и затем Вратарница [Станојевих 1911: 361]², причем деревенская традиция Вратарницы хранит память лишь о последнем переселении из соседнего Заградья ("Да ли е старо село? И-Заград'е туј се населили").

Для определения приблизительной даты заселения сел Заградье и Вратарница мной были использованы прежде всего географические карты XIX века, охватывающие территорию восточной Сербии. На картах 1810 и 1845 года на месте села отмечен лишь *Han Vratarnicza* [Supplementum 1810] и *Ханъ Вратарницъ* [Бугарски 1845], село же регулярно отмечается на картах, начиная с 1876 г. [Generalkarte 1876; Карта Каница]. Интересно, что и по данным переписи населения Сербии 1834 года, с. Вратарница еще не существовало, а в Заградье было 132 дома и 818 жителей (для сравнения: в Гургусовце-Княжевце тогда было 163 дома и 869 жителей) [Цвијетић 1984: 33, 35]. Школа во Вратарнице существует с 1873 года [Миличевих 1876: 845].

Добавлю еще один интересный факт: 1883 году во Вратарнице было 547 членов Радикальной партии Сербии (из которых крестьяне - 519 человек, торговцы - 6, ремесленники - 18, чиновники и учителя - 1, священники - 0, держатели кафан - 3, рабочие - 0; для сравнения - во всем Пиротском районе тогда же было 450 радикалов, из которых 330 крестьян) [Протић 1990: 192].

Таким образом, село возникло между 1840-ми и 1870-ми годами, позже чем Заградье, причем большое количество жителей в обоих селах уже в самый момент основания свидетельствует именно о массовых переселениях сначала в Заградье, затем из Заградья во Вратарницу.

²В болгарской литературе высказывалось мнение о восточноболгарском характере говоров Вратарницы и Заградья [Павлов 1918].

Национально жители с. Вратарница определяют себя как сербы. В отличие от окружающего населения, часто называемого "Торлаци", жителей Вратарницы и Заечара называют "Мацаци" (это, однако, не является самоназванием).

0.3. Диалектологическая экспедиция и материалы

Диалектологическую экспедицию в с. Вратарница (общим сроком 10 дней) я совершил в ноябре 1989 г. по заданию Межакадемического комитета по диалектологическим атласам Сербской академии наук и искусств с целью сбора данных для Сербохорватского диалектологического атласа (СХДА).

Кроме заполнения стандартного Вопросника СХДА, сделаны были также магнитофонные и традиционные записи говора основных информантов. Моими основными информантами были жители с. Вратарница крестьянки Йованка Костодинович (1905 г.р.) и Йовица Маркович (1924 г.р.). Некоторое количество связных текстов записано также от Костадина Костодиновича (1905 г.р.) и Марии Ненчич (1904 г.р.).

Часть текстов из Вратарницы опубликована в 1992 году в издании Матицы Сербской "Зборник за филологију и лингвистику" Књ. 35/1. Нови Сад, 1992. С. 237-251. Другая часть текстов публикуется впервые в настоящей монографии.

0.4. Значение говора Вратарницы и задачи исследования

Особое значение данных говора с. Вратарница для южнославянской диалектологии определяется прежде всего двумя факторами: генетически этот говор связан с болгарскими говорами Ч, Џ - зоны, что ставит перед исследователем задачу определить исходный район его миграции; после миграции говор находился в окружении ближайше ему родственных тимокских (сербских) говоров, что ставит задачу определить соотношение общих и различных элементов языковой структуры вратарницкого и тимокского диалектных типов. Сопоставление говора Вратарницы с автохтон-

ными говорами восточной Сербии, а также с данными сербских и болгарских диалектологических описаний других Ч, Џ - говоров должно продемонстрировать как генетическое единство всех говоров Ч, Џ - зоны, так и существующие в ее пределах диалектные различия.

Помимо решения конкретных вопросов, связанных с описанием Вратарницкого говора, проведенный в настоящей работе анализ был нацелен также на решение трех гораздо более крупных задач:

1) критически представить данные как сербской, так и болгарской историко-лингвистических и диалектологических традиций рассмотрения Ч, Џ - говоров;

2) рассмотреть южнославянские говоры Ч, Џ - зоны как единую лингвистическую единицу, характеризующуюся специфическим набором дифференциальных черт;

3) определить более подробно, чем это делалось в существующей литературе, черты диалектной дифференциации на всей территории распространения Ч, Џ - говоров (см. Карту 2).

Отмечу, что последняя задача выдвигалась П. Ивичем в качестве одной из приоритетных для сербохорватской диалектологии в целом [Ивич 1991 IIId: 195].

0.5. О методах исследования

Именно указанными выше соображениями и определяется предпринимаемый в настоящей монографии подход к языковому материалу из Вратарницы - его скорее можно считать традиционным сравнительно-историческим с элементами подхода синхронно описательного, чем строго описательным. Именно постановка вопросов истории формирования физиономии говора как наиболее важных заставляет придерживаться принятой в работе последовательности изложения материала: от отражения древнейших явлений праславянского периода через анализ исторических изменений в средние века к явлениям наиболее поздним. В отдельных случаях (как, например, в вопросах о Ъ и S, нельзя было обо-

ти и проблемы функционирования соответствующих языковых единиц в синхронном аспекте). Мне представляется, что принятый здесь способ изложения объединяет в себе традиции Белградской диалектологической школы (А. Белич, П. Ивич и др.) и русского сравнительно-исторического южнославянского языкознания (А. Лукьяненко, С. М. Кульбакин, А. Селищев, С. Б. Бернштейн и др.).

С другой стороны, для определения отношения говора Вратарницы к соседним говорам восточной Сербии и западной Болгарии широко привлекалась и критически использовалась имеющаяся югославская и болгарская историко-лингвистическая и диалектологическая литература. Прежде всего были приняты во внимание имеющиеся обобщающие работы о Ч, Џ - говорах в Сербии [Вгосћ 1903; Младенов 1905; Белић 1905; 1911] и в Болгарии [Цонев 1984 III; Тодоров 1936], затем диалектологические монографии и статьи по отдельным говорам или диалектам одного пункта:

- о тимокском говоре [Станојевић 1911], в том числе о говоре сел Бучум [Богдановић 1979] и Ѓвилан [Ивић 1959];
- о лужницком говоре [Ћирић 1983];
- о говоре с. Ошане в районе Белоградчика [Берберска 1921];
- о царибродском говоре [Божков 1984], в том числе о говоре села Петерлаш [Манчев 1967];
- о годечском говоре [Виденов 1978];
- о трынском говоре [Господинкић 1921; Петричев 1931];
- о босмилградском говоре [Божков 1988];
- о говоре Ново Села в районе Видина [Младенов 1969].

Привлекалась, наконец, соответствующая общелингвистическая литература, а также работы по частным вопросам южнославянской диалектологии и истории языка. На основании данных всей этой литературы анализировалась специфика Ч, Џ - зоны как диалектной единицы и изучалась ее территориальная расчлененность. В то же время значительное внимание было обращено на анализ и преодоление существующих различий между сербской (югославской) и болгарской диалектологическими традициями, отражающихся на сопоставимости их данных о говорах зоны.

0.6. Характеристика материалов СХДА по говорам восточной Сербии

В ходе работы над настоящей монографией был проанализирован еще неопубликованный диалектный материал, хранящийся в Межакадемическом комитете по диалектологическим атласам САНУ, в течение десятилетий собиравшийся при больших человеческих и материальных затратах Сербской академии для национального атласа сербохорватского языка. Любезное предоставление этого драгоценного материала для моей скромной работы с целью получения более точной информации о говорах восточной и юго-восточной Сербии позволило в ряде случаев уточнить мои представления о рассматриваемой проблематике. К сожалению, публикация результатов изучения этих материалов не была разрешена МКДА САНУ.

Мною были просмотрены вопросники СХДА, заполненные следующими диалектологами в следующих пунктах:

Название пункта	Информанты Имя	Возраст	Исследователь ³	
			Имя	Год
1 Врбница	Ђорђе Петровић	1913	Љ. Рајковић	б. г.
2 Зубетинац	Војислав Станисављевић	1893	Љ. Рајковић	б. г.
3 Радичевац	Прван Стојановић	1890	Љ. Рајковић	б. г.
4 Трговиште	Вукашин Маринковић	1896	Н. Богдановић	1978*
	Будимка Михајловић	ок. 1898		
	Радомир Рајковић	1905		
	Вукашин Никодимјевић	ок. 1905		
	Сава Мистић	1916		
5 Бели Поток	Животка Арсић	1902	Н. Богдановић	1977*
6 Бучум	Живко Богдановић	1892	Н. Богдановић	1977*
7 Грбавче	Ленка Ђорђевић	1907	Н. Богдановић	1978
	Зарија Ђорђевић	1913		

³ Знак * обозначает, что пункт исследован не позднее указанного года.

8	Јаловик Извор	Анта Милошевић Ратко Ђорђевић Александар Милошевић Вукосава Милошевић Миодраг Ђорђевић	1898 1913 1922 1926 1936	А. П. Никшић	1964
9	Топли Дол	Јорда Мадџ	1907	Љ. Рајковић	б. г.
10	Моклиште	Верка Петковић	1907	Љ. Ђирић	1983
11	Ореовац	Груја Поповић	1886	Љ. Рајковић	1981
12	Крива Феја	Петрија Димитријевић Даница Ристић Загорка Николић	1897 1902 1915	В. Стевановић	б. г.

Данње пункты расположени на територији следуюших восточ-носербских диалектов (см. также Карту 1):

- 1) тимокско-лужицкий (пункты 1, 3, 6, 8-12);
- 2) сврљишко-запланьский (пункты 2, 5, 7);
- 3) призренско-южноморавский (пункт 4).

Не все из этих пунктов локализируются на территории Ч, Ц -говоров, однако оказалось целесообразным просмотреть весь материал, характеризующий диалектную расчлененность говоров восточной Сербии.

0. 7. Классификация диалектных данных

Для лингвистической систематизации полученного материала, каковая отсутствует в Вопроснике СХДА [см.: Упитник], мною был составлен специальный вопросник, в соответствии с которым в первую очередь и производится анализ данных говора Вратарницы. Тем самым мне пришлось выполнить работу, в сущности обратную той, которую сделали в свое время составители Вопросника СХДА: искомую или записанную в поле форму пришлось этимологизировать, отнести ее к определенной историко-фонетической категории и определить ее место в хронологической перспективе. Хотя этот обзор фонетической проблематики тимокско-лужицкого диалекта нельзя считать исчерпывающим, он может послужить всем, кто будет использовать Вопросники СХДА как с целью сбора полевой информации, так и с целью ее анализа.

Обзор построен так, что на первом месте находится форму-

лировка фонетического вопроса. Лексические примеры даны в сербохорватском литературном или псевдолитературном облике (обозначено *), при том, что в необходимых случаях указана их праславянская форма. После каждой лексемы за знаком q указан номер соответствующего вопроса по Вопроснику СХДА.

1. Рефлексы праславянского *tj:

в корневых морфемах имен существительных: плеће q167; плећка q168; *batja "отац" q401; маћеха q473; кућа q616; врећа q778; наћве q791; воћка q1252; воћњак q1254;

в корневых морфемах имен прилагательных: срећан q1699; вруће q1747;

в корневой морфеме имени прилагательного: туђ (*tjudjъ) q1701;

в корневых морфемах глаголов: огрћем q890; обећава q1645; (мс)праћа q1580;

в формах настоящего времени глагола "хотеть": хоћу q2087-q2093;

в исконно деминутивном суффиксе существительных *-itj: малић q263; сестрић q481; дугмић q569; детьић q1058; петлић q1096; пилић q1099; *љмљчић "слепи миш" q1146; црвић q1158; црвић q1159; брестић q1213;

в суффиксе прилагательного: телећи q1012;

в суффиксе действительного деепричастия настоящего времени: говорећи q106; држећи q198; идући q284; трчећи q323; носећи q365; играјући q430.

2. Рефлексы праславянского *kt:

в корневой морфеме *nokt-, представленной следующими дериватами: ноћ q1495; ноћни q1499; поноћ q1501; ноћу q2060; ноћас q2061; синоћ q2062;

в корневой морфеме имени существительного: кћер q440.

3. Рефлексы праславянского *dj:

в корневых морфемах имен существительных: веђа q49; сађа q673; жеђ q768; међаш q876; међа q1392; рђа q1305; пређа q1315;

в корневых морфемах имени существительного: госпођа

q1524-q1525 и притяжательного прилагательного: госпођин q1632;

в корневых морфемах имени существительного: туђин q1598 и прилагательного: туђе q1701;

в корневой морфеме имени прилагательного: говеђи q808;

в синтетических формах компаратива имен прилагательных: млађа q1706; слађа q1745; тврђи q1756;

в формах 2 лица императива глаголов "видеть": *виђ q59-60; и "есть": *јеђ q757-758;

в корневой морфеме глагола: заграђују q624;

в предлоге: међу q2038.

4. Эпентетическое L:

в рефлексе праславянской группы согласных *рј в корневом слоге глагола: плувати *рјувати q87;

в рефлексе праславянской группы согласных *вј в имени существительном: грабље q907 "гребуља";

в рефлексе праславянской группы согласных *вј в глаголе: остављати q376;

в форме страдательного причастия прошедшего времени: остављен q377;

в рефлексе праславянской группы согласных *шј в имени существительном: земља q1353, q1355.

5. Согласный Д в рефлексе праславянской группы согласных *dl:

в действительном причастии прошедшего времени: села q342;

в действительном причастии прошедшего времени: пао q359.

6. Рефлексы праславянского редуцированного переднего ряда *ь:

6.1. в сильной позиции:

в корневой морфеме: шапнула q82; ишао q283; таст q551; оцат q835; јечам q883; овас q885; пас q1039; дан q1449; лак q1683, q1684, q1685; мали (*шьпецькь) q1718; један q1935; једанпут q2009; сад (*зьгь/*зьдь) q2065;

в корневой морфеме имени существительного: ротквица < *ръдьк(ъv)а q1275;

в корневой морфеме имени существительного: Велигден q1631;

в корневой морфеме числительного: једанаест q1973;

в субстантивном суффиксе *ъсь под ударением: *гледац "зеница" q48; колац q710; свяџац q729; квасац q788; врабац q1064; жуманац (*žьltьсь) q1119; беланац (*bělьсь) q1120; ко-марац q1181; моџац q1184; венац q1293; мртвац q1572; удовац q1576;

в субстантивном суффиксе *ъсь вне ударения: желудац q171; братанац q480; конопац q713; чамац q1399; туђинац q1598; Босанац q1660; Црногорац q1661;

в суффиксе прилагательных *ьпъ: тесан q598; гладан q852; раван q866; снежан q1431; срећан q1699; жедан q1762;

в суффиксе прилагательных *ькъ: горак q825;

в субстантивном суффиксе *ьль: орао q1053; петао q1094;

в суффиксе наречий *ъсъ: данас q2057; ноћас q2061.

6.2. в слабой позиции:

в корневом слогe имен существительных: опанак q581-582; стакло q717; магла q1416; тамница (*тъпница) q1417;

в корневой морфеме имени существительного "день" в счетной форме и в форме множественного числа: дани q1452; два дана q1454;

в корневой морфеме форм настоящего времени и императива глагола: жање q911; жањи q913;

в корневой морфеме прилагательного: пасји q1043;

в корневой морфеме действительного причастия прошедшего времени: цвала q1289;

в корневой морфеме формы настоящего времени глагола: сване q1455 (и метатеза в той же форме);

в корневой морфеме наречия: данас q2057;

7. Рефлексы праславянского редуцированного заднего ряда *Ъ

7.1 в сильной позиции:

в корневых морфемах имен существительных: сан q70; заова q554; даске q699; бачва q723; наїве q791; вашка q1182; баз(овина) q1218; *дажд "киша" q1419; даждевѣак q1152;

в корневых морфемах указательных местоимений мужского рода: овај q1914; тај q1916; онај q1923;

в субстантивном суффиксе *ъкъ под ударением: моак q534; ручак q843; пловак q1103; жуманац (*жълтъкъ) q1119; беланац (*bělutъкъ) q1120; мечак q1130; песак q1411; четвртак q1462; петак q1463; *брестак "брестѣн" q1213;

в субстантивном суффиксе *ъкъ вне ударения: опанак q581; доручак q844; точак q974; чворак q1066;

в субстантивном суффиксе *ътъ: нокат q265; лакат q254;

в суффиксе имен прилагательных *ъкъ: мали (*шіпіцькъ) q1718; низак q1736; сладак q1742a; кратак q1768; редак q1779;

в суффиксе местоименных прилагательных *ъвъ: какав q1924; такав q1926; некакав q1927;

в приставке *Сь- в форме действительного причастия прошедшего времени: сазрело q1262;

в удвоенной форме предлога: сас q2020.

7.2. в слабой позиции:

в корневых морфемах глагольных форм: саѣам q72; макне q208; лагала q516; че "тка" q1318;

в корневых морфемах имен существительных: лажа q518; лажов q520; снаха q548; даска q696, q875; дно q721; лажица q782.

8. Рефлексы праславянских инициальных последовательностей *Вь, *Вь:

в глагольных приставках: узмаш q225; удала се q510; удене q1346;

в имени существительном: (пара)унук q461, q479;

в приставке наречий: увек q46; јуче (*въѣга) q46;

метатеза в форме мужского рода единственного числа местоименного прилагательного: сав (*vъсь) q1930.

9. Рефлекс праславянской инициальной последовательности *čr-: црв q1154; црви q1156; црвиѣи q1159; црн q1807a; црна q1808; цркву q1617; црта q1592; црвен q1810a-q1813.

10. Рефлекс вторичного редуцированного:

в формах действительного причастия прошедшего времени: могао q22; подигао q236; *уштипао q264; *слезао q319; *седао q341; порастао q427; посекао q704; пекао q797; покисао q1426;

в именах существительных: мозак q5; свекар q549; огаѣ q657; вепар q1025; восак q1171;

в именах прилагательных: кисео (*kys(ě)lь) q832; добар q1687-q1698; остар q1739;

в числительных: осам q1971; осамнаест q1976; седам q1970; седамнаест q1982;

в полной, энклитической и отрицательной формах 1 лица ед.ч. глагола: бити q2084, q2085.

11. Рефлекс слогаобразующего *j̥:

в позиции после лабиальных согласных: вуѣи q579, q980-q982; помузена q1015; муче q1047; вук q1126; *пуж (*рълхь); пуж q1160; бува q1175-q1176; јабука q1228; муѣа q1414; пун q1740.

в позиции после заднеязычного К: кук q344; куне q1603;

в позиции после дентала С: суза q63; *слба (*stьlba "лестве") q676; сунце q1467;

в позиции после дентала Д: дупсти q1301; дужан q1445-1447; дуга q1780; дубок q1784;

в позиции после альвеопалатального Ж: жуч(ка) q175; жуна q1067; *жутац (<*žьltьсь) q1119; жут q1813-1815;

12. Рефлекс слогаобразующего *r в словах структуры

CR: вр (*vьrhь) q1364;

CR + V: *вромо (<*vьrhomо) q923;

CRC: крв q30; *прч (јаре) q954; црв q1154; грм q1220; *брв (брвно) q1397; *дрт (старн) q1707; црн q1807a; мрк q1816; и в формах причастия на Л: *умрл q394; *трл q1329;

CRCC: прст q259; крст q1611;

CCRC: тврд q1755;

CCRCC: чврст q1757;

‡RC + V: *рња "ноздрва" q40; рве се q157; *ржаница "раж" q884; рђа q1305;

‡RCC + V: *рнка "ноздрва" q40;

CRC + V: *србм "сврбм" q37; бркови q138; бркоња q141; *грбина "леђа" q163; држм q192; *фрља "баца" q249; q251; трчм q323; свекрва q550; јетрва q555; *срча "стакло" q717; жрвањ q786; пржити q803; вршено q918; *прчеви "јарад" q956; грди q1050; кртица q1147; црви q1156; умрла q1168; дрво q1186; кршино q1199; врба q1216; грман q1220; брдо q1358; брдо q1375; црта q1592; Хрват q1662; Србмн q1666; црна q1808; крвав q1817; четрдесет q1980; први q1990; брзо q2040; врло q2050;

CRCC + V: *грбњача "кичма" q166; *жрвњи q787; *пршћм "чварци" q818; *црвчичи "црвићм" q1159; *трика "кошница" q1169; прстен q1306; вртлог q1404; *дрктел "дрхтао" q1441; мртац q1572; хришћанин q1612; цркву q1617; *мрзла "хладна" q1787-q1788; *првни "први" q1990;

CRCCC + V: српски q1168;

CCRC + V: стршљен q1164; *сирча "сирека" q1209; острво q1410; четвртак q1462; четврти q1994.

фонетически облик корневой морфемы имени существительного: хришћанин q1612.

13. Рефлекс праславянского *ѣ в корневой морфеме имени существительного: орах q1235.

14. Рефлекс консонантной последовательности *jd в личных формах глаголов: дође q287-q293; нађе q355.

15. Иотация дентального согласного Т в последовательности *тъj:

в собирательных именах существительных: браћа q464; дрвеће q1189; лимће q1203; цвеће q1206; пруће q1221;

в именах существительных: пролеће q1502; хришћанин q1612;

в порядковом числительном: треће q1993.

16. Йотация дентального согласного Д в последовательности *дъј:

в именах существительных: леђа q162; рођак q562-563; лађа q1400;

в собирательных именах существительных: гвожђе q661; (по)суђе q785; грожђе q1248;

формы существительных: Мађар q1664; буђ q824.

17. Йотация лабиального согласного В в последовательности *въј:

в именах прилагательных: крављи q999; дивљи q1123;

в имени существительном: здравље q1548;

в собирательных именах существительных: црви (*цьгвьје) q1155; дрвеће (*derвьја) q1189.

18. Йотация лабиального согласного П в последовательности *ръј в именах существительных: снопле q916; гробље q1574.

19. Вокализация финального -Л:

в конце внутрисловного слога имен существительных: *малчич "мали прст" q263; заова q554; раоник q872; жаока q1170; *понеделник q1459;

в конце слова в именах существительных: пепео q667; сто q695; со q822; во q989; орао q1053; соко q1056; петао q1094; каранфил q1291; април q1481; део q1636; анђео q1625; ђаво q1626;

в конце внутрисловного слога имен прилагательных: стеона q1031; доњи q1764;

в конце слова в именах прилагательных мужского рода: кисео q832; дебео q1759; цео q1777; весео q1798; бео q1803;

в конце слова в формах действительного причастия прошедшего времени мужского рода единственного числа: могао q22; видео q61; чуо q80; казивао q109; смејао се q126; читао q129; чешљао q135; бријао q143; држао q193; пустио q202; ухватио q207; удармо q216; турмо q222; узео q229; дигао q236; дао q241; уштинуо q264; ишао q283; дошао q294-q296; изашао q305; *слезао q319; бежао q326; седео q335; сео q341; сагнуо се

q352; пао q359; носмо q364; донео q370; умро q394; растао q427; волео q485; свукао q583; ковао q663; легао q679; секао q704; имао q738; требао q743; јео q756; пекао q797; купио q858; вро q920; почео q931; кркао q1072; зрео q1257; сазрео q1262; тро q1329; покисао q1426; дрхтао q1441; озледмо q1550; заборавмо q1593; поклонмо q1643; бмо q2076; хтео q2094.

20. Согласный S:

на месте этимологических **З** и **S** в инициальной позиции перед **B**: звижди q123; зидови q631; звери q1124; *зола "оса" q1165; зебне q1435-q1438; звезда q1470; звона q1622;

на месте этимологического **Д** в имени существительном: двиска q947;

на месте этимологического **S** в формах множественного числа имен существительных: сузе q63; бубрези q174;

в наречии: назад q2039.

21. Согласный J:

в инициальной позиции перед гласным переднего ряда **E**: језик q98; јетрва q555; једу q755; јечам q883; *јеребица q1068; јелен q1125; јеж q1148; јела q1208; јектика q1551; једнако q1734; јефтин q1776; једна q1936; једанаест q1973;

в позиции между гласными:

ији: чији q1889;

еји: блеји q1048;

аји: *блаји q1048; обичаји q1635;

оји: уштроји q1034; бројимо q1533; Тројица 1631a; који q1886; моји q1897;

ије: избјен q217-q218; добије q525-q528; пијемо q765; пролије q842; шије q216; мије се q1552; *пријетељ q1561;

еје: *умејемо q16; сејемо q879; смејем се q125; *остареје q452; зреје q1260; *вревејећи "говорећи" q106; *држејећи q198; *идејећи q284; *трчејећи q323; *носејећи q365; *неје "није" q2085;

аје: *знајемо q14; *држајећи q198; *трчајећи q323; *играјећи q430; *ваљаје q748; лаје q1051; *зајец q1135; *терајем q1148; *ткаје q1318; крајеве q1390;

оје: *поје "пева" q121; које q1886; моје q1898;

ује: пљује q87; *записује q209; *казујем q107-q108; отрује q829; смпује q841; *собује "свуче" q580;

ија: фамилија q396; авлија q622; *вунија q720; пијан q1129; змија q1153; *шапталија q1233; *бичћија "тестера" q1303; пијац q1528; пијаница q1594; судија q1601; Србија q1665;

еја: *умејаше q17; смејао се q126;

аја: *шурњаја q553; *зајац q1135;

оја: двоја q2018;

ејо: *умејоше q17;

ају: разговарају q111; пуштају q205; шетају q321; *мскају q353; *сисају q423; играју q428; *цукају q488; чувају q507; *добивају q530; имају q737; *ткају q1319;

ују: псују q520; *дарују q523; заграђују q624; верују q1610;

в последовательности -čji: дечји q420; мачји q1046;

метатеза в группе согласных ЗЈ: козји q953; *грозје q1248; *гвозје q661;

вставной Ј в последовательности -аћ- в имени существительном: браћа q464.

22. Согласный Х:

в инициальной позиции перед гласным: хајде q285; хоца q1615; хоће q2087;

в инициальной позиции перед сонантом Л: хлеб q804; хладна q1787;

в инициальной позиции перед сонантом Р: хришћанин q1612; Хрват q1662-1663; Хрватска q1669;

в инициальной позиции перед лабиальным согласным В: хвала q531;

в инициальной позиции перед пловивом Т в форме действительного причастия прошедшего времени: хтео q2094;

в инициальной последовательности *ДьХ-: твор q1140;

в последовательности -ХВ- в форме действительного причастия прошедшего времени: ухватмо q207;

в последовательности -ТХ- в корневой морфеме имени прилагательного: *ветхо "старо" q566;

в последовательности -ХТ- в форме действительного причастия прошедшего времени: дрхтао q1441;

в корневых морфемах лексем: снаха q548; кухня q770;

в позиции между гласными:

аха: сахат q1448;

ехе: *дрехе "одежа" q564;

еха: маџеха q473; стреха q638;

ехо: мехови q665; грехота q1649;

еху: мехур q669; *мехуна "махуна" q1269;

уха: пазуха q181; куха q821; кухано q1000; буха q1175; духан q1298;

ухе: бухе q1176;

ухо: ухо q73; Духови q1631a; сухо q1791;

в конце слова: мех q664; пастух q1033; орах q1235; врх q1364; сирмах q1637; грех q1649; сух q1790; одмах q2064.

23. Согласный Ф: фамилија q396; флаша q718; кафа q846; *фасуљ q1268; јефтино q1778.

24. Согласный В:

в позиции перед глухим согласным: овца q934; пловка q1102; *цьфтела (цвала) q1289;

в позиции перед сонантом Р: *врли "бацн" q249-251.

в позиции между гласными в формах страдательных причастий настоящего времени: *оставен q377; *сакривен q433.

в последовательности -АУ-: *павун q1109; *павук q1163.

25. Прогрессивная палатализация заднеязычного согласного К:

в позиции после Ј: мајка q407; *ујка "ујак" q476; девојка q542-q546; сојка q1069; пујка q1108; комшијка q1579;

в позиции после Љ: *љуљка "љуљашка" q682; *жељка "корњача" q1150; *сноваљка "чунак" q1336; *учитељка "учитељица" q1522-1523;

в позиции после Љ в имени существительном: *рњка "ноздрва" q40.

26. Палатализация заднеязычного согласного К:

в позиции перед гласным переднего ряда И в начале слова или между гласными: кичма q166; *кицеља q596; кипи q811; кисео q832-q834; покисне q1427; секира q1299; киша q1419-q1421; јаки q1676; високи q1729-q1730; мрки q1816; сваки q1929;

в позиции перед гласным переднего ряда И после сонанта или согласного: горки q827; *колки q1928; ниски q1738; српски q1668; хрватски q1669; *пешки q985; пешкир q1553; *пчешки "пасји" q1043; кратки q1770; *бичкија "тестера" q1303; момачки q1717;

в позиции перед гласным переднего ряда Е в начале слова или между гласными: руке q188; шаке q258; кецеља q596;

в позиции перед гласным переднего ряда Е после сонанта или согласного: *ћерке q475; *кочинке q379; *санке q1432; *сиске "дојке" q155; даске q699; кокошке q1090; плечке q167.

27. Палатализация согласного Г:

в позиции перед гласным переднего ряда И: *гича "лоза" q1251; погине q1558; други q1991.

в позиции перед гласным переднего ряда Е: снаге q28; џигерица q172.

28. Фонетическое чередование звонкий/глухой согласный в конце слова:

Б/П: зуб q90; зглоб q151; руб q571; хлеб q804; голуб q1110; гроб q1575; Загреб q1673;

В/Ф: крв q30; кров q630; чаршав q680; *пастув q1033; црв q1154; поздрав q1549; лопов q1600; Дунав q1674; нов q1772; сув q1790; балав q1793; крвав q1817;

Г/К: бубрег q173; пашеног q556; праг q643; снег q1428; *саг "сад" q2065;

Д/Т: глад q850; дуд q1240; Београд q1659; тврд q1755; пред q2023; назад q2039;

Ђ/Ѓ: *виђ "види" q59; *јеђ "једи" q757;

Ж/Ш: нож q706; пуж q1160; јеж q1148;

З/С: *маз "маст" q812; *гроз "грозд" q1250; без q2019;

Ц/Ч: *виц "види" q59; *јец "једи" q757.

Целью анализа материала по представленным группам вопросов было продемонстрировать отношение говора Вратарницы как к ныне его окружающим говорам восточной Сербии, так и к говорам возможных исходных пунктов миграции, причем особое внимание уделялось тем чертам говора Вратарницы, которые его выделяют среди восточносербских и западноболгарских, а также тем, которые, объединяя Вратарницкий с каким-либо из восточносербских или западноболгарских, указывают на существующие диалектные различия в самой исследуемой группе говоров. В силу этого оказывалось нецелесообразным перегружать работу большим количеством диалектного материала, не дающего результатов в искомым направлениях.

0.8. 0 структуре работы

В соответствии со сформулированными выше основными задачами исследования, представление и анализ диалектного материала производится следующим образом:

1) Формулируются отдельные темы по исторической фонетике и грамматике Ч, Ц - диалекта, представляющие интерес для исследования; фонетические разделы по мере возможности располагаются в хронологическом порядке;

2) Представляется и анализируется материал из монографических описаний сербохорватских тимокско-лужницких и западноболгарских "пограничных" (белоградчикско-трынских) говоров, анализируется имеющаяся литература по общим вопросам южнославянской диалектологии;

3) Представляется и анализируется с исторической (реже с функциональной) точки зрения весь имеющийся материал по говору с. Вратарница;

4) Из анализа представленного материала и данных литературы делаются выводы, позволяющие решить поставленные в исследовании задачи.

Предлагаемая работа является первой частью проекта "Региональная южнославянская диалектология. Говоры восточной Сербии и западной Болгарии" и трактует прежде всего вопросы исторической фонетики (некоторым вопросам морфологии посвящена отдельная глава). Проект в целом имеет задачей создание диалектологического атласа южнославянских говоров восточной Сербии и западной Болгарии.

1. Рефлексы праславянских *tj, *dj

1.1. Из литературы вопроса

ШТ и ЖД на месте *tj, *dj обычно признаются очень типичными особенностями, встречающимися исключительно в болгарском языке [напр.: Мирчев 1978: 155]. Можно встретить и утверждения о том, что "в отношении судьбы [tj] и [dj] болгарский и сербохорватский языки существенно различаются" [Бернштейн 1961: 229]. Становится понятным, поэтому, почему вопросу о происхождении в говорах восточной Сербии и западной Болгарии Ч, Ъ - рефлексов, отличных как от литературных сербских, так и от общеболгарских, в истории славистики посвящалось столько внимания.

1.1.1. Проблема фонетического описания

С одной стороны, следовало установить реальное звучание этих звуков, ведь еще Л.Мазинг, отметивший особую трудность определения западной границы болгарского языка, считал, что ни Ч, ни Т не являются адекватными обозначениями слышимого в области "шопского диалекта" звука, "der wohl dem serbischen h näher steht". Заявив, что Ч и ДЖ возможно в действительности звучат "nicht so einheitlich", как это могло бы показаться на бумаге, он устранился от их дальнейшего рассмотрения [Masing 1890: 4, 12-13].

Очень скоро после скептического замечания Л.Мазинга стало достоверно известно, что фонетически рефлексы праславянских *tj, *dj реализуются здесь как Ч и Ч', Ъ и Ъ', причем определить правила распределения аллофонов не удается; так же реализуются и Ч и Ъ много происхождения (первым это отметил

О. Броч [Brosch 1903: 284]). Несколько смягченный характер ч' и џ' отмечают практически все сербские диалектологи [Ивић 1956; Ивић 1959].

1. 1. 2. Область распространения

Область распространения форм с интересующими нас рефлексам была установлена уже в начале XX века. В работе А. Белича [Белић 1905: 41 и след.] была определена граница этих говоров на западе, относительно ћ, ѥ - диалектов. В трудах Б. Цонева была установлена граница их относительно ШТ, ЖД и К', Г' - говоров [Цонев 1984 III: 315 и след.], в дальнейшем уточненная Ц. Тодоровым [Тодоров 1929, 1936] и четвертым и третьим томом Болгарского диалектологического атласа [БДА 4, 3].

Было отмечено также, что рефлексы *dj не только пространственно, но и количественно совпадают с рефлексами *tj [Тодоров 1936: 157], а область их распространения очень четко выделяется как на фоне ћ, ѥ - диалектов, так и на фоне ШТ, ЖД-диалектов.

1. 1. 3. Историко-фонетические объяснения

В славистике достаточно четко обозначились три направления в решении вопроса о происхождении рассматриваемых рефлексов *tj, *dj: первое стремилось связать наши рефлексы с сербскими ћ, ѥ; второе с болгарскими ШТ, ЖД; третье - с восточнославянскими Ч, Џ.

1) Первое направление рассматривает возможность: *tj, *dj > ћ, ѥ > Ч, Џ. Еще А. Белич сформулировал интересующую нас проблему таким образом: "Вопрос в том, как относится этот диалект, гевр. его звуки [т. е. Ч, Џ тимокско-лужницкого диалекта - А. С.], к остальным диалектам, развилось ли Ч и Џ из ћ^Т и ѥ^Д (ћ^К и ѥ^Г) или это совершенно отдельные диалекты, в которых каждый из указанных звуков появился совершенно самостоятельно

из общеславянских *t₁ и *d₁". И ħ, ĥ остальных сербских диалектов, и данные Ч, Џ "должны... сводиться на общие основные звуки". Так как ħ, ĥ не могут происходить из Ч, Џ (ведь тогда бы и старое Ч дало ħ: *ħашка), "может и должно быть наоборот, что свое Ч-Џ тимокский диалект самостоятельно развил из более старого ħ^T (ħ^K, ħ)" [Белић 1905: 171-172]. Эта точка зрения общепринята среди югославских лингвистов и в наиболее общем виде сформулирована также А.Беличем: "В штокавщине t', d' дало ħ и ĥ", и "напоследок, в тимокском диалекте ħ и ĥ развиваются регулярно в Ч и Џ, как и в некоторых других наших говорах"⁴ [Белић 1960: 102]. Локальной тимокско-лужицкой инновацией считают "отверждение старого ħ и ĥ в Ч и Џ" П.Ивич [Ивић 1956: 114] и И.Попович [Поповић 1955: 91].

Непонятным представляется мнение А.Белича о том, что: "в южнославянской группе видна... двойственность: в западной ее половине, из которой позднее разовьются словенский и сербохорватский языки, остается t' и d', а в восточной половине, из которой позднее разовьются болгарский и старославянский, развиваются очень рано звуки Ч' и Џ', которые сразу же развивают фриктивный элемент впереди, т.е. Ш' и Ж', т.е. Ш'Ч' и Ж'Џ' и в этой форме (Ш'Ч' и Ж'Џ') остаются характерными для основной массы позднейших болгарских и старославянских диалектов, развиваясь далее в Ш'Т' и Ж'Д' (как в болгарском и старославянском Кирилла и Мефодия) или остаются в форме Ш'Ч' и Ж'Џ' до сегодняшнего дня" [Белић 1960: 102].

Данное утверждение А.Белича при его сравнении с приведенным выше мнением того же ученого представляется противоречивым. В самом деле, какие у нас есть основания отрывать тимокско-лужицкий переход *t₁j, *d₁j > Ч, Џ от того же перехода в истории восточноюжнославянских языков?

2) Второе направление предполагает следующее развитие: *t₁j, *d₁j > ШТ, ЖД > Ч, Џ.

⁴ Смещение ħ, Ч и ĥ, Џ в сербохорватских мусульманских говорах, однако, много характера [см.: Ивић 1991 IIб: 82-90].

Эту возможность предпочел В.И.Георгиев, считавший, что "болгарские диалектные особенности, а именно ШЧ, Ч, как и ЖДЖ, Ж, ДЖ - новые (поздние, вторичные) явления, возникшие из древнеболгарских ШТ-št' и ЖД-žd': Ч в ШЧ-štš произошло вследствие перехода палатального t' из št' в tš-Ч, а Ч-tš вследствие диссимилятивной утраты при ШЧ-štš". В качестве подтверждения последнего положения в сноске в конце страницы приводится пример: кокочица < кокошчица в тимокско-моравских говорах. "Исходные" же болгарские ШТ и ЖД возводятся к праславянским *tt', *dd', в то время как восточнославянские č и dž - к t' и d' [Георгиев 1986: 107; ту же точку зрения высказывал и М.Младенов в: Младенов 1969: 41]. Следовательно, в объяснении Ч, Ъ нам предлагаются две различные схемы, одна для восточнославянского, другая для болгарского:

Прасл.

вост. слав.
t', d'

болгар.
tt', dd'

ШТ ЖД

ШЧ ЖЪ

Ч Ъ

Ч Ъ

Заметим, кстати, что эта схема не позволяет объяснить сохранение в Ч, Ъ - говорах сочетаний ШТ и ЖД много происхождения и отсутствие их перехода в ШЧ > Ч и ЖЪ > Ъ.

3) Из болгарских лингвистов только Б.Цонев прямо заявлял, что "замена Ч-Ъ вместо ШТ-ЖД не является болгарской чертой" и что "они возникли в этом наречии независимо от болгарского языка". В то же время, он считал, что "замена, tj-dj на Ч-Ъ в этом наречии не является болгарской, но и не сербской, а идентична древнерусскому рефлексу этих звуков" [Цонев 1984 I: 341]. Похожим образом, возможно, рассуждал и Ц.Тодоров, считавший здоровой невысказанную, но подразумеваемую "в нескольких местах" у О.Броха мысль, "что данные говоры отделяются как целое как от болгарского, так и от сербского языка" [Тодоров 1936: 30].

4) По мнению С.Бернштейна, "исходной позицией для всех южнославянских языков является [t^{š'}], [d^{ž'}]".

В западной группе южнославянских языков данные аффрикаты

сохранились, представляя сильную степень мягкости. В дальнейшем они пережили по говорам некоторые изменения. Отсюда [ħ], [h], [t'], [d'], [č], [j] и др.

Иначе шло развитие в восточной группе. Здесь очень рано перед аффрикатами возникли переднеязычные палатальные артикуляции [š'] и [ž']. Так возникли [št^{š'}], [žd^{ž'}]. Дальнейшее развитие уже различалось по говорам. В большинстве говоров восточной группы в этой позиции призвук утратился. Так возникли [št], [žd]. В некоторых южных говорах призвук развился в самостоятельную артикуляцию. Это дало [štš'], [ždž']" [Бернштейн 1961: 228-229].

Н. Трубецкой [по: Rospond 1976] предложил в качестве промежуточной ступени перехода *tj, *dj > št, žd в восточноюжнославянском этап *tj, *dj > t't', d'd' (т.е. переход в "lange palatale Verschlusslaute"), что дает праславянское диалектное членение:

tj	1. t'	dj	1. d'
	2. t't' > štš, št		2. d'd' > ždž, žd

Данная интерпретация, к сожалению, никак не трактует Ч, Ъ наших диалектов.

Наиболее адекватным представляется мне ход развития, в основе своей предложенный И. Гыльбовым [Гыльбов 1986: 71], касающийся, правда, только изменений праславянского *tj:

1. (tj)	2. (t')	3. (t'=č=t ^{š'})
южнослав. | 4a. (c=t ^š)
западнослав. | 4b. (č=t ^š) - (šč, št)
восточнослав., болг.
южнослав. |
|---------|---------|---|---|---|

Интересно, что близкую точку зрения занимал одно время и Б. Цонев. По его мнению, в области распространения болгарского языка "мы находим наряду с обыкновенным и самым новым рефлексом tj-dj - ШТ, ЖД еще и по всей вероятности самый старый рефлекс tj-dj - К'-Г', свойственный сейчас македонским говорам. Кроме этих двух крайних рефлексов tj-dj есть в болгарском языке еще два, которые представляют две средние стадии между К'-Г' и ШТ-ЖД; это Ч-Ъ и ШЧ-ЖЪ". Историческое развитие здесь:

к'-г' > ч-џ > шч-жџ > шт-жд [Цонев 1984 I: 335]. Неясно, однако, в каком отношении к этим этапам развития, в том числе и к ч, џ, находились, по мнению Б.Цонева, сербские ћ, ѣ.

5) В целом, можно заключить, что большинство лингвистов (за исключением В.И.Георгиева) сходится во мнении об инновационном характере болгарских рефлексов шт, жд относительно ћ, ѣ, ч, џ; первые признаются особенностью восточноюжнославянского прадиалекта, вторые, объединяемые в одну группу, - чертой западноюжнославянского. Следовало бы, однако, воздержаться от определения этих прадиалектов как сербских или болгарских.

1. 1. 4. Абсолютная хронология

Абсолютная хронология рассматриваемых переходов предложена только сербской лингвистической традицией. Согласно мнению А.Белича, тимокско-лужницкий переход *tj, *dj > ч, џ произошел "возможно уже до XII века". "Это изменение старое, и оно произошло тогда, когда связи этой части говоров восточной и южной Сербии с остальными нашими говорами были разорваны" [Белић 1905: LVI-LVII]. Решение этого вопроса затруднено отсутствием старых памятников с территории этого диалекта, и "ясно лишь, что [интересующий нас фонетический переход - А.С.] осуществился задолго до времени, когда турецкие слова начали активно употребляться в упомянутом диалекте, и до начала перехода -тъје- = -tje-, -дъје- = -dje- в ћ^Те, ѣ^Де" [Белић 1905: 173-174]. "Это, по всей видимости, время с XII-XIII века" [Белић 1905: 190]. Такого же мнения придерживался и И.Попович [Поповић 1955: 91].

С другой стороны, П.Ивич, также считающий, "что примерно в XII-XIII в. тимокско-лужницкие говоры... вышли из штокавской группы развития" [Ивић 1956: 114], не уверен, следует ли фонетическому переходу /т'/ > /ч/ в тимокско-лужницком "приписать глубокую старину" [Ивић 1991 IIc: 174]. Ср., однако, что в статье о пиротском говоре П.Ивич среди отличительных

его от болгарского черт, каждая из которых "не моложе XI века", приводит "ћ или ч и ђ или џ в формах типа ноћ/ноч, меџа/меџа (а не нош, межда)" [Ивић 1991 IIId].

1. 1. 5. Диалектологические традиции

1. 1. 5. 1. Сербская традиция

"Особое значение" придает данным рефлексам в тимоком говоре М. Станоевич [Станојевић 1911: 377], а Н. Богданович справедливо считает появление ч и џ на месте праславянских *tj, *dj "разумеется, наиболее существенной характеристикой говора Бучума" [Богдановић 1979: 41]. Л. Чирич отмечает замену ћ, ђ > ч, џ на всей территории Лужницы (правда, регулярна она лишь в зоне I) [Чирич 1983: 47, 166]. М. Станоевич только указывает, что "в новое время, особенно в западных районах (в селах по Тупижице), ч и џ заметно заменяются ћ и ђ: домашин, домаћин, домајћин" [Станојевић 1911: 377]. Напротив, как Н. Богданович, так и Л. Чирич приводят ряд лексем, в которых отмеченные в начале века А. Беличем ч, џ уже не встречаются, будучи вытесненными либо иными словообразовательными вариантами (I), либо формами с ћ и ђ (II):

	Белић 1905	Богдановић 1979	Чирич 1983
I.			
	вачам	привата се	ватам
	вочице	-	вочице
	врача	врта се	врта
	врчајте	-	вртајте
	обрчамо	обртај	обртамо
II.			
	Пирочанин	-	Пироћанин
	помоч	помоћ	помоћ
	среча	срећно	срећа
	чопаве	ћопава	ћопава
	вручина	врућина	-
	домачин	домаћин	-
	куча	кућа	-
	черка	ћерка	-
	чисточа	чистоћа	-
	госпоџин	Госпоћиндџин	госпоћин
	граџани	-	граћани
	џурин	ђурин	-
	џурџовдџин	ђурђовдџин	-

Интересно, что болгарский лингвист С. Младенов, обнаруживший в 1903 году регулярное Ч, Ъ в говорах "между Нишем и Княжевцем, но ближе к последнему", "только у мужчин" услышал ħ и ħ̣ [Младенов 1905: 115-116].

Практически ни один из сербских диалектологов не обратил особого внимания на возможные в этих диалектах ШТ, ЖД - формы, и прежде всего на лексему: башта, не отмеченную у Н. Богдановича, и указанную в словаре у Л. Чирича [Гирић 1983: 127]. Кстати, в свое время А. Белич, добавляя несколько примеров на данное явление, отметил и "болгаризм": чужд в Пироте [Белић 1911: 92], а М. Станоевич в материале о редуцированном без особых комментариев указывает лексему: дьшти, дьштерја [Станојевић 1911: 366].

1. 1. 5. 2. Болгарская традиция

Болгарские диалектологи, напротив, придают вопросу о ШТ, ЖД - формах, обнаруживаемых на территории нашего диалекта, особое значение. "Нельзя не признать, что два эти северо-западные говора (т. е. Ч, Ъ и ШТ, ЖД - диалекты - А. С.) относительно рефлексов праславянского *tj резко отграничиваются друг от друга, и только там, где представители белградчико-трынского говора находятся среди населенных пунктов со ШТ, ЖД - говорами, мы обнаруживаем в действии сильное влияние второго говора на первый" [Тодоров 1936: 148]. Можно только сожалеть, что Ц. Тодоров [Тодоров 1936: 146-157] рассматривает проникновение Ч форм в ШТ - говоры, но не и наоборот.

По более ранним данным Б. Цонева, в говорах, центральных для Ч, Ъ - наречия, "со ШТ произносятся только: башта, къшта, пештера, општина, ништелки (наряду с нити), мошти". Очевидно, что в списке примеров не проводится различия между формами со ШТ разного происхождения. Со ЖД отмечаются: нужда, надежда, чуждо [Цонев 1984 II: 340-341].

Мнение Б. Цонева о незначительном числе ШТ, ЖД - форм на рассматриваемой территории подтверждается информацией о трын-

ском говоре, несмотря на ошибочное утверждение автора диалектного описания о том, что при регулярном Ч, Ъ ("самая характерная" черта говора, по которой он относится к Ч, Ъ-группе) ШТ "сохраняется" (!? - А.С.) только в ѓште, што, в суффиксе -ИШТЕ, и в лексеме: гоштавам. Все эти примеры не относятся к рефлексам *tj. Очень интересно, с другой стороны, что "слышится Г' в: рг'а, рг'осан, но и: рѓа, рѓосан" [Господинкин 1921: 173]. Эти сведения говорят об отсутствии ШТ, ЖД влияния на трынский говор во время его описания, при наличии формы рг'а, связывающей его с более западными сербскими говорами. В более позднем описании того же говора находим, с одной стороны, формы: башта́, наде́жда, чу́ждо, а с другой: срѣк'а, несрѣк'а [Петричев 1931: 46].

Такая же ситуация и в говоре Ново Села, где при основном *tj > Ч "только в словах бѣшта и дѣштер есть сочетание ШТ". В отличие от всех остальных болгарских диалектологов М. Младенов указывает на различное происхождение сочетания ШТ. При основном *dj > Ъ, "в слове нужда есть сочетание ЖД, но это слово для говора новое" [Младенов 1969: 41].

Наоборот, очень сильное ШТ, ЖД влияние обнаруживается в говоре с. Ошане, где находим: баштин, дѣштера, навшта, обуштар, насрешта (из списка мною исключены примеры со ШТ < *stj), чужд, изглаждам, онождамо, наождамо [Берберска 1931: 94].

В годечском говоре основные рефлексy *tj и *dj - Ч, Ъ. "В ограниченных случаях на месте праславянского сочетания *tj находится группа фонем [ШТ]: гуштер (!? - А.С.), къшта, ништелк'е, сношка, съшто и др.". В деревнях Комштица и Смолча отмечен локальный переход ШТ > ШЧ. На месте *dj "в некоторых случаях" находим ЖД: вражда, нуждо, чуждо, на что обратил внимание еще Б. Цонев [Виденов 1978: 49-50].

Выпадает из общего ряда наблюдений болгарских диалектологов мнение Р. Божкова, который считает, что несмотря на наличие рефлекса *tj, *dj > Ч, Ъ, "который в литературе считается бесспорным явлением, характеризующим все северозападно-

болгарские говоры, в царибродском говоре встречается в ежедневном и высокочастотном употреблении много слов, которые имеют в своем составе фонемное сочетание ШТ: башта, гоштавам, кърштен'е, посештавам, ништел'к'е, пештера (!? - А.С.) и др. ". Р. Божков приводит даже Карту 8 на это явление, в соответствии с которой на всей территории царибродского говора употребляется форма: башта. В ряде сел Р. Божковым зафиксированы формы: вражда, нужда, а в Пироте и Г'-рефлекс *dj [Божков 1984: 30⁵]. Автор диалектологической монографии не различает в своем списке ШТ, ЖД разного происхождения и не рассматривает вопроса о путях проникновения ШТ, ЖД форм в данный говор.

1. 1. 5. 3. Заключение

В целом, приведенный материал диалектологических монографий говорит о следующем:

1) болгарские Ч, Ъ - говоры в своей истории подвергались минимальному ШТ, ЖД влиянию, в результате которого на их территорию проник весьма ограниченный круг лексем с общеболгарским ШТ, ЖД рефлексом;

2) говор с. Ошане (и, возможно, Ч, Ъ - говоры в районе Белоградчика в целом) подвержен более сильному, чем обычно, ШТ, ЖД влиянию;

3) сербские диалектологи не проявляют особого интереса к обнаруживаемым на территории сербских Ч, Ъ - говоров ШТ, ЖД формам, вследствие чего вопрос о степени ШТ, ЖД влияния на эти говоры остается открытым. Ясно лишь, что влияние это должно было быть значительно меньшим, чем в болгарской части Ч, Ъ - зоны;

4) в работах болгарских диалектологов заметны тенденции, с одной стороны, увеличивать число примеров со ШТ, ЖД за счет

⁵ В материалах А. Манчевой о говоре с. Петерлаш при абсолютно господствующих рефлексах Ч, Ъ отмечены только формы: башта и обештајем [Манчев 1967: 186, 183].

форм, не представляющих рефлексов *tj, *dj, с другой стороны, обходить вниманием вопрос о проникновении ħ, ħ или k', g' форм на территорию болгарских ч, џ - говоров.

1.2. Праславянские *tj, *dj в говоре Вратарницы

Фонетически рефлексы *tj, *dj реализуются в говоре Вратарницы как ч, ч', џ, џ', причем установить правила распределения смягченного аллофона не удается.

1.2.1. Рефлексы *tj в говоре Вратарницы

1) Рефлексація *tj (*kt) как ч

Сочетание *tj в корневом слого существительных в большинстве примеров отражено как ч: вóчка, вóчњак; гáч'е, гáче; лéча; мáчеа; нýчви; плéчка, плéчĥе; прúчка; свéча, свечú, свéче; добрá срéча. Этот же рефлекс отмечен в корне прилагательных: *tjudjъ(јъ): чúжди (также тúг'и, тúĥ'и), Пирочáнски и наречия: вéче.

Судьба праславянской группы согласных *kt была в южнославянских языках аналогична судьбе *tj, оба сочетания совпали в едином рефлексе. Как ч оно отражено в наших примерах: ноч, нóчњи, поланóч, нóчњи, нъчýска; чéрка, ч'ёрка.

Праславянский уменьшительный суффикс *-itj очень редко отражается в говоре Вратарницы как -ич. Последовательно это отмечается в примере Божíч, возможна подобная рефлексація в фамилиях (и кличках): Кáна џóнич; Костодíнович. Два раза отмечено в: магарíч ("маленький осел") и сéстрич (наряду с: сéстриĥ) .

В корневом слого глаголов отмечены следующие примеры передачи *tj как ч: ^xвáч'ај; врачаш_се; оградáч; обрача_га; сéчаш_се, сéчај_се; нéче; плач'у (лит.: плаћају); óчу, óчеш, óче и т. д.; че, чемо и т. д.

2) Рефлексация *tj как ШТ

Разительным отличием говора Вратарницы от окружающих его тимокских является достаточно большое количество примеров рефлексации *tj как ШТ, что связывает его с болгарскими говорами восточной периферии Ч, Ц - зоны и несомненно указывает на исходный пункт его миграции.

В корневом слоге существительных это отмечается прежде всего в лексеме *batja "отец", которая представлена исключительно в форме: башта́, башту́, башти́чко, что, однако, еще не выделяет говор Вратарницы среди тимокских. Интересно, что на прямой вопрос о наличии в говоре формы *свешта я получил ответ, что эта форма "известна, но не у нас", а о форме *кьшта мне было сообщено, что так говорят в с. Велики Извор, но не во Вратарнице. Отмечена форма: ни́шка "нить".

Праславянское звукосочетание *kt отражается как ШТ во Вратарнице в лексемах: дьштерá, дьштерú; снóшка. Последний пример особенно показателен, так как он необычен для тимокского региона.

Наконец, подобную рефлексацию встречаем в корневом слоге некоторых глаголов: пла́шта, пла́шту, испла́шта, исплашта́ла (отмечено и: пла́ч'у); пра́шта; срéштамо_се, и прежде всего в формах простых прошедших времен и причастия на -L глагола *htěti (при наст. вр. : бчу и т. п.):

	Sg.		Pl.	
1) ште	ште	-	штеóмо	штеáмо
2) ште	ште́ше	-	штеóсте	штеáсте
3) ште	ште́ше	штеá	штеóше	ште(j)áше

Participia

штел, -а, -о	ште́ли
штеáл, -а, -о	штеáли

Синтаксический анализ отмеченных форм еще только предстоит выполнить (это связано прежде всего с проблемой различения в говоре аориста и имперфекта), отмечу пока лишь синонимичность конструкций: он нéе штеáл - он не_ште́ше - он не_штеá [да_дóзде].

Для единственного числа отмечены также формы:

- 1) - -
 2) те теá
 3) те теá

Несомненный интерес представляет сохранение в говоре Вратарницы рефлексации *tj как ШТ именно в корне глагольных лексем.

3) Рефлексация *tj как ĥ

Наименьший интерес, по всей видимости, представляет рефлексация *tj как ĥ, совпадающая с литературной сербохорватской. Во всех приводимых ниже примерах следует видеть либо а) влияние литературной нормы (в большей мере), б) либо влияние соседних ĥ, ĥ - говоров.

Фонетически этот звук реализуется в диапазоне от сильно смягченного т' до ĥ, соответствующего сербохорватскому литературному.

В корне неглагольных частей речи это: кúĥа (так во всей тимокской области); врéĥа, врúĥо, вруĥíна (при аутентичном: жéшко); веĥ; плéĥка; плúĥа; Пироĥáнци; обуĥа; срéĥа, срéĥу, срéĥан; телéĥе и т. д.

В лексемах, отражающих праславянское *kt: кнеĥи, ноĥ, помоĥ; сáноĥка (при аутентичном: снóшка); ĥёрка.

В суффиксе абстрактных отадъективных существительных *-otja: тешкóĥа.

В суффиксе имен существительных *-itj:

а) дётльĥ, дётлит'; прасíĥи; пíлиĥи; сáнчиĥ; сéстриĥ; два унúчиĥа.

б) в фамилиях: Витáновиĥ; Костодíновиĥ и т. п.

В синтетических формах сравнительной степени прилагательных: вéĥа, повеĥи.

В глаголах: креĥи, креĥем_се; повраĥа_се; превраĥава_се; сéĥам_се; обраĥа_се; в формах настоящего времени глагола *htěti: óĥу, ĥу, ĥеш; нéĥе.

В отдеепричастных прилагательных: држе́(ј)ћи старец, држе́(ј)ћа ба́бичка и в деепричастиях: трче́ћи, леже́ћи.

1.2.2. Рефлексы *dj в говоре Вратарницы

1) Рефлексація *dj как Ѣ

Праславянское сочетание *dj в корневом слогѣ существительных отражено в говоре Вратарницы практически регулярно и исключительно как Ѣ: веца́; меца́, мецни́к; рца́; преца; саце, сацак "треножник для котла"; цеч (от *сѣдити) "пепел для мытья".

Рефлекс *dj в ряде лексем не может быть прослежен вследствие лексического замещения. Так, в.м. : *леца имеем грбѣна.

Тот же рефлекс отмечен в форме притяжательного прилагательного: говѣцо мѣсо, и в по аналогии от нее образованной форме имени существительного: говѣцина.

Предлог мѣцу отмечен только в этой форме.

В корневом слогѣ глаголов отмечены следующие примеры интересующей нас передачи *dj:

а) шперат. : вич, вичте; јеч^б, јечте;

б) гљоце́, гљоцу́ (гљоце́_ми боко - "у меня болит глаз"); досацу́jem; обацам се; погацамо. В ряде случаев рефлексацію проследить невозможно вследствие появления иных словообразовательных моделей: вѣдвам; заградву.

2) Рефлексація *dj как ЖД

Некоторое количество примеров отражения праславянского *dj как ЖД достаточно ярко выделяют говор Вратарницы среди окружающих, связывая его с исходным пунктом миграции в западной Болгарии.

Прежде всего, *dj отражается как ЖД в корне прилагатель-

^б В говоре Вратарницы финальная позиция является позицией неразличения звонких и глухих согласных фонем. Звонкие в конце слова оглушаются.

ного *tjudjъjъ: чужди и образованного от него существительного чуждинак. Отмечена также лексема: прѣждило "пряжка".

Некоторое число примеров находим в корневом слого глаголов: доа́жду, доаждáл, доождáл, доаждáсте, доаждáмо; забрáжда (лит. : забрађује); снаáжда_се, снаажда_се, снааждáше се. В последних случаях параллельно с вышеприведенными наличествуют формы типа: доодáл; снабди се (глагол: отбди отмечен только в этом облике).

3) Рефлексация *dj как ѣ

Отражение праславянского *dj как ѣ не представляет особого интереса, так как здесь следует прежде всего видеть либо влияние литературного языка, либо воздействие близлежащих ѣ, ѣ - говоров.

Фонетически этот звук реализуется в диапазоне от сильно смягченного д' (очень редко г') до ѣ, соответствующего сербохорватскому литературному.

ѣ на месте *dj обнаруживаем в формах существительных: гóспођа (q⁷); грáд'ани; жеђ', жед'; чад'; в прилагательном: туг'и в отадъективных существительных: говéђина; туг'и́нци, туд'и́нци; в глаголах: свађа_се и др. Сюда относятся также форма сравнительной степени: млађа, в принципе не характерная для говора по модели образования.

1.3. Выводы

Говор Вратарницы, вне всякого сомнения, относится к южнославянским Ч, Џ - говорам, так как закономерным отражением праславянских *tj (*kt) и *dj в нем являются соответственно Ч и Џ. Эта рефлексация последовательно осуществлена во всех рассмотренных лексико-морфологических категориях.

По данному признаку среди говоров восточной Сербии говор

⁷ Знаком q помечаются редкие примеры, полученные в ответ на прямой вопрос: "говорят ли во Вратарнице так?".

Вратарницы может быть объединен с тимокскими и противопоставлен сврлишско-запланьским и южноморавским. В то же время, специфика происхождения вратарницкого говора, как и его сегодняшнее географическое положение (и влияние литературного сербохорватского языка) вызвали к жизни некоторые особенности рефлексации этих праславянских сочетаний.

Специфическими и нехарактерными для тимокских Ч, Џ - говоров (исключая примеры с лексикализированным рефлексом типа: башта́) являются случаи отражения праславянских *tj, *dj как бифонемных сочетаний ШТ, ЖД: дьштерá, пра́шта, снóшка, чу́ждо, забра́жда и т. д.

Наличие определенного количества примеров отражения корневых *tj и *dj как ШТ и ЖД связывает говор Вратарницы с говором с. Ошане в районе Белоградчика и указывает прежде всего на первично периферийное положение нашего говора на востоке Ч, Џ - зоны, возможно, в области, граничащей с болгарскими ШТ, ЖД - говорами. Как ограниченное число подобных примеров, так и их распределение по лексико-морфологическим категориям свидетельствует о правомерности такого вывода.

Отмечу здесь также, что данные Вопросников СХДА позволяют пронаблюдать интересные отношения между сербскими Ч, Џ - говорами и говором Вратарницы. Так, форма: чéрка при: ћéрка в большинстве тимокских говоров, связывает говор Вратарницы с говором Топли Дола, отражая большую последовательность этих двух говоров в рефлексации *tj. Эти же два говора объединены вероятно лексикализованной формой: чу́ждо с однокоренными образованиями. Большую, чем в остальных тимокских Ч, Џ - говорах последовательность в реализации Џ-рефлекса *dj говорами Вратарницы и Бучума демонстрирует объединяющая эти два пункта форма: говéцо/говéце мéсо.

В целом, вопрос о рефлексации праславянских *tj, *dj очень важен как для определения границ Ч, Џ - зоны в целом, так и для определения степени влияния, оказываемого на нее соседними ћ, ђ и ШТ, ЖД - говорами.

2. Судьба l-epentheticum

2.1. Из литературы вопроса

Судьба так называемого l-epentheticum (возникшего в праславянских сочетаниях *bj, *pj, *vj, *шj) формирует одну из древнейших праславянских изоглосс, членищих и южнославянскую территорию [см., напр.: Бернштейн 1961: 170, 213]. Традиционно считается, что особенностью болгарского и македонского языков по сравнению со словенским и сербохорватским является "утрата эпентетического Л перед морфемами (в корне слова оно не утрачивалось)" [Конески 1986: 66-68]. Однако, уже С. Младенов в свое время осторожно предполагал, что l-epentheticum не обязательно существовало во всех болгарских говорах, чтобы затем обязательно во всех них утратиться [Младенов 1979: 157]. Так, Ц. Тодоров, исследователь говоров западной Болгарии, отмечает "ограниченное географическое распространение" эпентетического Л в области ШТ, ЖД - говоров и его "регулярное появление в белградчикско-трынском говоре". Для последнего особенно характерны формы итеративных глаголов типа: iавл'а, расправл'ала [Тодоров 1936: 171-172]. "Слабые следы" старого эпентетического Л в западных болгарских говорах упоминает и К. Мирчев [Мирчев 1978: 152]. По мнению Ц. Тодорова, однако, здесь речь должна идти не о сохранении "древнеболгарского благозвучного Л'", а о том, что "развитие Л' во всех указанных выше случаях есть новое явление, появившееся на местной почве, не получившее до сих пор широкого распространения..." [Тодоров 1936: 173].

Что касается диалектов южной и восточной Сербии, то о них А. Белич недвусмысленно говорит, что "всегда и везде, когда и где Ъ старого происхождения употребляется во всех других

сербских диалектах, оно употребляется и в этом диалекте", за исключением одной категории - *participia perf. pass.* (типа: изгубен) и производных от них. Утрата Љ в последнем случае вызвана действием нефонетических аналогических причин [Белић 1905: 149 и сл.]. Эта формулировка принята и в современных обобщающих работах по сербохорватской диалектологии [Ивић 1956; Ресо 1975].

Неясно, однако, на чем основывается заключение Ц. Тодорова об употреблении *l-epentheticum* в "тимокско-моравских" (т. е. призренско-тимокских) говорах: "в южной их части оно совсем отсутствует, а на севере мы находим его преимущественно в рассмотренной группе глаголов, тогда как в именах оно встречается редко, если не считать те случаи, где его присутствие вызвано влиянием литературного сербского языка" [Тодоров 1936: 174]. Несмотря на то, что это утверждение, во-первых, абсолютно не подтверждено никакими языковыми фактами, во-вторых, прямо противоречит вышеприведенному авторитетному мнению А. Белича, в-третьих, не находит подтверждения в данных современной сербохорватской диалектологии, я считаю пока преждевременным делать окончательные выводы по этому вопросу. То, что судьба *l-epentheticum* в интересующем нас ареале трактуется достаточно противоречиво, можно объяснить недостаточной проработанностью связанного с этим вопросом материала. Так например, в работе сербского диалектолога Н. Богдановича о говорах Бучума и Белого Потока отмечается, что "остатки и результаты" старых (т. е. праславянских) йотаций очень неоднородны вследствие незаконченности фонетических или воздействия аналогических процессов. В разделе о праславянских йотациях губных у Н. Богдановича читаем: "В этой группе мы имеем отсутствие йотации: капем, капи; зобем, зоби; капејомо Б⁸; зобејомо Б, зобеомо БП; правен БП, в Б - прајен и праен, скопен, славен, улубен, издлбен Б, кроме как у существительных:

⁸ Б - Бучум, БП - Бели Поток. Сокращения, принятые в монографии Н. Богдановича.

нема да падне капља ⁱедна БП, прави је скапља Б, пропао човек, скапао" [Богдановић 1979: 37-38]. Тот же исследователь, однако, в полевых материалах Вопросника СХДА (пункты: Бучум, Бели Поток) указывает и форму: остајемо q376, сохраняющую l-epentheticism.

И в других имеющихся диалектологических описаниях материал по данному явлению исторической фонетики представлен очень неполно.

В описании тимокского говора (в том числе и в разделе о йотациях губных согласных) не находим необходимой информации о судьбе l-epentheticism. В недоумении оставляют читателя формы: земља́ и земја́, приводимые в качестве дублетных [Станојеввић 1911: 397]. В монографии о говоре Бучума приводится лексема: земља́ [Богдановић 1979: 64].

Л. Чирич на примере формы: земља рассматривает "судьбу консонантной группы -Мљ-", и констатирует ее изменение в -Мљ̣-: земљано и -Вљ̣- (зона I) [Чирич 1984: 53-54]. Формы: zeṿŋa и zeṃja отмечены О. Брохом в говорах Калны, Црвена Ябуки и Пирота соответственно [Вгосч 1903: 275, 303].

Автор первого описания трынского говора не проводит различий между старыми и новыми йотациями губных и отмечает, что "лабиальное Л' сохраняется в редких случаях: сабл'а, пштовл'е, но и пштовіе, стоварл'ам, наврвл'ам, глобавл'ам. Без лабиального Л': дрвіе, црвіе, земн'а, изгубен, направен" [Господинкин 1921: 175]. Сохранение l-epentheticism отмечено в говоре с. Ошане: поздравл'амо, земл'а, сабл'а [Берберска 1931: 95].

В новейших монографиях болгарских диалектологов отсутствуют разделы, посвященные данному явлению. В то же время там же фиксируются формы: в годечском говоре: бл'уем [Виденов 1978: 24], в царибродском говоре: земл'а⁹ [Божков 1984: 24], в говоре Ново Села: земл'а, капл'а [Младенов 1969: 22].

⁹В говоре с. Петерлаш отмечено: земља́, плу́јем, но и: оста́јен, еста́јамо [Манчев 1967: 184].

Из настоящего краткого обзора литературы ясно видна стоящая перед нами задача. Она заключается в определении пространственных взаимоотношений между Ч, Ц - ареалом и ареалом сохранения l-epentheticism на южнославянской территории, т. е. в установлении факта, все ли Ч, Ц - говоры сохраняют в своих фонетических системах l-epentheticism во всех возможных морфологических категориях. Важно также определить для каждого конкретного говора, является ли в нем рассматриваемое явление новым, или оно продолжает старое эпентетическое Л.

2.2. L-epentheticism в говоре Вратарницы

Материал говора Вратарницы несомненно свидетельствует о сохранении в нем эпентетического Л в следующих примерах:

1. пљк, пљува, поплува́ла;
- 2а. зе́мља, зе́мљу, Ско́пље;
- 2б. Вљ: заборáвљам, оста́вљамо, поздра́вља_се, скрив́љаш, справља́ (*расправљах), ста́вљамо, упра́вља;
- Пљ: ску́пља, скупља́ли.

Об осмыслении Љ как показателя глагольной итеративности свидетельствует его аналогическое перенесение в форму: забовáрља. Эта же форма отмечена Ц. Тодоровым в западной Болгарии [Тодоров 1936: 173].

Как и в остальных говорах призренско-тимокской области, во Вратарнице отсутствует l-epentheticism в формах страдательных причастий и образованных от них прилагательных: кúпена, напра́ено, оста́вен, пра́вено, успра́вена др́ва.

Группа согласных Мљ может в говоре Вратарницы давать Мъ: земья́но грне́.

2.3. Выводы

В целом можно сделать вывод о том, что все тимокские говоры (включая Вратарницкий) относятся к группе говоров, сохраняющих l-epentheticism. Мнения об утрате l-epentheticism в

Ч, Џ - области следует считать ошибочным. В то же время следует обратить внимание на отсутствие достаточного интереса к данному вопросу как у современных сербских, так и у болгарских диалектологов.

Факты утраты эпентетического Л в каждом конкретном говоре, если они есть, должны свидетельствовать о влиянии на данный говор со стороны ШТ, ЖД - диалекта. Таким образом, изоглосса сохранения/утраты эпентетического Л может быть использована для уточнения географических границ Ч, Џ - зоны или литературного болгарского влияния на отдельные говоры.

Изоглоссой, дифференциальной для Ч, Џ - говоров следует признать различную трактовку консонантной группы -МЬ- (тип зѣмѣ/зѣмѣ); по наличию МЬ - формы говор Вратарница выделяется среди окружающих его тимокских.

3. Рефлексы праславянских *TL, *DL

3.1. Из литературы вопроса

В "Диалектах" А. Белича указана специфическая черта, объединяющая тимокский, лужницкий и кривофейский (? - А.С.) говоры, а именно сохранение Д и Т (из праславянских групп *DL, *TL) в действительных причастиях прошедшего времени на -Л типа: па́дла, уплётле. Справедливо его же объяснение этого явления как восстановления соответствующего согласного в форме причастия по аналогии с формой настоящего времени [Белић 1905: 213-214], принятое и в современной сербохорватской диалектологии [Ресо 1975: 22]. М. Станоевич, обсуждая особенности тимокских говоров, в отличие от А. Белича, говорит только о сохранении Д и только в причастии на -Л от глагола: пасти - па́дъл. Материал П. Ивича из с. Гнилан, Н. Богдановича из Бучума и Бели Потока, данные Л. Чирича из Лужницы, А. Берберской из с. Ошане подтверждают информацию проф. Белича относительно восстановления ДЛ [Берберска 1931: 109; Ивић 1959: 399; Богдановић 1979: 35].

Интересующие нас формы отмечены в говоре Трына, где "в некоторых случаях произносится ДЛ, которое, очевидно, вторично": убодла, падъл, падла, украдла. В то же время "вместо ТЛ всегда произносится Л: плел, мел и т. д." [Господинкии 1921: 175]. Однако, для того же говора отмечено: сретъл [ср.: Петричев 1931: 44-45]: В говоре Ново Села при формах падъл, падла, "исключения составляют глаголы типа мътем, пръдем, плътем, в которых не допускается сочетание согласных ТЛ, ДЛ и потому их формы - мел, мела..." [Младенов 1969: 115].

Можно говорить о наличии подобных форм и в царьбродском говоре, описанном Р. Божковым. Хотя последний автор и не обра-

щает отдельно внимания на эти формы, в приводимом в его работе материале они присутствуют: па́дал, се́дал, па́дли, се́дли [Божков 1985: 104]. Возможно, в этом же говоре записанные А. Манчев формы: кра́дал, плéтал, являются не имперфективными причастиями, как думает Р. Божков, но причастиями, восстановившими по аналогии с формами настоящего времени корневой согласный¹⁰. Ц. Тодоров также приводит примеры: па́дла, па́дли, испа́дла, соответственно из трынского, белоградчикского и берковицкого районов, в разделе об акцентуации причастий на -Л [Тодоров 1936: 383]. Аналогично С. Стойков в "Болгарской диалектологии" приводит ряд: па́дыл - па́дла - па́дли в качестве примеров "смягченного L в переходных говорах" [Стойков 1962: 109]. В "Болгарском диалектологическом атласе" присутствует карта, посвященная интересующему нас явлению [БДА 4: Карта 278].

На основе этой информации можно в наиболее общем виде говорить о границах распространения аналогического восстановления Д в причастиях на -Л. Пока еще не совсем ясно, насколько полно совпадают его границы с границами Ч, Ъ - зоны, и не может ли этот признак быть использован для ее внутреннего членения. В то же время, как формулировка А. Белича, так и данные карт БДА могут быть истолкованы так, что границы обоих ареалов совпадают. Вопрос о границах распространения аналогического восстановления Т остается открытым.

Интересно, что наблюдения диалектологов не нашли отражения в трудах по истории болгарского языка, не упоминающих восстановления Д и Т в этой части южнославянского континуума [ср.: Мирчев 1978: 41; Младенов 1979: 146, 360-362; Увод 1986: 34-35], хотя, например, Увод 1986 при анализе древнейших праславянских диалектных изоглосс отмечает аналогичный процесс в словенских и среднесловацких диалектах.

¹⁰ На факт, что Р. Божков неверно трактует эти причастные формы, обратил внимание и рецензент данной монографии В. Жобов [Жобов 1986: 120].

3.2. Праславянские *tl, *dl в говоре Вратарницы

Из Вратарницы я располагаю следующим материалом:

ДЛ: опáдла, пáдал, пáдла, пáдло, укра́дли,

ТЛ: присрѣтли, но: мѣла.

Форма: присрѣтли говорит о восстановлении в говоре Вратарницы группы ТЛ, возможно в отличие от ряда Ч, Ъ - говоров.

3.3. Выводы

Восстановление консонантного сочетания *dl следует признать чертой, общей для всех Ч, Ъ - говоров. Изоглосса наличия/отсутствия этой черты может быть использована как для определения границ Ч, Ъ - зоны, так и для определения степени диалектного (или литературного) влияния на отдельные говоры.

Возможно обнаружение изоглосс, членящих Ч, Ъ - территорию и отражающих восстановление консонантного сочетания *tl.

4. Рефлексы праславянского носового гласного *ę

4.1. Из литературы вопроса

Традиционно считается, что праславянский носовой гласный переднего ряда в болгарских диалектах после утраты назализма (XIII-XIV вв.) перешел в Е, 'ь, 'о, чтобы затем говоры с 'ь также дали > Е [Мирчев 1978: 111]; таким образом, большинство болгарских диалектов на его месте имеет Е [Стойков 1962: 124]. Характерным диалектным явлением, распространенным в болгарской языковой области обычно признается "мена носовых", т. е. совпадение *ę и *ǫ после согласных Ш, Ж, Ј. Будучи в основном отличием восточноболгарских диалектов, это явление "совсем обыкновенно в ломских и видинских говорах (жътва, жьден)" [Младенов 1979: 126; ср. также: Стойков 1962: 124; Мирчев 1978: 113-114]. По справедливому замечанию Ц. Тодорова, в говорах северо-западной Болгарии "носовой гласный ę представляет интерес в той мере, в какой могут быть обнаружены следы среднеболгарской мены двух носовых гласных, что только и вносит разнообразие в его простое историческое развитие (ę > Е)" [Тодоров 1936: 75].

Закономерный и последовательный переход *ę > Е отмечен в говоре Трына [Господинкин 1921: 170; Петричев 1931: 43]. В говоре с. Ошане зафиксирована форма: жедън [Берберска 1931: 93]; в говорах Ново Села и Годеча - жетва [Младенов 1969: 31; Виденов 1978: 32], в царьбродском говоре - жедан, жетва [Божков 1984: 29]. Отмеченные в годечском говоре формы: шака, зайак, жало, по мнению М. Виденова, "могут быть объяснены только как фонетика отдельного слова" [Виденов 1978: 33]. Укажу, однако, на их широкое распространение по сербохорватской языковой территории [см.: ОЛА 1990].

4.2. Рефлексы носового *ę в говоре Вратарницы

Регулярным рефлексом праславянского назала переднего ряда *ę как в корневой морфеме, так и во флексах, в говоре Вратарницы, как и во всех Ч, Ъ - говорах является гласный переднего ряда Е:

дѣвет, езік, ечиѣн, зѣек, мек, мѣсо, пѣтак, прѣца и т. д. Очевидно, отсутствует необходимость приводить полный список примеров во всех возможных позициях.

В то же время, две праславянские формы *žętva > жѣтва и *žędъль > жѣдъль представлены в говоре Вратарницы с рефлексом Ъ, что резко выделяет его среди окружающих. Явление это, несомненно, имеет лексикализованный характер.

4.3. Выводы

Наличие форм, отражающих "смещение носовых", несомненно указывает на исходный пункт миграции вратарницкого говора в северо-западной Болгарии.

5. Рефлексы праславянского носового гласного *ǫ

5.1. Из литературы вопроса

В диалектах восточной и южной Сербии *ǫ "всегда переходит в у" [Белић 1905: 4], как и в большинстве сербохорватских диалектов [Jezik 1988: 4], что часто признается "сербской особенностью" на фоне болгарского перехода *ǫ > ъ. "Наиболее характерным развитием носовых в болгарском языке до XIII-XIV вв. было их превращение в еровые гласные в большей части болгарских говоров" [Мирчев 1978: 111; ср. также: Младенов 1979: 120-129, 361; Стойков 1961: 123-124].

Ц. Тодоров, отмечая закономерный характер перехода *ǫ > у в белоградчико-трынском диалекте во всех позициях, в противоположность ъ и А-рефлексам ШТ, ЖД - говоров [Тодоров 1936: 96], особо останавливается 1) на некоторых локальных говорах в босилградском районе ("которые наряду с у < ǫ знают еще гласные ъ и А"), 2) на некоторых переселенческих говорах в крайней северо-западной Болгарии, "где против у < ǫ борются успешно" ъ и А [Тодоров 1936: 93]. В последнем случае рефлексы в результате внешних влияний распределяются случайно, и "в этом смысле можно говорить только о говоре каждого села в отдельности" [Тодоров 1936: 76].

В говоре Трына при наличии закономерного перехода *ǫ > у отмечены "исключения": дѣга, недѣгав, кѣклица и копи́на [Господинки 1921: 170], сѣшти (у старших - сѹшти), кѣдрав (у старших - кѹдрав), вѣже (при: порѹже, конѹпѣц), лѣк, гѣдѹлка, копѣна и купѣна [Петричев 1931: 43], которые, несомненно, говорят об идиолектном или литературном влиянии. Подобный же список "исключений" приводится для годечского говора: кѣшта, кѣдраф, рѣченѣца, капина, патека; правда, с указанием на ли-

тературный язык как на их источник [Виденов 1978: 32]. В описании говора с. Ошане таких "исключений" не находим [Берберска 1931: 93].

5.2. Рефлексы носового *ǫ в говоре Вратарницы

Регулярным рефлексом праславянского носового заднего ряда *ǫ как в корневой морфеме, так и во флексиях, в говоре Вратарницы, как и во всех южнославянских Ч, Ц - говорах является гласный заднего ряда У:

бúде, гóлуп, гúска, зуп, паúк, пут, рука́, рúку, сúчка и т. д. Здесь также нет необходимости приводить исчерпывающий список примеров.

Однако, обращают на себя внимание единичные примеры иной рефлексации рассматриваемого гласного, указывающие на исходный пункт миграции Вратарницкого говора в северо-западной Болгарии (см. также раздел о Ъ).

Инициальный *ǫ- в ряде случаев дал Вь-: вьтък [ср. рус. уток; БЕР I: 216]; вьгарéц [см. БЕР I: 201]; вь́глење [см. БЕР I: 201].

Отмечен пример с рефлексацией *ǫ как Ъ в корне слова: гь́бе q1219 "грибы". В тимокских говорах значение "гриб" выражается иной лексемой: печурка, что позволяет провести лексическую изоглоссу, но не дает возможности продемонстрировать фонетические различия. Идентичный рефлекс отмечен в одиночном примере формы настоящего времени глагола "быть": бь́да в фольклорном тексте, а также в лексемах: ость́пили, штб́пи́ла; зь́биш, озь́биш; порь́чки (см. также раздел о Ъ). Какого-либо правила распределения рефлексов *ǫ установить не удается.

В фольклорном тексте представлен также единичный пример отражение *ǫ как А в глагольном суффиксе -НУ в формах аориста 3 лица ед. ч. :

Кóј јапна́, óн пукна́, кóј лизна́, óн вусна́,

а также очень редкие формы типа: пођ́иномо, помóгньмо, находящие параллели в северозападноболгарских говорах: остá-

номе, Лом [Годоров 1936: 368], при обычных аористных формах типа: мнѹ́ (1 л. ед. ч.), стáну (3 л. ед. ч.), и при формах действительного причастия прошедшего времени на -л: љуснѹли_се зли_бчи, пукнѹли_се зли_бчи.

Один раз отмечена форма аориста 3 л. мн. ч.: одвѣдоа при регулярных формах типа: одвѣдоше.

5.3. Выводы

Говор Вратарницы, несомненно, должен быть сближаем с теми Ч, Ы - говорами в северо-западной Болгарии, которые подвергаются определенному влиянию ШТ, ЖД - говоров. Это влияние проявляется прежде всего в наличии Ъ-рефлекса праславянского *ǫ в корне ряда слов и (только в виде остаточного или окказионального явления) А-рефлекса в глагольном суффиксе -НУ.

Характерно, что в отличие от болгарской, для сербской диалектологической традиции в целом характерно отсутствие интереса к возможным Ъ-формам на территории Ч, Ы - диалекта.

Изоглосса фонетического перехода *ǫ > у должна послужить как для уточнения географических границ Ч, Ы - зоны на востоке, так и для определения степени ШТ, ЖД - влияния на каждый говор в отдельности.

6. Рефлексы праславянских *ь и *ъ

6.1. Из литературы вопроса

Особенностью вокалических систем всех говоров Ч, Ц - зоны является наличие особого гласного ь¹¹, в славянистической традиции получившего название редуцированный (полугласник).

Наличие гласного ь в вокалических системах призеренско-тимокских говоров трактуется в сербокroatистике как сохранение древнесербохорватского *ь (в котором к XII в. совпали *ь и *ъ), в отличие от большинства штокавских говоров, где последовало дальнейшее развитие *ь > а [Белић 1960; Jezik 1988].

Вне ударения редуцированный ь и а совпали таким образом, "что здесь на месте обоих этих гласных слышится звук, варьирующий от повышенного а до опущенного ь" [Ивић 1959: 399]. "Стремление к переходу к какой-либо чистой гласной", и прежде всего к а, отметил для безударного ь и Ц. Тодоров [Тодоров 1936: 48, 73; ср.: Виденов 1978: 18; Божков 1984: 17].

6.1.1. Сербская диалектологическая традиция

О. Брох [Broch 1903: 287] считал, что во всех случаях, когда говоры восточной Сербии обнаруживают следы *ь > е, мы имеем дело с болгарским влиянием. Согласно А. Беличу же, это может быть спонтанным фонетическим развитием [Белић 1911: 8-9].

М. Станоевич называет ь одной из примечательнейших особенностей тимокского диалекта, отражающей "старую ступень

¹¹ В болгарской лингвистической традиции обозначается как ъ. За обозначениями ь и ъ стоит не фонетическое, а чисто графическое различие.

развития" сербского языка. Среди примеров он указывает следующие формы, не представляющие ь [Станојевић 1911: 371-372]:

1) Бла́гден, Вели́гден, но: Петро́вдън, Гми́тровдън. Первые две формы возникли "разумеется, под влиянием церковного языка";

2) ложи́ца, о́сом, се́дом;

3) љубо́в, собо́р, чети́м;

4) "Очень редко слышится в основе полугласника Е, это обычно бывает в селах ближе к Заглавку: ве́тѣр, ве́пѣр, Гми́тѣр, дѣштерја́, ме́тѣр, че́бѣр, че́бѣрња́к, и т. д. ";

5) В селах на левом берегу Тимока, "где влияние западных говоров сильнее, произношение приближается к чистому А".

В Гьилане записаны формы: ложи́ца, се́дом, о́сом, седомна́ес, осомдесе́, једина́ес [Ивић 1959: 399].

В говоре Бучума "рефлекс Е спорадичен, связан с отдельными лексемами и морфологическими категориями в той мере, в какой он не является результатом каких-либо новых процессов ассимиляции" [Богдановић 1979: 6]:

1) дън, но: два дена́, три дена́; бла́гден, Вели́гден, Ви́довден, Бу́рѣовден, Спа́совден;

2) деждѣ́вник, змеј.

В Лужницком говоре ь в живом употреблении у носителей не моложе 60 лет; отмечены следующие отклонения от обычной рефлексии [Ђирић 1984: 19]:

1) Вели́гден, бла́гден/бла́гдан; зме́ј/зма́ј/зми́ја; свр́дел;

2) се́дом/седа́м, о́сом/оса́м;

3) дужде́вник/дажде́вња́к.

В целом, в сербской диалектологической традиции не принято рассматривать рефлекс праславянских *ь и *ѣ отдельно и по каждой фонетико-морфологической категории. Очень немногочисленные рефлексии, отклоняющиеся от "стандартной" формы, справедливо рассматриваются как лексикализованные. Не обращается особого внимания на вопросы сохранения/утраты редуцированных в слабых позициях.

6. 1. 2. Болгарская диалектологическая традиция

Следует сразу же обратить внимание на то различие, которое проводится в болгарской диалектологической традиции между ШТ, ЖД и Ч, Ъ - говорами: в первых *ъ в ряде случаев дал Е, совпав в большинстве категорий с рефлексом *ъ в гласном Ъ [Тодоров 1936: 48-49]. Северозападноболгарский переход *ъ > Е отмечается в части корневых морфем, а также регулярен в суффиксах [Тодоров 1936: 48-49]. Интересно, что в говорах переселенцев из Ч, Ъ - зоны в северо-западную Болгарию, находящаяся под ШТ, ЖД - влиянием, это влияние более всего отражается в суффиксах, "тогда как в корне слов Ъ поддался только в нескольких словах" [Тодоров 1936: 71].

Очень редкие случаи *ъ > О типа: лож^ица в белоградчикско-трынском говоре "или привнесены, или результат лабмализации" [Тодоров 1936: 64].

В белоградчикско-трынском говоре господствуют формы: опънци, едън, при: опин'ак, еднн, везде в ШТ, ЖД - говорах [Тодоров 1936: 67, 74]. Распределение форм: огнн, оген, огън' по материалам Ц. Тодорова не удалось установить [Тодоров 1936: 75]. Среди материала из белоградчикского района отмечена форма: ч^ебър [Тодоров 1936: 70].

Звучание редуцированного трынского говора, согласно описанию, не подвергается никаким изменениям в зависимости от его положения в определенной морфеме и даже в зависимости от ударения [Господинкин 1921: 171; Петричев 1931: 44]. В качестве исключений из обычного отражения праславянских редуцированных приводятся:

- 1) студен, Велигден;
- 2) снаа́, мртавѣц;
- 3) лож^ица, моглá, рожън', собор, чорáпок;
- 4) зап^ин'ам, миниче́ и др.

В работе об ошанском говоре списка "исключений" не находим, лишь в разделе о слогаобразующем л обнаруживается форма:

лужица [Берберска 1931: 92, 93]. Для царьбродского говора этот список очень короток: ложѣца, собѣр [Божков 1984: 27].

Говор Ново Села по рефлексам редуцированных полностью сходен с говорами районов Брезник-Трын-Белоградчик [Младенов 1969: 31]. Особо следует отметить следующие формы:

- 1) ложѣца,
- 2) опѣн'ем, съ съпѣн'ем;
- 3) редуцированный утрачен в слабой позиции: дно, жнѣем, снѣем.

Очень подробно представлена информация о редуцированных в говоре Годеча, из которой отметим особо только следующее [Виденов 1978: 33-34]:

- 1) *ъ > А, в том числе вторичный ъ, "в финальной закрытой суффиксальной морфеме": пѣтак, свѣкар, что является лишь частным случаем общей нейтрализации безударных ъ и А;
- 2) *ъ > О в: ложѣца, собѣр, совѣтуем се;
- 3) *ъ > ꙗ в: дно, ткаѣем;
- 4) *ъ > Е в: ден (в случаях как: деньска, Велигден, дѣбар дѣн, при: Йордѣновдѣн, Гмѣтровдѣн, Бѣбиндѣн и т. п.); пен'ѣга, стеблѣ, четѣм;
- 5) опѣн'ам;
- 6) *ъ > А в: мѣнечак (по аналогии с: мѣлко);
- 7) *ъ > ꙗ в: нѣчем, жн'ѣм.

В болгарской диалектологической традиции ярче выражен интерес к рассмотрению рефлексов редуцированных по различным фонетико-морфологическим категориям, что, однако, осуществлено с различной степенью последовательности в различных работах. В целом, перед исследователем стоит задача определить круг лексем, отклоняющихся в развитии праславянских *ъ и *ь от основной тенденции Ч, Ъ - говоров, и установить их географическое распределение по говорам зоны.

6.2. Гласный неполного образования Ъ в говоре Вратарницы

По описанию проф. А.Белича, редуцированный гласный в говорах южной и восточной Сербии "образуется внезапным, быстрым размыканием голосовых связок, их моментальным дрожанием или, лучше сказать, их взрывом. Звук, который образуется в этом случае, похож на очень краткую, моментальную звонкость согласных или гласных. В соответствии с этим этот звук относится в определенной мере к гласным так же, как г и л согласные относятся к ɣ и ɟ (гласным ɣ и ɟ)". "Все место артикуляции голосовых связок и мышц очень напряжено". "Голосовые связки не должны быть [постоянно] очень сильно напряжены, но одна их часть должна быть интенсивно сомкнута до образования самого звука", который "представляет собой не регулярное и постоянное дрожание связок, но ряд нескольких отдельных моментальных артикуляций... прерывистый гласный" [Белић 1905: 43].

6.2.1. Из фонетики

6.2.1.1. Примеры реализации Ъ под ударением

Так как в имеющемся диалектном материале нет примера изолированного произнесения редуцированного, то под основной реализацией этого гласного приходится понимать его фонетическую реализацию под ударением при отсутствии слышимых следов влияния соседних звуков речи. Такая реализация должна совпадать с гипотетической реализацией при изолированном произнесении и будет в дальнейшем обозначаться как Ъ.

Более открытые реализации редуцированного, приближающаяся к звучанию А, обозначаются как а̣ и ъ̣.

Более закрытая реализация редуцированного, приближающаяся по звучанию к Е, обозначается как е̣.

Широкая лабиализованная реализация редуцированного, приближающаяся по звучанию к О, обозначается как о̣.

Узкая лабиализованная реализация редуцированного, приближающаяся по звучанию к У, обозначается как у̣.

Реализация Ъ: бакърна, Боровѣц, дошѣл, дѣн, дѣньска, дѣсѣ, едѣн, жѣне, ишѣл, какѣф, комшилѣк, лѣже, могѣл, момѣк, мѣкнеш, наишѣл, нашѣл, несѣм, нѣчѣска, отишѣл, польгачке, пошѣл, прошѣл, снашѣл, сѣндыци, сѣга, сѣгаф, сѣк, сѣн, тѣфрим, такѣф, чорбалѣци;

Реализация Ъ: бѣба, данѣска, дѣна, дѣсѣ, кѣкво, кѣт, комшилѣк, несѣм, полѣко, ручѣк, сандѣка, сѣд, сѣс;

Реализация Ъ: жѣнено, сѣга;

Реализация Ъ: бѣба, дошѣл.

6.2.1.2. Заключение о реализации Ъ под ударением

Долгие и краткие аллофоны Ъ.

Признак долготы гласного не является в говоре Вратарницы дифференциальным.

Единственным примером реализации фонетической долготы в обрабатываемых текстах является: полѣко, в следующем контексте:

- Дѣ, приѣај, приѣај од малѣна. Квѣси чѣвала ъфце. Па_ајде, покарај_си твоето старинскѣ.
- Па_ъфце чѣвани. Деца_смо били.
- Квѣ_сте били три. Ёте, тѣквѣ. Полѣко.
- Па_три_смо били. Ја последња.

Длительность звучания долгого ударного Ъ примерно вдвое больше длительности звучания редуцированного в фонетически близком ударном слоге в примере: комшилѣк. Если исключить длительность звучания, Ъ-реализация долгого редуцированного фонетически идентична краткой Ъ-реализации.

Пример долгого редуцированного есть пример эмфатического продления гласного определенного участка фразы. Это фонетическое средство сознательно используется информантом для подчеркивания настойчивости своей просьбы, см. контекст.

Влияние соседнего гласного.

В имеющемся материале нет примеров реализации ударного этимологического Ъ в вокалическом окружении или соседстве.

Возможно, однако, межслоговое уподобление гласных, проследить которое подробно анализируемый материал не позволяет.

Влияние соседнего согласного.

Лабмализация.

Отмечены случаи лабмализации ударного неэтимологического Ъ в соседстве с губно-губным Б: бѣба. В иных лексемах или с иными губными согласными этого не отмечено.

Палатализация.

Ударный Ъ в соседстве с палатальными Ј, Љ, Њ, Ћ не отмечен. В форме: дуѣц, как и в соседстве с исторически мягкими Ш, Ж, Ч закономерных отклонений от реализации Ъ в ином консонантном окружении не отмечено.

Назализация Ъ не отмечена.

Реализация Ъ под ударением отмечена в положении после С, Ж: сѣга, жѣне.

Дифтонгизация Ъ не отмечена.

6.2.1.3. Реализация Ъ вне ударения

В зависимости от места ударения в пределах слова.

В первом заударном слоге в пределах слова в анализируемых текстах отмечены следующие реализации Ъ:

реализация Ъ: дѣньска, ѣдѣн, нѣчьм и т. д. ;

реализация Ъ: бѣгѣл, дѣнѣска, дѣньм, (ј)ѣдѣн, кѣсѣкѣл, квѣсѣц, кѣндѣк, лѣбѣц, мѣтѣр, навѣкѣл, ѳгѣнь, пѣдѣл, прѣтѣкѣл, пѣкѣл, рѣкѣл, свѣкѣр, сѣдѣм, сѣдѣл, слѣзѣл, стѣгѣл, тѣчѣк, чѣдѣн.

Во втором заударном слоге отмечены чрезвычайно малочастотные аналогичные реализации Ъ. Пример: ѳпасѣн.

В первом преударном слоге слова отмечены следующие реализации Ъ:

реализация Ъ: дѣньска, кѣквѣ, нѣчьска, сѣндѣци, тѣкѣ, тѣгѣј;

реализация Ё: дѣнѣ́ска, кѣквѣ́, тѣка́;

реализация Ё: тѣквѣ́.

Влияние соседних гласных.

Безударный Ё реализуется после И в одном примере: реи́иѣ, что не позволяет делать каких-либо общих выводов о реализациях Ё в контактной с гласными позиции.

Влияние соседних согласных.

Лабмализация.

Безударный Ё легче подвергается лабмализации в той же позиции, что и ударный, о чем свидетельствует большое число примеров того:

реализация Ё: бѣба_лнѣ́а, бѣба_ганка́, бѣбу_нѣ́нку, бѣба_пѣ́рка, бѣбу_то́ну;

реализация Ё: на_бѣ́бу_лнѣ́у.

6.2.2. Из фонологии

Редуцированный как единица фонемного инвентаря обозначается далее как Ё.

Фонема Ё характеризуется наличием следующих дифференциальных признаков: это гласный неполного образования, непреднего ряда, неверхнего подъема, нелабмализованный.

Можно привести следующие примеры бинарных фонологических оппозиций: жѣ́не - же́не, овѣ́с - ва́зе, вѣ́шка - ваш и т. д.

Вне ударения Ё факультативно нейтрализуется с гласной фонемой А, чаще всего совпадая с ней в фонетической реализации Ё или Ё: кѣпнѣ́ул. Возможна нейтрализация Ё и А в ударном слоге: зѣ́што.

В качестве исключений возможны нейтрализации Ё с другими гласными (О) вне ударения: двѣ́ица, нѣ́чьс, ѣ́тука и др.

Положение в слове.

Как показывает диалектный материал, этимологический редуцированный может занимать только внутрисловную позицию и не фиксируется в абсолютном начале или конце слова.

С другой стороны, редуцированный, возникающий в резуль-

тате нейтрализации фонологических оппозиций Ъ с другими гласными, не ограничен в своей дистрибуции с точки зрения его положения в слове:

инициальная позиция: ъткара́ли и др. ;

внутрисловная позиция: дън, сън и др. ;

финальная позиция: ко́жь.

По отношению к ударению Ъ может находиться как под ударением, так и перед или за ним.

Сочетаемость в пределах слова.

Не отмечается удвоения редуцированных.

Не отмечается позиций типа: редуцированный + гласный.

Отмечен один пример позиции типа: гласный + редуцированный. Это: реѣиѣ.

Отмечается свободная дистрибуция Ъ в контактных позициях с согласными. Однако, в имеющемся материале, отсутствуют, например, примеры позиции Ц + Ъ. Определение всех дистрибуционных ограничений невозможно ввиду неполноты материала.

6.2.3. Из этимологии

В настоящем разделе редуцированный Ъ будет рассматриваться как континуант единиц "исходной" для говоров Ч, Ц - зоны фонологической системы, кроме того будет прослежена судьба славянских этимологических редуцированных [см. : Fonološki opisi 1981].

6.2.3.1. *Ъ в корне в сильной позиции

Рассмотрим рефлекс праславянского *Ъ в корневом слого в сильной позиции. Наиболее частотным континуантом здесь выступает Ъ:

дън, дъна¹², дънови, дъньм, дъна, Васиљѣвдън; едън, ѣдън,

¹²членная форма существительных мужского рода в ед. ч. в говоре Вратарницы имеет вид -а. Ср. : тька_{ме} крстил попа и кумицата_{ме} крстила.

(j)éдьн; за́йм, ишѣл; лѣн; лѣко, лѣкѣчку манáру; мѣньчѣк; овѣс; оцѣт; полѣгачке, полѣко; рѣдѣква; сѣг, сѣк, сѣга, сѣга; сѣд; стѣвнѣло_се, тѣвнѣца; шѣпне, шѣпнул и т. п. .

Рефлекс А возможен, как правило, в тех из вышеперечисленных лексем, которые имеют непосредственные соответствия в литературном сербохорватском языке. Есть, однако, и примеры типа: сак (<сѣг). Лексема: таст отмечена только в таком облике, причем отсутствие упрощения конечного -ст, обычного в этом говоре (ср. : мас, лис, даже: Антихрѣс и др.), подтверждает ее литературное происхождение.

Рефлекс Е отмечен в лексемах: Вели́гден, Петкóвден, Петрóвден; сегáшнн; чѣбър, чѣбар.

В двух случаях: мѣнѣчѣк, мѣнѣнко; опѣнѣци, вместо обычного Ъ континуантом *ѣ выступает И. Известно, что в западноболгарских ШТ, ЖД - говорах регулярна форма с *ѣ > И: опин'ак.

6.2.3.2. *ѣ в корне в слабой позиции

В корневом слогое *ѣ, находившийся в слабой позиции, в ряде случаев в говоре Вратарницы вокализровался. Его основным континуантом выступает Ъ:

дѣнѣска, дѣнѣска; жѣне, жѣну́ли; мѣгла́, замѣглили_се; цѣкло, цѣкла.

Метатеза, сопровождающая переход *ѣ > Ъ, отмечена в двух случаях: сѣвне (*вѣп-) и цѣфне (*сѣтп-).

Только А как рефлекс слабого *ѣ отмечено в лексемах: ста́бло, та́шта, что, вероятнее всего, говорит о влиянии нормированного языка.

Гласный Е на месте этимологического слабого *ѣ не отмечен.

Регулярный рефлекс И отмечается в формах типа: змија́; пѣш; прѣлѣ́је.

В случае: звонѣц речѣ, видимо, идет не о продолжении формы *звѣпльсѣ, а о более позднем суффиксальном образовании от: звóно.

В некоторых случаях рассмотреть рефлекс корневого *ь не представляется возможным в силу замещения в говоре соответствующей лексемы иным образованием. Так, вместо *ръзь имеем: куче, щето; вместо *отьсь - башта (встречающееся в речи носителей говора: отац несомненно из литературного языка).

6.2.3.3. *ь в суффиксах

Рассмотрим континуанты этимологического *ь в суффиксах.

В суффиксе существительных -ьсь- наиболее частотен рефлекс ь:

Боровьц; Босаньц; веньц; гледальц; двопольц; дувьц; попьц; звоньц; квасьц, квасьц; клильц ("картофельный глазок"); кольц, кольц; комарьц; коньц; конопьц; котльц; ланьц; лэбьц; моьц; мртвьц; пальц; ровьц; скакальц; Светьц; сьнчьц; тропольц; Ћуньц; удовьц; чокарьц; чуждньц.

Рефлекс А возможен (ср. : квасьц и квасац). Однако, такие формы, вероятнее всего, литературного происхождения. Например, желудац, чамац - отмечено только в этой форме.

Относительно часто в суффиксе *ьсь встречается и переход *ь в Е:

боп вржалец; братенец (наряду с братанац); вьгарец; Врбансѣи Кладенец; грашец; катанец; Катанец (кличка человека); палец; старец; Чукарец (кличка человека).

Интересно, что на мою просьбу привести слова, оканчивающиеся на -ЕЦ, мне было сообщено, что так говорят жители с. Велики Извор. Именно они, якобы, "заецвају", говорят на -ЕЦ. Вообще же глагол: заецва, заецкује в говоре Вратарницы, как и в целой тимокской зоне, означает "зайкаться" [ср. : Динић 1988, заецкуе].

В адъективном суффиксе -ьль- редуцированный ь как рефлекс *ь достаточно редок:

жьдън; опасьн; пьјачьн; равьн; уштивьн; чьдън.

Типичны же формы с А: глдан; лдан; раван; срећан; тэсан; трэзван.

Отмечены и Е-формы: зл^атен, неж^ен; первая из них, возможно, причастие, см.: Там има тр^и дево^ује зл^атени, и пани^{ца} зл^атена.

*ь в адъективном суффиксе -ькь- чаще имеет континуант Ъ: же^жьк; м^ньч^ьк; м^нич^ьк. Возможно и: го^рак.

То же и в субстантивном суффиксе -ьль-: кот^ьл; ор^ьл; пет^ьл; с^ьсьл.

Существительное: у^жак отмечено только в этом облике.

В наречиях времени: д^ньска, д^ньска, д^аньска, дан^ьска; јесень^ьска; ньч^ьска отмечается Ъ как континуант *ь.

Форма существительного: реж^ьь, вероятно, указывает на *ог^ъп^ъь.

6.2.3.4. *ь в корне в сильной позиции

Обратимся к рассмотрению рефлексов праславянского *ь в корневом слоге в сильной позиции. Наиболее частотным (и практически единственным) континуантом здесь выступает Ъ:

б^ьш; б^ьчва; б^ьклица; в^ьшка, в^ьш^ни; д^ьнце; д^ьс^ье; к^ьт, к^ьд, к^ьд^а; н^ьчви; с^ьн, с^ьна; с^ьс; т^ьг^ьи, т^ьг^ьај, т^ьг^ьава; т^ьн^ьи, т^ьнка.

Как представляется, рефлекс А возможен только в тех из перечисленных лексем, которые имеют непосредственные соответствия в литературном языке. Это развитие, однако, для говора Вратарницы следовало бы признать неорганическим.

Отмечу особо местоименные формы: тој (дете), то^а (муш).

Регулярно *ь > И в: ом^ье_се.

Специфическое развитие Е в: дежд^ьв^ьнак при обычном: ђ^ьша "дождь".

Также и при исследовании рефлексов *ь затруднения (иногда значительные) представляют процессы лексических замещений по типу: *д^ьъ^ъд^ъ¹³ - ђ^ьша.

¹³На прямой вопрос о наличии в говоре формы: д^ьш я получил ответ, что так говорят "Торлаци нагоре".

6.2.3.5. *Ъ в корне в слабой позиции

Редуцированный *Ъ, находившийся в корневом слоге в слабой позиции, в ряде случаев вокализировался. Основным его континуантом выступает Ъ:

дѣштерá; дѣскá; лѣжá, лѣжеш, лѣжѳ; лѣжѣца; мѣкнеш; одѣне (чѣр кáтсе пробѣе онѣ одѣне и нѣма да боли); сѣнува, сѣнувала; тѣчѣ.

Вокализация Ъ в А возможна прежде всего в лексемах, подвергающихся воздействию литературного произношения. Органическое развитие этого перехода можно предполагать лишь в одном случае: сна, сна́ја, если предположить здесь ассимиляцию Ъ соседним А.

Единственным примером перехода *Ъ в О является: ложѣца. Здесь следует заметить, что именно данная лексема вообще часто выступает в Ч, Ц - говорах в подобной форме.

6.2.3.6. *Ъ в аффиксах

Достаточно последовательно отражена рефлексация этимологического *Ъ как Ъ в суффиксальных и префиксальных морфемах.

Суффикс -ѣкъ- отмечается прежде всего у существительных: белутѣкъ; вѣтѣкъ; долчѣкъ; дѣручѣкъ; жлѣтъкъ; зејтинчѣкъ; зубѣкъ; каменчѣкъ; качамѣкъ; мѣчѣкъ; момѣкъ; пѣсѣкъ; пловѣкъ; посѣдѣкъ; ручѣкъ, рѣчѣкъ; суарѣкъ; тѣчѣкъ; цицѣкъ; чѣчѣкъ; чворѣкъ.

И, реже, у прилагательных: кратѣкъ; слáдѣкъ. Интересна форма: нѣсѣкъ, образованная по аналогии с: ниска и т.п.

Ъ в архаичном суффиксе -ѣтъ- отмечен у существительного: нѣкът, нѣкъта (<*ногѣтъ). Лексема *olkѣтъ отмечена только в форме, совпадающей с литературной: лáкат.

Адъективный суффикс -ѣвъ- отмечается в высокочастотных лексемах: какѣф; такѣф, такѣв, тѣкъф. Отмечаются формы типа: мѣтав, рознѣкав, с рефлексацией *Ъ как в литературном языке.

Этимологический *Ъ в приставке *Сѣ- отражается как Ъ в случаях: сѣбрано, сѣбѣра, сѣбрáл; сѣзнá; сѣзрѣло; сѣзѣбе.

6. 2. 3. 7. *Vъ и *Vъ в инициальной позиции

Известно, что начальные сочетания V + слабый редуцированный в сербохорватских говорах призренско-тимокской зоны имело своим рефлексом У-, что отличалось от судьбы редуцированных в иных позициях. Что касается фонетического перехода *Vъ, *Vъ > У в болгарских диалектах, то это "явление полностью осуществлено в белградчико-трынском говоре", в отличие от ШТ, ЖД - говоров [Тодоров 1936: 134-138]. Примерами, подтверждающими данное фонетическое развитие, для говора Вратарницы могут служить:

а) форма предлога и глагольного префикса у: у; у^змаш, у^зни и т. д. ;

б) лексические примеры: удов^ьц; удав^ьца; уну^ьи^ьна, ун^ьк; у^ьторак.

С другой стороны, ряд примеров свидетельствует о процессе простого выпадения слабого этимологического редуцированного из инициального сочетания с В: ф^ьч^ьера, за^ьф^ьч^ьера; ф^ьсе, то есть, о развитии редуцированного в этом сочетании в том же направлении, что и в остальных позициях. Представляется, что примером полного упрощения рассматриваемого инициального звукосочетания после выпадения из него слабого редуцированного может служить форма: т^ьр^ьник, а возможно и: з^ьме, з^ьма и т. п.

Дериваты местоименного корня *въвь "весь" могут быть представлены как формами с метатезой: све, так и (редко, отмечено один раз) без нее: ф^ьсе.

Наконец, представлена вокализация этимологического редуцированного в исследуемой позиции в ь, то есть, его интерпретация как сильного: в^ьшка, в^ьш^ьи.

6. 2. 3. 8. Вторичный редуцированный

Возникновение вторичного редуцированного в говоре Вратарницы отмечается в ряде консонантных сочетаний.

Консонант + R

Ь на месте вторичного редуцированного отмечается в исконно славянских существительных: вѣпър, вѣтър, свѣкър, и прилагательных: ѳстьр (ср., однако, только: дѳбар, как в литературном языке), а также в ряде заимствований: мѣтър; септѣмбър, октѳмбър, новѣмбър, децѣмбър.

Консонант + L

Наиболее частотное появление вторичного редуцированного в формах причастий прошедшего времени на -л, где он чаще всего отражается как ь:

а) после заднеязычных: бѣгъл, (и)сѣкъл, могъл, нѣмогъл, навѣкъл, пѣкъл, (по)дѣгъл, (пре)тѣкъл, рѣкъл, стѣгъл, свлѣкъл и т. д.; б) после зубных: падъл, сѣдъл, слѣзъл, трѣсъл и т. д.; в) озѣбъл.

Отмечается частая рефлексация вторичного редуцированного в формах причастий как л: смрѣзал и т. д., совпадающая с их рефлексам в литературном языке.

Необходимо сказать также, что в формах причастий на -л возможна вокализация финального л: посѣкл.

Возможно, что и форма: ѳйсъл, поѳисъл; ѳисъла (из *кув(ѣ)ль) представляет собой развитие вторичного ь в сочетании -sl-.

Вероятно, вторичный редуцированный представлен также в форме: чешъл, чѣшал.

В сочетании -sk-

Развитие вторичного редуцированного, представленного континуантом ь, отмечено в трех формах существительных: вѳськ, мѳзък, пѣськ.

Консонант + M

В данных сочетаниях вторичный редуцированный представлен как ь в числительных: ѳсьм, осьмнѣс; сѣдъм, седьмдесѣ, а также в форме 1 л. ед. ч. глагола "быть": съм, несъм.

Консонант + ѳ

Ь, продолжающий вторичный редуцированный, отмечается в лексеме: огън, ѳгъь.

6.2.3.9. Звукоподражания

Отмечены случаи появления Ъ в ономастиях: цѣцре - глагол, описывающий крик сороки [ср. Skok 1971: 249]; шѣгда-шѣгда - междометие, описывающее топот конских копыт; бѣбре "бормотать" [ср. Skok 1971: 111-112]; нечѣчкај "копаться, ковыряться" [ср. Skok 1971: 285-286].

6.2.3.10. Заимствования

Редуцированный Ъ появляется в заимствованных лексемах: бадьѡѣ; бакѣрна; карѣнфѣл; качамѣк; кѣндѣк; сѣндѣк, сѣндѣка, сѣндѣци; сѣбајле, и в турецком по происхождению суффиксе -лък: комшилѣк, комшилѣк; чорбалѣк, чорбалѣци (ср., однако: богѣтлук). Возможны также формы типа: качамѣк.

6.2.3.11. Особые случаи

Редуцированный Ъ как рефлекс *ѡ

Отмечено несколько примеров Ъ, продолжающего праславянский носовой *ѡ:

- бѣда - форма глагола "быть", отмечена в фольклорном тексте:

Ако бѣде мѣш, кѣса му опѣдла,

Ако бѣда (так!) женѣ, бѣска болѣла,

Ако бѣде момѣ, кѣсѣ излетѣла;

- остѣпили, штѣпила: Кобилѣ штѣпила на шинѣту, заглавила нѣгу;

- зѣбиш, озѣбиш: Алче се озѣбиш при мене - угроза при ссоре;

- гѣба "гриб", ответ на вопрос 1219 Вопросника СХДА;

- вѣгарѣц (вероятно, из *ѡгъ);

- вѣглен (*ѡгль);

- вѣтък (вероятно, из *ѡтъкъ);

- порѣчки (нет контекста).

Редуцированный как рефлекс *ǣ

В случае: жѣтва, жѣтвѣр; жѣдѣн "жедан", редуцированный восходит к *ǣ. Если, с одной стороны, возможно было бы предположить образование первых форм по аналогии с: жѣне, жѣнуѣли и т. д., то второй пример более прямо указывает на процессы "мены юсов" и связывает говор Вратарницы с исходным пунктом его миграции в западной Болгарии.

В одном случае редуцированный ъ представляет рефлекс *ǣ: јѣбѣлка.

В двух случаях ъ отмечается в окаменевшей флексии адвербиализованных существительных: дѣѣм, нѣѣм.

Как уже говорилось выше, редуцированный ъ может находиться на месте этимологического а: пѣ; тѣ; гѣ; мѣчѣк; мѣгѣре; мѣнарѣ; зѣшто; кѣкво; свѣѣи дѣн и т. д.

Также он отмечен в лексемах: дѣѣца; кѣтѣрица; лѣпѣф, пѣштѣра и т. д., где он, по всей видимости, стоит на месте иных гласных полного образования. Возможно, особый интерес представляют примеры ъ на месте этимологического о в приставках: ѣткарѣали; ѣтѣштѣе; ѣтѣжу (оптѣже); ѣтѣка.

Неясно происхождение редуцированного в формах: пѣцко "лута мала папричица"; тѣѣр- корень со значением "украшать"; сѣсѣл "пух"; пѣдлагѣр "грубое сукно"; дѣбрѣк "врста гребена, справа са гвозденим зупцима за чѣшѣаѣе вуне, кудѣле, памука". Нерегулярно ъ < *ǣ в: кѣчѣш "конопля". В топониме: Дѣѣчин Кѣѣмен, возможно, фиксируется имя собственное: Дача, отмеченное в Словарях САНУ и ЮАЗУ.

6.3. Выводы

Важным выводом из анализа представленного материала следует признать факт совпадения во всех Ч, Ц - говорах рефлексов обоих праславянских редуцированных *ѣ и *ѣ в одном гласном ѣ. Дальнейшее развитие полученного таким образом ѣ в гласный а демонстрируют сербские южноморавские говоры. Помимо этого, с указанным рефлексом в Ч, Ц - говорах совпал рефлекс

вторичного редуцированного в большинстве примеров. Общим исключением из этого развития являются также формы как: Велигден и т. п., несомненно лексикализованные. Признак последовательного совпадения рефлексов *ь и *ѣ в одном гласном ь может послужить для уточнения диалектных границ Ч, Ц - зоны и для установления степени диалектного влияния на ее говоры.

В Ч, Ц - говорах факультативно осуществляется нейтрализация фонологической оппозиции ь/а в безударной позиции. Установить правила, регулирующие отдельные фонетические реализации в этой позиции (т. е. ь, ѣ, ѓ, а), не представляется возможным.

Праславянские инициальные сочетания *Vь- и *Vѣ- закономерно отразились в рассматриваемых говорах как У-.

С этимологической точки зрения, редуцированный гласный говора с. Вратарницы закономерно продолжает следующие слогаобразующие фонемы реконструируемой "исходной" системы:

ь < *ь

ь < *ѣ

ь < вторичный редуцированный

ь < *ѡ

ь < различные гласные в заимствованиях

Очевидно, что оба праславянских редуцированных совпали в говоре Вратарницы в одной фонеме, что характеризует говоры Ч, Ц - зоны в целом. Особенностью говора Вратарницы по сравнению с окружающими его восточносербскими следует признать большую частотность примеров перехода праславянского *ь в Е как в корневом слоге, так (и прежде всего) в суффиксах, что связывает его с западноболгарскими ШТ, ЖД - говорами, а возможно и с востоком Ч, Ц - зоны. Кроме того, на эту же связь указывают и примеры перехода *ѡ > ь, а также примеры отсутствия перехода начального сочетания V + редуцированный в У.

Говор Вратарницы четко выделяется среди окружающих его восточносербских по следующим исключительно ему присущим чертам, указывающим либо на исходный пункт его миграции в западной Болгарии, либо на специфическое самостоятельное развитие:

1) по наличию И как рефлекса *ь в корневом слогe в сильной позиции: м^иньинко, м^иничьк; оп^иньак, оп^иньци;

2) по наличию Е как рефлекса *ь в корневом слогe в сильной позиции: сег^ашни;

3) по форме: цькл^о при восточносербском: ст^акло;

4) по наличию рефлекса *ь в слабой позиции в формах: ж^ь-немо, ж^ьни;

5) по наличию Е-рефлекса *ь в суффиксальной морфеме -*ьсь: бр^атенец;

6) по наличию формы: л^ьжица наряду с восточносербской: л^ожица;

7) по наличию рефлекса *ь в слабой позиции в форме: т^ь-ч^е;

8) по наличию рефлекса инициального *Vь- в префиксальной морфеме наречия *вьс^ега: ф^чера, при восточносербском: ј^уч^ер.

Дифференциация Ч, Џ - говоров в целом в области отражения праславянских редуцированных наблюдается, например, в следующих случаях:

1) вокализм корневой морфемы *jedьнь/jedinyъ na desęty, с одной стороны, један-, с другой - једин-;

2) отсутствие рефлекса *ь в слабой позиции в форме множественного числа существительного *д^ьнь (дни) или наличие формы с рефлексом *ь (д^ьнове); говор Вратарницы имеет обе формы;

3) встречаются говоры с Е-рефлексом *ь в счетной форме *д^ьва д^ьна;

4) по наличию рефлекса *ь в слабой позиции в форме: с^ь-н^увам или по утрате *ь в данной позиции;

5) по наличию формы с рефлексом вторичного редуцированного: һ^ьсьл или по наличию формы, не отражающей праславянского редуцированного: һ^ьсел;

6) по наличию О-рефлекса вторичного редуцированного в числительных *ос^ь, *сед^ь или по стандартному рефлексу вторичного редуцированного в данных формах;

7) по форме, продолжающей общеславянское *ръдък(ъv)а (ръдѣ́ква); или по форме, восходящей к балканороманскому га-
dix: рѣ́ква;

8) по огласовке корня в формах: деждѣ́вник (Бучум, Вра-
тарница) // дуждѣ́вник (Лужница).

7. Слоγοобразующее л

7.1. Из литературы вопроса

Вокалические системы ряда говоров Ч, Џ - зоны, в том числе сербохорватских тимокских [Белић 1905: 91] и болгарских белградчичких [Стойков 1962: 112], характеризуются наличием особой слогообразующей фонемы л (слоговно л).

Обычно считается, что "до конца XIV в. слогообразующее л сохранялось неизменным на всей территории сербохорватского языка" [Ивић 1991 IIa: 64], чтобы затем пережить ряд изменений по диалектам, и с этой точки зрения сохранение его в тимокско-лужницком диалекте принято рассматривать как архаизм.

7.1.1. Сербская диалектологическая традиция

Согласно А.Беличу, "вокальное л... образуется, когда верхняя часть языка своей вершиной прилегает к альвеолам, а остальная часть языка, немного загнутая (укрућен), образует в верхней своей части, непосредственно за вершиной, небольшое углубление с проходами с обеих сторон, через которые спокойно может проходить воздух". С гласными такое л объединяет "непрерывность прохождения воздуха" [Белић 1905: 90].

Еще А.Белич, говоря о фонетической реализации слогообразующего л отмечал случаи, "когда артикуляция звука л не наступает немедленно после эксплозии согласного, за которым оно находится, а немного запаздывает; тогда появляется также ^ь (ь неслогообразующее), которое в этом случае не переходит в ь, а л остается слогообразующим. Я отметил несколько таких случаев и думаю, что они не имеют глубокого значения для этих диалек-

тов, но все же интересны с точки зрения природы слогообразующего л": jáb^ьлка, jáb^ьлко, зас^ьдну́ла [Белић 1905: 91].

В описаниях тимоцкого, лужницкого говоров, а также топонимах Брлога подобных сведений не находим [Станојеввић 1911: 364-365; Ђирић 1984: 25-27; Вукадиновић 1986: 7]. Нет упоминаний об ЫЛ-формах и в монографии О. Броха. С другой стороны, особое внимание обратим на два топонима из района Бучума: Влч^ьца и Вьлков^ьца. Наличие второй формы говорит об очень редкой, но все же существующей возможности для слогообразующего л реализоваться фонетически как ЫЛ. Наконец, обратим внимание на наблюдение П. Ивичем над говором Гнилана, где "вок. л сохраняется (влк, с^ьнце, кл^ьнемо), но альтернативно отмечаются формы с ЫЛ" [Ивић 1959: 399].

Что касается правил распределения рефлексов *л̣ в целом, то данные сербской традиции суммированы П. Ивичем: "В тимоцком поддialeкте тимоцско-лужницкого диалекта сохраняется неизменным вокальное л̣". "К югу оттуда, в лужницком поддialeкте того же диалекта находим Л̣ наряду с более редким л̣ (сл^ьнце//с^ьнце), а в сврлжско-запланьском диалекте доминирует Л̣. Но и в лужницких и сврлжско-запланьских говорах в соседстве с лабialsными согласными обычно у" [Ивић 1956: 109; некоторые уточнения см.: Ivić 1987].

Норвежский исследователь О. Брох, изучавший диалекты южной Сербии в начале XX века [Brosch 1903], приводит ряд сведений из говора сербских деревень Кална и Црвена Јабука. О. Брох лично не был в этих деревнях, информацию об их говоре он почерпнул из разговоров с двумя крестьянами, находившимися в г. Власотинце. По данным О. Броха, в этом говоре рефлексация слогообразующего *л̣ регулируется следующими правилами: в положении после лабialsных оно отражается как у, в положении после остальных согласных - как Л̣ [Brosch 1903: 276]. А. Белич считал, однако, что у О. Броха было "недостаточно материала" для подобного утверждения [Белић 1911: 20-22]. Беличево правило распределения наших рефлексов гласило: "В тимоцком употреб-

ляется исключительно *л* (спорадически *у*), в лужицком наряде с *л* употребляется и *ль* (спорадически *у*)" [Белић 1905: 91].

Характеризуя говор г. Пирота и его окрестностей, относительно интересующих нас черт О. Брох пишет, что в говоре сохраняется слогообразующее *л* во всех позициях [Broch 1903: 282].

В описании тимокского говора находим, что "вокальное *л* полностью сохранилось там, где было и в старину", со следующими исключениями [Станојевић 1911: 364-365]:

1) слогообразующее *л* часто заменяется гласным *у* в селах западной части среднего Тимока (Мариновац, Кожељ и др.), что отражает иномалектное влияние;

2) формы: Бугарин, јабука звучат только так во всем районе;

3) наряду с: длбóк, отмечено и: длібóк, длібина́; глїбóк, глїбина́.

Там же фиксируется и пример: блá. формы с ЪЛ не отмечены.

В говоре Бучума "вокалическое *л* в живом употреблении, имеет свое место в вокалической системе и произносится чисто, без сопровождающих элементов..." [Богдановић 1979: 13-16]. Во время описания в говоре уже отсутствовали некоторые формы, отмеченные в свое время А. Беличем и М. Станоевичем со слогообразующим *л*: вместо блá, бле, джан, јаблка, обнаруживаются бува́, бу́је, джан, јабука и т. д. В то же время уже в ближайшем соседнем селе Луково, расположенном к востоку от Бучума, некоторые из этих форм отмечены: блá, жлт, плн.

В говоре Гнилана отмечено: бьлá, јабалка [Ивић 1959: 399].

Л. Чирич для говора Лужицы отмечает три возможных рефлекса **л*: *л*, *ль*, *у*, не упоминая о формах с ЪЛ. Специфический рефлекс обнаружен в: длібóк (зона II) и длабóк (зона I) [Чирич 1984: 25-27].

Итак, для сербской диалектологической традиции характерно рассматривать рефлексы **л* в зависимости от характера пред-

шествующего консонанта и находить на его месте либо чистое л, либо Ль, либо У (задача диалектолога видится здесь в уточнении правил распределения этих рефлексов [см.: Ivić 1987]). Несколько обособленно стоит мнение П. Ивича о возможности для всякого л реализовываться как ЪЛ в говоре Гнилана (ср. отсутствие аналогичной информации в описании фонологической системы вошедшего в ОЛА говора Калны, где отмечено только л [Fonološki opisi 1981]).

7. 1. 2. Болгарская диалектологическая традиция

С. Младенов, сообщая результаты своих наблюдений над говорами пиротского и тимокского районов, отметил сохранение слогаобразующего л: в́лна, клн́е, сл́зе при более редком у [Младенов 1905: 115-116]. В целом, высказывалось мнение, что белградчико-трынский говор находится на пути к обобщению произношения t]t [Тодоров 1936: 127].

Для трынского говора были установлены следующие правила рефлексации *l [Господинкин 1921: 172-173]:

1) после заднеязычных согласных оно отражено как "сонантное л": гл́там, гл́тка, клч́шта, клн́ем, клк, кл́цам;

2) после губных - у: буѓарин, Буѓария, бу́а, вук, вуч́ица, вуч́и, ву́на, вунее, јабука, муч́им, музем, пу́ним, пун, одв́угъл;

3) "во всех других случаях произносятся слог Ль, реже ЪЛ".

Последнее замечание, однако, не подтверждается приведенным в описании материалом. Так, рефлекс Ль обнаруживаем в следующих позициях:

после Д: дл́г, дл́га, дл́го, дл́жина, дл́гнест, дл́бем, дл́бокó, дл́бнат;

после С: сл́за, сл́п, сл́ба, сл́нце;

после Т: тл́с;

после Ж: жл́т, жл́тица, жл́турка, ка се жл́тну, жл́чка.

Сочетание же ЪЛ обнаружено в примерах: зълва, зъл. пѣкъл, тѣкъл, не представляющих рефлекса *].

Третье правило для трынского говора должно гласить следующим образом: после дентальных согласных и Ж *] отражается как ЛЬ.

Во втором описании трынского говора, опубликованном через 10 лет после первого, находим следующее утверждение: "Ошибочно представление, что в трынском говоре слоги РЬ и ЪР и ЛЬ и ЪЛ везде утратили еровый гласный и р и л стали звучными (сонантами)", лишь в позиции после губных перейдя в У (вуна, вук, пун, мун'е). Это мнение подтверждается примерами, которые я привожу в своей классификации, исключив ошибочно учтенные в описании формы типа: зълва, сретъл, не представляющие рефлекса *] [ср.: Петричев 1931: 44-45]:

	л	ль	ъл
после Г:	глтам глтка	гльтам	
после К:	клк заклнн се клнем клщам клчишта	кльцам	закълнн се кълчишта
после Д:	длбоко		дълбоко
после т:	тлсто		
после С:	слзе слба слнце	сльзе сльба сльнце	
после Ж:	жлт жлтица	жльт	жълт

Несомненна гораздо меньшая частотность примеров с ЪЛ, чем свидетельств иных рефлексов, что вместе с данными предыдущего описания говора позволяет предположить их поздний и даже литературный характер. В целом, этот материал не противоречит приведенным выше трем правилам, с тем только, что следует признать некоторую непоследовательность их осуществления (сопоставимую, однако, с ситуацией в сербском говоре Лужницы).

В говоре с.Ошане отмечены только формы с сохранением

слоγοобразующего л, за исключением: бугарин [Берберска 1931: 92-93].

В современном состоянии годечского говора "существуют только сочетания еровой гласной и плавной согласной, независимо от числа последующих согласных фонем и от числа слогов в слове": жълт, гълтка и т. д. Однако, тот факт, что в говоре информантов старшего поколения все-таки "вместо этих сочетаний" обнаруживается слогообразующая фонема, заставляет сделать вывод о том, что импульс перехода л > ЪЛ "идет от литературного языка" [Виденов 1978: 30]. К аналогичному выводу приходит и М. Младенов, считающий, что ЪЛ говора Ново Села есть "результат позднего самостоятельного развития под воздействием восточноболгарской модели" [Младенов 1969: 18].

Дискуссионными представляются данные Р. Божкова о царьбродском говоре (кстати, не вызвавшие сомнений у В. Жобова [Жобов 1986]). Утверждается, что "для царьбродского говора характерно произношение ЪЛ, которое, однако, не охватило абсолютно все случаи":

1) односложные слова: жълт, гълч и т. д., но: тлъс (как исключение в ряде сел, прежде всего Власи и Нашушковица, примыкающих к Лужницкому и Трынскому районам);

2) многосложные слова CLCV- имеют только ЪЛ, за исключением сел Власи и Нашушковица, где - ЛЬ;

3) многосложные слова CLCCV- имеют как ЪЛ, так и ЛЬ: гълтка/гълтка. Отмечено также, что "в отдельных селах и в единичных случаях встречается произношение, близкое к сонантному л";

4) после губных - только ЪЛ, при У в южных селах.

Очевидно, что эта картина гораздо ближе к ситуации в литературном болгарском языке, чем она может быть в реальности (ср. данные более восточных годечского и новоселского говоров). Кроме того, данные Р. Божкова прямо противоречат информации из описания говора с. Петерлаш, где обнаруживаются формы: длк, жлч, влк, клне, помлзена, но: бяла, јаболка, пуш

[Манчев 1967: 180], первые из которых Р. Божков, правда, объявляет ошибочными.

Говор болгарского населения окрестностей г. Димитровграда (Царьбрда) был объектом диалектологических исследований Р. Божкова в 1961-1964 гг. Затем Р. Божков опубликовал диалектологическую монографию [Божков 1984]. В последующем, в 1977-1982 гг., был собран дополнительный материал, на основе которого Р. Божков составил "Атлас болгарских говоров царьбродского и босилеградского районов", опубликованный в качестве 6-го тома Болгарского диалектологического атласа [Божков 1986].

О методе, использованном в указанных работах, Р. Божков отмечает следующее: "В качестве информантов были использованы переселенцы в западные пограничные (т. е. болгарские - А. С.) города Трын, Драгоман, Годеч, Берковица и села Калотино, Габер и др. Переселенцы из царьбродских сел есть и в Софии и во многих других местах в Болгарии, но основной материал записывался не от них. Предпочтение было отдано переселенцам нового времени в западные пограничные города и села, так как они находятся в той же или очень близкой диалектной среде, а кроме того, влияние литературного языка слабее. Они, в сущности, самый чистый (най-пресният) источник сведений о состоянии царьбродского говора" [Божков 1984: 7]. В Атласе, помимо того, были использованы записи говора болгар - югославских граждан, временно пребывавших на территории Болгарии и не всегда подозревавших, что они являются объектом диалектологического исследования (?! - А. С.). В некоторых случаях в распоряжении исследователя был только один информант, причем "не всегда было возможным использовать людей старшего поколения и прежде всего женщин" [Божков 1986: 6]. По этому поводу отмечу лишь, что болгарский диалектолог был лишен возможности исследовать говор непосредственно в соответствующем пункте и избирать наиболее репрезентативных для этого пункта информантов. Очевидно, что избранный Р. Божковым метод относится к числу наиболее недостоверных из всех методов диалектологической работы

и привел к недостоверности представленного в его трудах диалектного материала в его фонетической части.

7.1.3. Заключение

Отражение слогообразующего сонанта *ǰ в говорах Ч, Ц - зоны в сербской диалектологической традиции ставится в зависимость от характера предшествующего консонанта (лабиального, дентального и т. д.), в то время как в традиции болгарской учитывается особо только позиция из-за лабиальных, а сама рефлексация *ǰ ставится в зависимость от слоговой структуры содержащего его слова (речь идет об известном правиле СЉС-СЉСВ-СЉСС). Исключением среди болгарских диалектологических описаний являются в некоторой мере работы о трынском говоре, выполненные в рамках сравнительно-исторической школы.

Отмечу особняком стоящее мнение П. Ивича о том, что "сходство судьбы ǰ в тимокско-лужницких говорах и в болгарском языке лишь поверхностная, так как в болгарском Л произносятся велярное, кроме как перед гласным переднего ряда. Типичные болгарские рефлексы ЪЛ и ЉЬ", в противоположность тимокскому ǰ и лужницкому ЉЬ [Ивић 1991 II: 67, сноска 104].

7.2. Слогообразующее ǰ в говоре Вратарницы

7.2.1. Из фонетики

Фонетически слогообразующее ǰ одинаково реализуется как под ударением, так и вне его, и будет далее обозначаться как ǰ: глчѝмо, глчка. Долгие реализации его не отмечены. Звуковое окружение заметного влияния на его реализацию не оказывает. Сопровождающих вокальных элементов перед или за слогообразующим ǰ не отмечено.

7.2.2. Из фонологии

Слогообразующий *л* как единица фонемного инвентаря обозначается далее как *л̣*.

Слогообразующий сонант *л̣* вступает в бинарные фонологические оппозиции с другими слогообразующими фонемами:

д̣упка - д̣лбѣ - даб̣оме; кл̣к - к̣ука 3 sg. праев.; пл̣ - пут; сл̣ба - с̣убота и т. д.

Вне ударения *л̣* факультативно нейтрализуется с фонемными сочетаниями гласный + Л: нав̣икл̣.

Как показывает диалектный материал, этимологическое слогообразующее *л̣* может занимать позицию в абсолютном начале, середине и конце слова: жл̣т, л̣щка, пл̣.

По отношению к ударению *л̣* может находиться как под ударением, так и перед или за ним. Этимологическое *л̣* в заударной позиции не отмечается.

Возможно контактное расположение слогообразующего Л и гласной фонемы: (безударного) бл̣а; (ударного) бл̣е.

Чаще всего слогообразующий *л̣* выступает в консонантном окружении. Определение всех дистрибуционных ограничений невозможно ввиду неполноты материала.

В слове встречается только один слогообразующий *л̣*.

Слогообразующее *л̣* выступает в следующем консонантном и вокалическом окружении: LCC, CL, CLV, CLC, CLCV, CLCCV, CCLCCV.

7.2.3. Из этимологии

С этимологической точки зрения слогообразующий *л̣* в говоре Вратарницы продолжает прежде всего слогообразующий **л̣* исходной системы:

бл̣а, бл̣е; в̣лна, в̣лненик; гл̣чмо, гл̣чмо, загл̣чала_се, гл̣чка; дл̣го, на̣јдл̣гото; Дл̣го Било; дл̣гоко́си, дл̣жна; дл̣бѣ, издл̣бал; жл̣т, жл̣тк, жл̣то́, жл̣тата, жл̣тите; жл̣турка; жл̣тък, жл̣тъка; жл̣чка; жл̣на, жл̣турка; кл̣не (се), закл̣не се; кл̣к, кл̣ка,

кѣкове; кѣйна; ѣца; нѣзе, намѣже; нѣчи; пѣно, напѣнимо; пл, пѣа, пѣче; скѣца, накѣцаш; сѣба; сѣза, сѣзе; сѣнце, сѣнце-то, сѣноглет; тѣкал, тѣкање, тѣче се, тѣцало.

В целом ряде случаев встретился только идентичный литературному рефлекс У:

Бѣгарин, Бѣгаре, Бѣгарско (только так!); на Вѣчка Мѣцин; пѣтпуно; пѣковник; сѣнцокрет (ср. аутентичное для говора Вратарницы: сѣноглет), - эти лексемы не имеют диалектного облика со слоговым ѣ. По всей видимости, примеры: бѣа, вѣна, пѣ не позволяют говорить о закономерном переходе слогаобразующего ѣ в говоре Вратарницы в У в соседстве с губными.

Ряд высокочастотных лексем выступает как в форме со слоговым ѣ, так и без него:

дѣго, дѣйна; жут; закѣнем; помѣзе; пѣно; сѣнце.

В некоторых случаях находим двухфонемные сочетания:

а) на месте этимологического *ј:

ѣл, ол, ал: в существительном: јабѣлка, јабѣлѣ, прѣбис-ни јаболѣ;

б) в ряде форм, отражающих иные огласовки праславянского корня:

ла: в глаголе: вѣчим и т. п. ;

ле: в глагольных формах: довлѣкл, повлѣмо и т. п. ;

ли: в прилагательном: Глибѣи Дол (топоним), длибѣк, Длибѣка Падѣна, ср. также: дубѣка.

В ряде случаев процессы лексического замещения не позволяют проследить рефлекс *ј во всех теоретически возможных случаях (так, отсутствует лексема *вѣлкѣ, замещенная словом: кѣрјак; отмечена лишь форма имени собственного: на Вѣчка).

Слогаобразующий ѣ может быть в говоре Вратарницы и много происхождения. Он может возникать на месте сочетания: гласный + Л, что возможно:

а) в позиции под ударением (!): зѣва (*зѣлѣва); сѣта "соль" (контекст:

И кѣпа сѣл билѣ, Бѣг зна кѣлка. Па се кѣали свѣне. Кад билѣ Тѣрците. Онѣ да су знали че сѣл, онѣ би га зѣли.

Него се свиње каљали, каљали на крупу́ту и не види се да е со́л. И они́ си у ти́, ка́ су дошли́... Тие што побегли, наши. Они́ си узели слта́. (Они́е Турците несú зна́ли);

б) в позиции вне ударения: млци́нка; чаще всего в причастиях прошедшего времени на -1: навикл, пукл, смрзл, угасл, порасл, свлэкл, озéбл, одвлéкл.

7.3. Выводы

Как показывает материал, говор Вратарницы четко объединяется с сербскими тимокскими говорами и говором с. Ошане в районе Белоградчика, сохранившими слогообразующий л как особую фонему без позиционных ограничений в дистрибуции.

Говор Вратарницы объединяется с частью Ч, Џ - говоров по наличию двухфонемного рефлекса *ǰ в форме: ја́бьлка, в то время как большинство говоров восточной Сербии и ряд Ч, Џ - диалектов западной Болгарии демонстрируют переход *ǰ > у.

Говор Вратарницы, с одной стороны, объединяется с окружающими восточносербскими говорами по наличию формы: дliebók, с другой стороны, исключительно вратарницкая форма: гliebók, возможно, указывает на связь говора с исходным пунктом его миграции. Возможно, на тот же пункт исходной миграции указывает и форма: зл́ва, обособляющая говор Вратарницы среди Ч, Џ - говоров [ср. БДА 4: Карта 32].

Как показывает анализ данных двух диалектологических традиций и приведенного материала, большое значение для определения границ Ч, Џ - зоны, а также для ее внутреннего членения имеют следующие изоглоссы:

1) изоглосса сохранения в фонологической системе слогообразующего л как фонемной единицы (и изоглосса ограничения дистрибуции слогообразующего л в позиции перед гласным: блá/бьлá);

2) изоглоссы различной рефлексации праславянского *ǰ в зависимости от двух факторов:

- а) от характера предшествующего консонанта;
- б) от характера структуры слога;

3) формы отдельных лексем:

- а) длѣбѣк/дубѣк/длѣбѣк/глибѣк и т. д. ;
- б) јаѣбка/јаѣбука/јаѣбалка и т. д. ;
- в) зѣва/зѣлва.

8. Слогообразующее р

8.1. Из литературы вопроса

По данным А.Белича, слогообразующее р в диалектах южной и восточной Сербии "произносится в тех же позициях, что и в остальных наших диалектах и не переходит... в ЪР, как л переходит в ЪЛ" [Белић 1905: 123]. "Когда я в тимокском диалекте, где употребляется исключительно л, мог отметить иногда и пример с ЪЛ, так и кое-где вместо р находится ЪР": вър, гърбѣну, дѣрво, пѣрво, запѣржим, рѣгну, сребѣрн" [Белић 1905: 124]. Эти два заявления представляются мне противоречивыми; важно их, однако, отметить как свидетельство различного акустического эффекта, производимого р на исследователя.

Произношение слогообразующего р болгарские лингвисты отмечают в северо-западной Болгарии [Цонев 1984 II: 414; Младенов 1979: 141-142; Мирчев 1978: 139-143; Увод 1986: 144]. Более точная, но не исчерпывающая локализация дана в "Диалектологии" С.Стойкова: "В некоторых восточных говорах, как тетевенский, и в некоторых западных, как ботевградский, восточный софийский и др., встречаются сонантные (слоγοобразующие) р, л" [Стойков 1962: 132].

В остальных болгарских говорах на месте р обнаруживаем фонемные сочетания ЪР и Рь, причем "в большинстве восточных (центральнобалканских) говоров и в некоторых западных месторождений гласной определяется следующим правилом" (первым его установил Б.Цонев [Цонев 1984 II: 414]: $\begin{matrix} \text{С}^{\text{Л}}\text{С} \\ \text{Р}^{\text{Ь}} \end{matrix}$, $\begin{matrix} \text{С}^{\text{Л}}\text{ССВ} \\ \text{Р}^{\text{Ь}} \end{matrix}$, $\begin{matrix} \text{С}^{\text{ЬЛ}}\text{СВ} \\ \text{ЪР} \end{matrix}$, например: врѣх, но: върховѣ, гърнѣ, но: гърнчѣр [Увод 1986: 145]). Это правило принято и для болгарского литературного языка.

8.1.1. Сербская диалектологическая традиция

Абсолютно все диалектологи, описывавшие говоры восточной и южной Сербии, отмечают сохранение в них слогообразующего *р*, реализующегося без сопровождающих вокалических элементов [Вгосч 1903: 286; Станојевић 1911: 364; Богдановић 1979: 11-13; Ђирић 1984: 27-28; Вукадиновић 1986: 7].

8.1.2. Болгарская диалектологическая традиция

Сохранение слогообразующего *р* отметил для говоров княжевацкого, пиротского и бабушничкого районов С. Младенов: *трговци*, *црвѐната*, *свршил*, *држали*, *срцѐто* (отмечена и форма: *умрѐл*) [Младенов 1905: 113-114]. Также и в говорах Трына и с. Ошане [Берберска 1931: 92], как и в трынско-белоградчикском диалекте в целом [Тодоров 1936: 109] фиксируется только слогообразующий *р*. "Следует отметить, что темный звук всегда слышится перед плавной, но так слабо, что переход при артикуляции простым ухом уловить невозможно"; считать же этот звук самостоятельным - ошибка [Господинкини 1921: 172, 169].

С другой стороны, в более позднем описании того же говора вышеприведенное мнение объявляется в свою очередь ошибочным - в трынском говоре обнаруживаются на месте слогообразующего *р* как *р*, так и *ЪР* [Петричев 1931: 44]. Приведу примеры из этого описания в моей классификации:

1) Слова структуры SRC

врз, *грм*, *крз*, *крс*, *крв*, *крт*, *прс*, *трн*, *црн* (примеров реализации *ЪР* нет);

2) Слова структуры SRCV-

бркам, *врзуѐм*, *обрни се*, *први*, но: *бъркам*, *вързуѐм*, *вървиште*, *гърмѝт*, *гърне*, *етърва*, *забърни*, *зърно*, *кърсѝт*, *къртица*, *кършим*, *мъртъв*, *обърни се*, *първи*, *пригърчам*, *търнѝт*, *сърдим се*;

3) Слова структуры CRCCV-

брбн'ем, брчка, дрикам, вршник, грл'авица, зрнце, мрнн'ем, црква, цркнем (примеров реализации ЪР или РЬ нет);

4) Слова структуры CR‡

вр.

Рассмотрение рефлексов слогаобразующего р в зависимости от структуры слога дает результаты, несколько уточняющие формулировку Х.Петричева:

1) слогаобразующий р регулярен в словах структуры CRC, CRCCV-; в них не встречается реализация ЪР;

2) слогаобразующий р возможен в словах структуры CRCV- наряду с более частым ЪР;

3) в позиции CR‡ реализуется только ЪР.

В годечском говоре в его современном состоянии "существуют только сочетания еровой гласной и плавной согласной, которые не зависят от числа последующих согласных фонем и числа слогов в слове": вр, врба, дьрт, мьрднем. В то же время, в говоре информантов старшего поколения здесь отмечаются слогаобразующие фонемы, что позволяет сделать вывод о том, что в отражении слогаобразующего р мы имеем дело с импульсом, идущим из литературного языка [Виденов 1978: 30, 51]. К аналогичному выводу приходит и М.Младенов для говора Ново Села с его ЪР перед одной согласной и РЬ перед двумя. Здесь это "результат позднего самостоятельного развития под воздействием восточноболгарской модели" [Младенов 1969: 17].

Не очень достоверными представляются сведения Р.Божкова о царибродском говоре, где следы слогаобразующего р "обнаруживаются только в некоторых южных селах, причем большинство примеров - это односложные слова. Но эти следы очень слабые. Во всех остальных случаях диалектный материал показывает, что согласная р произносится с сильным или слабым еровым призвуком, который в различных категориях слов слышится перед или после согласной и не совпадает с произношением р в сербохорватском, где еровый призвук не выделяется в самостоятельную

артикуляцию" [Божков 1984: 21]. Примеры же здесь следующие [Божков 1984: 31-32]:

1) в односложных словах отмечено: крф, кърф, крьф, причем закономерности фонетической реализации уловить трудно; она зависит от темпа речи, а вокалический элемент "короче обыкновенной еровой гласной";

2) в словах структуры CRCV-: върба́ (чаще), врба́ (реже); ряд слов в виде "исключения" дает реализацию Рь;

3) в словах структуры CRCCV-: връбнѝца, но: крфта́, причем "среди большого количества примеров большинство с произношением ерового призвуча после согласной р".

Материал Р. Божкова свидетельствует о скрещивании двух правил - сохранения р и его отражения по восточнoболгарским правилам. Вопрос только в том, развилось ли описанное состояние в самом говоре, или это результат применения мало достоверной методики исследования (см. в главе о рефлексах *]). Укажу на прямое противоречие мнения Р. Божкова данным А. Манчевой о говоре с. Петерлаш, где находим:

CRC: крв, прс, Срп, црв, цри [Манчев 1967: 180];

CRCV: врба, грбнѝте, грлѝнце, жрвань, мрзѝльв, мртвьѝц, преврчала, свекрва, трѝам, трчал, црвѝн четврѝтак, ср.: рѝа, рѝацки, рѝѝм се, но: умрѝл [Манчев 1967: 178-180];

CRCCV: прекрѝштѝн, прѝстѝти [Манчев 1967: 179].

По вопросу об отражении слогаобразующего Р в западнoболгарских говорах мы располагаем анализом трех карт четвертого тома БДА, проведенным в 1987 г. Х. Скатоном¹⁴. По его мнению, слогаобразующее [р] может быть определено как вокализация, "характеризующая северозападнoболгарские диалекты" [Скатын 1987: 41], причем наиболее архаичные говоры с последовательным сохранением р расположены в трех крупных районах в горных областях вдоль болгаро-югославской границы, наименее подверженных инновационным воздействиям [Скатын 1987: 43]. В то же

¹⁴ Редакция журнала в сноске на с. 47 отметила, что Х. Скатын не использовал монографию Р. Божкова.

время подтверждается традиционная точка зрения, что в диалектах без слогаобразующего *р* "вокализация [РЬ] типична" перед -С# и -СС, в то время как [ЬР] типична перед -CV [Скатын 1987: 40].

Итак, в диалектах северо-западной Болгарии Х.Скатеном обнаруживаются два "нормальных" типа [Скатын 1987: 46].

Структура	CRC	CRCV	CRCCV
тип 1	Р	Р	Р
тип 2	РЬ	ЬР	РЬ

В таком случае тип: бърс, брьдо, мърсна будет признан аномальным [Скатын 1987: 45]. Очень интересно, что говоры с "аномальным" типом, как показывает карта Х.Скатына, расположены вдоль течения основных рек северо-западной Болгарии, то есть именно там, где Ц.Тодоров отмечал смешение ШТ, ЖД - говоров с говорами Ч, Ц - переселенцев!

Если рассматривать наличие слогаобразующего *р* как архаизм, а последовательности ЪР и РЬ как инновации, то обнаруживаются следующие закономерности проникновения ЪР и РЬ на место *р* [Скатын 1987: 42]:

- 1) сначала ЪР в корнях CRCV;
- 2) затем РЬ в корнях CRCCV-;
- 3) наконец, РЬ в корнях CRC.

Интересно, что описание трынского говора 1931 года по сравнению с более ранней работой 1921 года демонстрирует именно "первую стадию" проникновения ЪР/РЬ в структуру.

8.1.3. Заключение

Далее Х.Скатен обращает внимание на то, что один и тот же болгарский лингвист зачастую по-разному транскрибирует [р], что данные двух диалектологов по одному и тому же диалекту часто противоречат друг другу, и что контролируемого аппаратурой акустического анализа в данном случае не производилось [Скатын 1987: 43]. Объяснение первых двух фактов было предложено еще Н.Трубецким, который считал, что язык, обладающий фонемой Ъ, будет трактовать *р* как сочетания ЪР и РЬ, и

наоборот, язык без Ъ, будет рассматривать это как р. "Дело в том, что в то время как фонетические сигналы остаются по существу одинаковыми, воспринимаемое их значение меняется как функция всей фонетической системы языка" [Скатын 1987: 44]. Следовательно, болгарский лингвист воспринимает р как чередование двух сегментов, лингвист с родным языком без Ъ - как один сегмент.

Мы имеем, однако, с одной стороны, пример А.Белича, который "слышал" реализации ЪР, а с другой стороны, Б.Цонева, Ст.Младенова, И.Господинкина, слышавших чистое р.

По мнению Д.Брозовича, "прежде всего нужно разобраться с представлениями, по которым р и љ исключаются с Ъ в одной системе, или по которым р и љ в сущности фикции, так как [якобы] они всегда включают хотя бы редуцированное Ъ перед или реже за собой. Я думаю, что оба эти представления неточны, но что ясна основа, на которой они возникают - с одной стороны, носители языковых систем без слогаобразующих сонантов воспринимают чужие сонантные силлабемы всегда как последовательности Ъ + сонант, с другой, действительно, есть много диалектов, в которых слоговые сонанты лишь свободные вариации последовательностей Ъ + сонант" [Brozović 1989: 50].

Вопрос, следовательно, заключается в том, являются ли р и ЪР/РЬ свободными вариациями в Ч, Џ - говорах и зависит ли в них отражение слогаобразующего сонанта от консонантной структуры слога.

8.2. Слогаобразующее р в говоре Вратарницы

Несмотря на то, что представляемый в данном разделе диалектный материал из говора Вратарницы практически не демонстрирует какой-либо специфики относительно сербохорватских призренско-тимокских говоров, а данные по Ч, Џ - говорам практически не дают никаких изоглосс на соответствующей территории, я считаю все же необходимым привести эти данные в настоящей работе. Дело в том, что это оказывается необходимым для даль-

нейшего правильного сравнения данных восточносербских говоров с данными западноболгарских диалектов, в некоторых из которых болгарские диалектологи обнаруживают зависимость между рефлексам слогообразующего *р* и консонантной структурой образуемого им слога.

В данном случае наиболее целесообразным оказывается ограничиться классификацией примеров реализации слогообразующего *р* в зависимости от структуры образуемого им слога:

CR‡

вр, Кош^ући Vr;

CRC

Грк; дрт; крс; крф; Крф; мрк; прс, ма^{ли} прс; прч; фрк;
црн; црф;

CCRC

твр^т, по^твр^т;

‡RC + V

р^ми; р^уа; р^жаница;

‡RCC + V

р^чка; р^на, р^ну, р^нка; на^рн^џило се к^уче;

CR + V

два в^ра, в^рове, на^вра; пр^облеч^е "преобуче";

CRC + V

бр^би^нак, два бр^би^нака, бр^би^нци; бр^бу^нка, бр^бу^нџе; бр^до, набр^до^вџе; бр^зиш м^емка, бр^зо, бр^же; бр^ка, бр^кнеш; бр^лџ, побр^лав^ел;

вр^ба, вр^бо^ф, вр^бо^{во}; Вр^бан^сџи Кладенец; вр^же, вр^жемо, вр^зан, вр^зала, вр^заше, вр^замо, вр^жалец; на вр^лину, Вр^ла Страна; вр^нем се, вр^неш се, вр^не се, вр^немо се, вр^ну^{мо}, по^вр^ну; вр^тешка; завр^шила; вр^шемо, вр^шу, овр^шемо, овр^шу, овр^ши, овр^шете; вр^ши^на "ветка";

гр^би^на, гр^би^ну, за^гр^би; гр^ди, гр^ду; Гр^лиште; Гр^лешку Реку; Гр^лан; гр^не/гр^не, гр^нето; огр^немо, за^гр^нем, огр^тач; Гр^нанска; гр^чим;

др^во, др^вото, др^ва, др^вата, др^ве^џета, две др^ва, др^вено, др^фце; др^жава, др^жале, др^жи, др^жи^се, др^жиш, др^жу/др^жу.

задржи, држете, држал, држала, одржиш, држе(ј)ћи старец,
држе(ј)ћа бабичка; дрти, дртија, подрта, одртеља; дрљача;

етрва; зрно; наврнул;

крваф, крвопivници; свекрва, свекрву; крвајче; крми се;
крпа, крпугу, крпата, крпач; кртица; крчак рећисти, крчажле;
крцељ; кршак; кршимо, прекршимо; кртина;

мрко; мртав; умрл;

први, прво, Прван, Прваноф, Прванова; пржи, препржи;
препрљала, упрљала; опрти; пртено; прче, два прча;

Србин, Србн/Србе; засрбн, србн; срди се, расрди се;
срна; српац "сеть"; на срце;

трвоњ; тркаш, трка, тркамо, тркате, трку, тркал, тркала,
тркали, трканица; трлак "појата"; трламо; трнокоп; трпезариј-
ски; трпим, не трпи; трчам, трча, трчају, трчај, трчал,
отрчали, дотрчим;

фргано; зафркавал; фрлим, фрлиш, фрли/фрли, фрлил, фрли-
ла, фрлили, фрљу; фрнумо; фрцу "хлебать";

Хрвате;

два црва, црве; црга, црђе; црвен, Црвен Брек, Црвенија
Брек, црвена, Црвењак, црвењка, црвењћм; црмилук, поцрни/по-
црни, црни очи; црта;

ССРСС + V

сирзне се, сирзнуљм се; чврсто; штркље "сани";

СРСС + V

брвно; брнђаш; брмбур; обрснул; брсне;

врвци; врглава; врзвали; врсник, врсници; вртлак/вртлак;
вршник;

загркнем; грнци; грснице;

дрфце, дрфца; дрвника; дрктим, дрктел; дрпнул;

крстена, некрстено, крстила, крстошка, крстопутшта,
крштење, крштевају;

мрдну; примрзне, мрзну, мрзло; мрсно; мртва, мртви,
мртво, мртвака;

првни/првњм, првња, првњо; прснано, прснула; прсти.

п^рста, п^рстѣнцето; п^ртѣак; п^рчлѣ; п^рштѣла; п^ршка, п^ршће/
п^ршћи;

с^рндаћ, с^рнчѣ;

т^рска, Т^рпчиште;

ц^ркву; ц^ркла; ц^рњиш; ц^рфчѣ;

ССРС + V

з^бр^ка_се; з^вр^нул, из^вр^нули се; исп^ржи; истр^нула;
одвр^жено; о^бстрво; отф^рга; поисп^ржи; постр^вио; расп^рчила се
к^оза; растр^ка^лћа; св^рзано; св^рнул; ск^рши, ск^ршен; ск^рнили;
см^рзал; ск^рча; ст^ршељ; ст^рка, ст^рка^ла се; четв^рти, четв^рто,
четв^ртак;

СРССС + V

с^рпски/с^рпсћи; ц^рншћи.

Отмечено три примера, выпадающих из общей картины и свидетельствующих, по всей видимости, об инодиалектном фонетическом влиянии:

ЬР: м^ьрвѣ^нак, м^ьрва, но: м^рвѣ^ни лѣкар;

РЬ: попр^ьскаш.

Отсутствие слогообразующего р, отражающее иную огласовку корня, наблюдается в примерах:

вр^а, вр^амо, вр^асте, вр^аше, вр^ало се; овр^а, овр^амо, овр^а-
сте, овр^аше, овр^ал, овр^ала, овр^шѣте;

превр^аћава се, обр^ача, огр^ача;

умр^ѣл, умр^ѣло;

з^атри, затр^ил, з^атрѣн, з^атрѣна, затр^ивамо се, затр^и, за-
тр^ише, пр^остре, пр^острѣл;

наз^иркаш, назр^ачал;

четер^ѣс, четир^ѣсти.

8. 3. Выводы

Ни в материале из Вратарницы, ни в данных по сербохорватским тимокским говорам не отмечено каких-либо значительных следов свободной вариативности р и ЪР/РЬ: в этих говорах по-

следовательно сохраняется слогаобразующий р. Изоглосса сохранения/утраты р может служить для уточнения границ Ч, Ц - зоны и для установления степени болгарского литературноязыкового влияния на ее отдельные говоры. Интересным представляется также проследить изоглоссу ограничения дистрибуции р в позиции перед гласным: вр/вър.

Рассмотренные говоры объединяются также по последовательному осуществлению перехода ЧР- > ЦР-, что считается особенностью сербохорватского языка в целом и болгарского белградчико-трынского диалекта [Тодоров 1936: 116], и также может служить для уточнения восточной границы Ч, Ц - зоны.

9. Судьба консонантных сочетаний *jt, *jd

9.1. Из литературы вопроса

Старое консонантное сочетание *jt в южнославянских говорах встречается исключительно в формах инфинитива глаголов типа *дојти (с.-х. лит. : доћи) и *најти (с.-х. лит. : наћи). Вследствие утраты в балканославянском глагольной категории инфинитива в тимокско-лужицких говорах, следовательно, и в говоре Вратарницы, отсутствуют примеры, позволяющие проследить судьбу данного сочетания.

Старое консонантное сочетание *jd встречается в формах настоящего времени тех же глаголов *дојдем (с.-х. лит. : доћем) и *најдем (с.-х. лит. : наћем), как и в ряде их приставочных дериватов. В тимокско-лужицких говорах, в отличие от соседних штокавских, где в XIV веке [Jezik 1988: 12] осуществлен фонетический переход *jd > ħ (доће, наће и т.п.), данное консонантное сочетание сохраняется. Тимокско-лужицкий и сврлижско-запланьский диалекты не осуществили в ходе своего развития метатезы в консонантных сочетаниях *jt, *jd [Белић 1905: 135-140].

9.2. Судьба консонантных сочетаний *jt, *jd в говоре Вратарницы

В говоре Вратарницы также обнаруживаем сохранение данного сочетания: до́јде, по́јде, про́јде, пре́јде и т.п., на́јде и т.п. Отмеченные в речи информантов малочастотные примеры типа: иза́ћемо, че до́ће, несомненно проникли в говор под литературным влиянием. Некоторый интерес могут представлять и фор-

мы: дóјће, дóјћм, демонстрирующие контаминацию диалектной и литературной форм.

9.3. Выводы

Изоглосса сохранения консонантного сочетания *јd может служить для уточнения западной границы Ч, Џ - зоны и для оценки степени литературного сербохорватского влияния на каждый говор в отдельности.

10. "Новые Йотации"

10.1. Из литературы вопроса

Название "новая йотация" получило в сербокроатистике прежде всего такое явление как "появление... в начале XVIII, а кое-где и в XVII веке" новых ħ и ģ "в случаях, где в старом языке было -ТЬЈ-, -ДЬЈ- перед гласными". Йотации подверглись не только дентальные, но также и ряд других согласных, по общему правилу [Белић 1960: 104]:

Т, Д + Ь + Ј = ħ, ģ;

П, Б, М, В + Ь + Ј = Пљ, Бљ, Мљ, Вљ;

Л, Н + Ь + Ј = Љ, Њ;

С, З + Ь + Ј = СЈ, ЗЈ (группа остается неизменной).

В "староштокавских" говорах, например, в тимокском, это осуществлено неполностью - так, не наблюдается никаких изменений лабмальных согласных: браћа, имање, камење, љуђи, но: гробје, дубје, дивји, здравје [Белић 1960: 105, ср. также: Белић 1905: 140-147; Ивић 1956: 112, с замечанием, что йотация лабмальных не осуществлена в большинстве призренско-тимокских говоров]. Позже П.Ивич несколько уточнил датировку этого явления: оно осуществилось в основном с XVI по XVIII вв. [Jezik 1988: 13].

10.1.1. Сербская диалектологическая традиция

Интересно, что О.Брох "не заметил, что группы ТЬЈ и ДЬЈ дают во всех говорах (южной и восточной Сербии - А.С.) без исключения ħ и ģ (или Т' и Д'). Если бы он это сделал, то отпало бы его упоминание того, что в пиротском говоре ħ в трећи вместо Ч, и он обратил бы больше внимания на то, действитель-

но лж в Запланье он слышал от стариков треџа" [Белић 1911: 28].

После публикации монографии А. Белича, в сербокroatистике стало принятым рассматривать "новые йотации" с точки зрения исторической фонетики. Так, для тимокского говора отмечено [Станојевић 1911: 374-376]:

- 1) *тъј > ħ: брајћа, браћа; трéћи, трéјћи, трéјќи; цвéће, цвéјће, цвéјке, цвéјке;
- 2) *дъј > ħ: ђак; љуће;
- 3) отсутствие йотации губных;
- 4) отсутствие следов йотации в формах: грóзје, грóјзе; гвóзје, гвóјзе.

Для говора Бучума наличие новых йотаций подтверждено следующими немногочисленными примерами [Богдановић 1979: 38]:

- 1) *тъј > ħ: трéћи, трéћа, трéћо;
- 2) *дъј > ħ: љуће, љући;
- 3) отсутствие йотации губных (при появлении йотированных форм под литературным влиянием).

Аналогичная ситуация в говоре Лужницы [Ћирић 1984: 51]:

- 1) *тъј > ħ: прúће; трéћи; цвéће, цвéјће, цвéјке;
- 2) *дъј > ħ: љући, љуће; лаћа, лéћа;
- 3) отсутствие йотации губных;
- 4) отсутствие следов йотации в формах: гóсје, грóзје, лúсје.

Очень большой интерес представляют формы, не отражающие ожидаемой йотации дентальных. Можно выделить два типа их.

Формы первого типа мы находим в двух источниках: в говоре Бучума отмечено: прúтје¹⁵, пúтје [Богдановић 1979: 38], среди топонимов Висока отмечено: Гóрње зáпадје, Кладје, Зáпадје, Ливáдје, Мáрино Ливáдје [Вукадиновић 1986: 8]. Очевидно, что если первые две формы мы можем трактовать как номинатив множественного числа существительных мужского рода, образованный

¹⁵ Эта форма у А. Белича не отмечена.

по модели: основа + ЈЕ уже по окончании действия закона "новой йотации" (при утрате фонетически закономерных форм типа: прѹѣ), то во втором загадочном случае меньше оснований признать перенесение -ЈЕ по аналогии. Как будет показано ниже, в окружающих этот район болгарских говорах отмечены регулярные формы: лива́г'е, за́паг'е.

Формы второго типа: го́сје, грóзје, гвóзјѣ, лисје, возможно, свидетельствуют о том, что упрощение групп согласных -СТЈ-, -ЗДЈ- произошло раньше, чем "новая йотация" дентальных.

Для сербской диалектологии определенный интерес представляют также факты проникновения в говор форм с йотированным губным согласным, отражающие литературноязыковое или многодиалектное влияние.

10.1.2. Болгарская диалектологическая традиция

Также с точки зрения исторической фонетики подходили к данному вопросу и болгарские диалектологи начала века. В говоре Трына обнаруживаем [Господинкин 1921: 174; Петричев 1931: 47-48]:

1) *тъј > К': бра́к'а, прѹк'е, трéк'и, цвéк'е;

2) *дъј > Г': за́паг'е, лива́г'е, л'у́г'е;

3) отсутствие йотации губных: дрѣіе, црѣіе.

В говоре с. Ошане отмечено, с одной стороны, бра́к'а, лива́г'е, цвéк'е; с другой - грóзје, го́сје [Берберска 1931: 95]. На широкой северозападноболгарской территории Ц.Тодоровым отмечены следующие формы [Тодоров 1936: 188-189]:

1) *тъј > К': бра́к'а, бра́ик'а; прóлек'е; пик'é; риск'á-н'е; трéк'и, трéк'а; цвéк'е, и даже: адвокáк'е, аргáк'е, арна́ук'е (отмечу, однако, что не приведена форма: *прук'е);

2) *дъј > Г': грóзг'е; г'áк; за́пад'е; ла́г'а; лива́г'е; л'у́г'е, лу́г'е; повóг'е; посу́г'е.

В более новых болгарских диалектологических работах "преглас Д', Т' > Г', К'" рассматривается уже как синхронное

чередование "перед задней гласной А и перед передней гласной Е": бра́к'е, г'áвол, ла́г'а, лу́г'е, цвѐк'е; например, в монографии о говоре Ново Села [Младенов 1969: 42].

В говоре Годеча отмечаются формы с чередованием [Виденов 1978: 43]:

1) бра́к'а; гли́ск'е; двѐк'а; ли́ск'е; ра́ск'е; раскѝрск'е; прѝк'е; сва́к'а; тре́к'а (но: и трет [с. 73]),

2) грѝзг'е; лива́г'е,

а также без него: го́с'е (с палатальным С').

Наконец, в работе Р. Божкова о царибродском говоре информация по данному явлению сводится к двум более чем скромным констатациям: "фонема Д чередуется с фонемой Г' в слове г'авол", "фонема Т чередуется с фонемой К' в слове брайк'а и в слове цвек'е"¹⁶ [Божков 1986: 22]. Рецензент монографии Р. Божкова отметил, что здесь следовало бы "разграничить историческое чередование Т-К' в брат-брайк'а, цвет-цвек'е и в отмеченном Р. Божковым гос-госк'е"¹⁷ от спонтанных изменений Д'>Г' и Т'>К' в г'авол и трек'уту (тоже не отмеченная Р. Божковым форма)" [Жобов 1986: 118]. В тексте монографии Р. Божкова можно встретить следующие дублетные (?) формы: госк'е и госѝе [с. 44], трет и трек'уту [с. 61] без необходимых комментариев.

10.1.3. Заключение

Рассматриваемый фонетический переход дентальных согласных и отсутствие изменений в сочетаниях с лабиальными согласными, как показывает материал, характеризует в целом все го-

¹⁶ В материалах А. Манчевой по говору с. Петерлаш этот вопрос освещен более подробно [Манчев 1967: 185]:

1) цвѝке, брајѝка, трејѝки, роѝак;

2) лиѝѝе, грѝѝе;

3) снопѝе, дивѝе, но: див.

¹⁷ Сам В. Жобов не замечает, что в этом примере речь должна идти о чередовании Т-К'.

воры Ч, Џ - зоны (необходимо исключить формы, возникающие под литературным влиянием, напр. : трет).

В то же время, анализ данных сербской и болгарской диалектологических традиций позволяет констатировать отсутствие интереса к описанию случаев, отклоняющихся от общих правил. Кроме того, смена научной парадигмы в болгарской диалектологии со смещением акцента на системное синхронное описание говоров привело к неполному освещению "новых йотаций".

10.2. "Новые йотации" в говоре Вратарницы

10.2.1. Судьба сочетаний *тъј, *дъј

Сочетание *тъј последовательно отражается в говоре Вратарницы как ħ: бра́ħа; пи́ħе; прѹ́ħе; тре́ħи, тре́ħа, тре́ħа, тре́ħо; цве́ħе.

Формы *пролеће, *дрвеће, *лишће, в говоре отсутствуют, в этих значениях обнаруживаем соответственно: про́лет, дрѹва, ли́стове (и: шу́ма) и др.

Сочетание *дъј последовательно дало ħ: За́граħе; ħак, ħа́ци. Форма: гво́зħе, очевидно, литературная, аутентично в этом значении: желе́зо. Возможно, под литературным воздействием возникла и форма: ро́д'ак.

В говоре отсутствуют формы: *леħа, *посуħе, вместо них употребляются: грѹ́ина; сѹ́дива; нет лексемы: *лаħа.

В значении "грожће" выступают лексемы: грѹ́же и ви́нограт.

10.2.2. Судьба сочетаний *ръј, *вьј, *вьј, *шьј

Проследить судьбу этих сочетаний трудно вследствие частого вытеснения соответствующих словообразовательных моделей:

*РЪЈ: вместо *гробље имеем: грѹ́бшта;

*ВЪЈ: *крављи вытеснено формой: кра́вешко; вместо *дивљи находим: дивф, дивѹ́ сви́ње, дива́.

Однако, фонетический облик таких форм как: здра́ве; цр́ве др́ва; снóпе, позволяет судить об отсутствии в истории говора Вратарницы фонетического перехода *Губной + ЪJ > Губной + Ъ.

10.3. Выводы

Говор Вратарницы объединяется со всеми Ч, Џ - говорами как осуществивший "новую йотацию" по правилу А.Белича. Отсутствие последовательности в осуществлении "новой йотации" по этому правилу может быть использовано для оценки степени литературноязыкового влияния на отдельные говоры.

Анализ таких форм как *bratъja; *tretъje; *budъja; а также *prolěтъje; *gvozďje; *grozďje, *sporъje; *čьrvъje; *dervъja показывает несомненное единство говора Вратарницы, восточносербских (зачастую в их противопоставленности южнославянским говорам) и западноболгарских говоров, осуществивших йотацию.

Большой интерес представляет наметившееся территориальное членение восточносербских говоров на группу говоров, последовательно осуществивших йотацию в форме *prutъje (в том числе Вратарница), и на группу говоров, представляющих консонантное сочетание TJ; прохождение этой изоглоссы на западе Болгарии требует, по всей видимости, изучения.

Также интересно деление рассматриваемых говоров по словообразовательному признаку и противопоставленности форм рођак//родљак.

Дополнительные черты к картине диалектной дифференциации предлагает и материал, связанный с палатализациями губных. Так, по наличию йотации в форме *divъjъ выделяется большая группа среди тимокских говоров. В то же время формы *zdogvъje; *kogvъjъ и *grovъje дают иное распределение: палатализации нет в большинстве тимокских говоров.

Анализ данных двух диалектологических традиций и приве-

денного материала позволяет прогнозировать следующие изо-
гlossы, членившие территорию Ч, Ы - говоров:

- прѹѣ/прѹтје;
- гѹсје/гѹск'е, лѹсје/лѹск'е;
- грѹзје/грѹзг'е;
- прѹлет/прѹлек'е;
- роѣак/родѣак.

11. О рефлексах праславянского *ě

Как известно, восточные диалекты сербохорватского языка и западные языка болгарского имеют эквивалентный рефлекс праславянского *ě [ОЛА 1988]. Нет необходимости приводить диалектный материал по данному вопросу исторической фонетики, за исключением единственной формы, демонстрирующей отклонение от общего правила. Речь идет о нерегулярном рефлексе а в форме *огѣхъ, отмечаемом во многих сербохорватских диалектах [ОЛА 1990].

В материале А. Белича [Белић 1905] из говоров восточной и южной Сербии находим, одной стороны, формы: орéјат I Пир. Тимшт. с. 80; орé I Књаж. с. 207, 307; орéси I Вал. Књаж. Балт. Б. Пал. с. 307, с другой - орá I Књаж. с. 207, 307; орáси III Кум. Лук. Кат. с. 307. Географическое распределение здесь, по-видимому, таково: первая форма господствует на территории тимокско-лужницкого диалекта, вторая - в остальных районах. В Княжевце зафиксированы обе формы, что заставляет обратить внимание более подробно на тимокский говор.

В монографии М. Станоевича о тимокском говоре находим только: орéј, орéси [Станојевич 1911: 384, 392]. Н. Богданович фиксирует: орéј в Бучуме, и орá в Белом Поточе [Богдановић 1979: 24]. В зоне Ia Лужницы отмечено: орéј, орéси, в зонах Ib и II: орá, орáси [Ђурић 33].

В тринском говоре находим только: орáси [Господинкин 1921: 179], что подтверждается и данными Ц. Тодорова [Тодоров 1936: 279].

Форма: орéй, орéси господствует в говорах с. Ошане [Берберска 1931: 93, 98], Ново Села [Младенов 1969: 42], Го-

деча [Виденев 1978: 35], а также на северо-западе Болгарии в целом [Тодоров 1936: 140, 168, 169, 243].

Противоречива информация о царибродском говоре. Так, Р. Божков указывает только: орéй, орéси [Божков 1984: 33], в то время как В. Жобов в тексте его монографии обнаружил и непрокомментированную форму: орáси [Жобов 1986: 118]. С другой стороны, Б. Симеонов отмечает в "нишавском говоре" только: орей [Симеонов 1958: 259], а А. Манчев в говоре с. Петерлаш - форму: орéјат [Манчев 1967: 182].

В говоре Вратарницы отмечена форма: орéј.

Итак, обзор диалектных данных позволяет заключить, что форма с рефлексом -Е господствует в говорах Ч, Џ - зоны, при том, что А-форма последовательно отмечается в Княжевце (вместе с Е-формой) и Белом Потоке, на западе и юго-западе Лужницы и в Трыне, что формирует два определенных ареала.

Итак, данную изоглоссу можно считать релевантной для ареального членения Ч, Џ - зоны.

12. Конечнослоговое -Л

12.1. Из литературы вопроса

Как известно, уже с конца XIV века в новоштокавских говорах сербохорватского языка осуществился фонетический переход конечнослогового -Л в О [Белић 1960: 78-79], с тем, что в большей части диалектов призренско-тимокской зоны "-Л в конце слога или, соответственно, слова сохранено неизменным: бел, котѝл, знал, променил. В юго-западной части области распространения призренско-южноморавского диалекта (т. е. в большинстве говоров этого типа на территории Косова и Метохии) вместо -Л имеем -(J)А: беја, бија, викаја, деја, тејацн... В формах единственного числа мужского рода действительного причастия прошедшего времени -ЈА механизировано и расширено миграциями по всем говорам южноморавского диалекта" [Ивић 1956: 109-110].

Тимокско-лужицкие и сврлишко-запланьские говоры противопоставляются призренско-южноморавским и штокавским сербохорватским говорам отсутствием в них вокализации конечнослогового -Л.

12.2. Конечнослоговое -Л в говоре Вратарницы

В говоре Вратарницы последовательно сохраняется конечнослоговое -Л.

В говоре полностью отсутствуют примеры с южноморавским отражением -Л как -ЈА, чрезвычайно редкие примеры с -Л > -О несомненно литературного происхождения.

1. В формах мужского рода единственного числа причастия на -Л:

бил; дал; зараде́л; излага́л; има́л; ишѝ́л; каза́л; мисле́л;

одвёл; оста́мл; отишъ́л; па́дёл; побёгёл; пошъ́л; свану́л; убил; узёл; умрёл и т. п. ;

2. В формах единственного числа прилагательных мужского рода:

бел; вёсел, невёсел и т. п. ;

3. В отдельных лексемах типа:

дел; дёда Па́вал; дол, Сегме́нсѣи Дол; сол;

апръя́л; тонобъя́л;

бо́лка, буа́лка; бо́лничар; Вёлко; ко́лци; понёдёлник; шко́лсѣи;

си́лно.

12.3. Выводы

Говор Вратарницы последовательно объединяется с говорами Ч, Џ - зоны по признаку сохранения конечнослогового -Л. Изоглосса сохранения/вокализации конечнослогового -Л может быть использована для оценки степени литературного сербохорватского влияния на каждый конкретный говор.

13. Согласный S

В сербокроатистике принято считать, что особенностью призренско-тимокских говоров является наличие в их фонологических системах аффрикаты S, характерной для целого ряда языков Балканского полуострова, но отсутствующей в основной массе сербохорватских диалектов.

13.1. О происхождении S в южнославянских диалектах

Фонеме S в балканских языках посвящена статья известного слависта Д.Брозовича, определившего ареал ее наличия на сербохорватской территории по информации, содержащейся в издании Fonološki opisi 1981. "Внутри зоны с фонемой S находится целиком торлакское (призренско-тимокское) наречие, затем от штокавского наречия весь косовско-ресавский диалект и южная половина зетского диалекта, а из остальных пяти штокавских диалектов в эту зону входят только маленькие части двух: дубровницкий поддиалект восточногерцеговинского диалекта и крайний северо-восток шумадийско-воеводинского диалекта" [Brozović 1988: 147].

В имеющейся диалектологической литературе сложилось две точки зрения по вопросу о происхождении S в сербохорватских диалектах. Первая представлена в монографии А.Белича [Белић 1905], который стремился увязать призренско-тимокское S с соответствующей праславянской аффриктой. Вот что пишет о согласном S проф. А.Белич: "Наряду с другими особенностями, которыми отличается этот диалект, следует упомянуть и аффрикату S, которая произносится почти моментально, что, вероятно, и делает возможным ее постоянное сохранение в этих диалектах.

Если бы момент спирантизации был более сильным, можно было бы с правом ожидать, что исчезнет первый компонент, как это действительно и было в большинстве других сербских диалектов" [Белић 1905: 200]. Обратим внимание на то, что изложение соответствующего диалектного материала проф. Белич начинает именно с утверждения о сохранении праславянского S. Однако, из приведенных у А.Белича примеров только лексемы: звезда, дива и множна имеют S, возникшее по праславянским палатализациям Г [Белић 1905: 204]. Тем не менее, А.Белич предполагает, "что S получило широкое употребление морфологическим путем под влиянием аналогии". Ход рассуждений здесь следующий: так как форм с начальным S в праславянском было очень мало, следовательно, трудно предположить, что только они могли повлиять на появление всех призренско-тимокских примеров с S. Таким образом, в распоряжении А.Белича "остаются формы, где S не находилось в начале слова. Оно возникало из Г под влиянием последующего i, ъ (=oi). Следовательно, оно, кроме некоторых одиночных случаев, где этот звук зависел от предшествующего гласного, появлялось всегда в соседстве с Ъ или И; в этом нашем диалекте в словах типа множи, множна, *леви, *нове и т.п. И эти формы, действительно, очень часто находятся в старославянских памятниках, в них даже гораздо реже утрачивается S, чем в формах, где оно находится в начале слова. Когда в нашем диалекте слоги СИ, SE начали в местных говорах переходить в ЗИ, ЗЕ, тогда S, может быть, начало переноситься и на те случаи, которые первоначально имели ЗИ, ЗЕ (напр. назирем, озирем, о зем, на зем и т.п.) в середине слова, а затем и в начале. Когда это произошло в формах с ЗИ, ЗЕ, тогда это было перенесено и на все другие формы, которые связаны с ними: напр. назирем - наврем. Этим могут быть объяснены все вышеприведенные случаи" [Белић 1905: 205]. Для современной диахронической фонологии, однако, очевидна несостоятельность

объяснения распространения S как следствия позиционной нейтрализации противопоставления S/z¹⁸.

Иная точка зрения имплицитно представлена в упоминавшейся выше статье о фонеме S в балканских языках Д.Брозовича [Brozović 1988]. Систематизация сведений о происхождении, частотности и фонетико-лексической дистрибуции S¹⁹ дает следующую картину:

1) Романизмы, причем итальянизмы в Черногории и Дубровнике, а в остальных областях различные балканские романизмы (причем в исходном романском диалекте сегодня может быть и z < S), что не означает с необходимостью, что наш диалект сохранил старое балканороманское качество в заимствовании, так как в некоторых случаях, вероятно, речь идет о переходе z в S при тех же условиях, что и в следующих категориях 2-5;

2) Переход z > S под влиянием ближнего или дальнего сонанта, чаще всего r (причем [r] и [r̥]), который оказывает такое влияние во всех позициях, т.е. /zr/, /zr̥/, /rz/, /r̥z/, /zVr/, затем /n/ и несколько реже /l/, которые оказывают влияние в основном перед /z/, затем инициальная группа /zv/ и, наконец, /j/ в примерах типа /вуји/...

3) Дисконтинуация z в соседстве со звонкими взрывными /б д г/, например, /вид/, /себе/, /вглоб/. Это явление связано с примерами типа /жголав/, /пченица/, /щето/, /чкола/ и т.п., но изоглоссы совпадают лишь частично;

4) Стяжение последовательности /dz/, разделенной морфем-

¹⁸ Следует упомянуть, что для ряда форм А.Белич предлагает более удачные решения: "в некоторых случаях S... получается фонетически, напр. *одзад дает, как видно из приведенного выше, озад. От этой формы S было перенесено и в назад, посади, а оттуда выделилось как отдельная форма зад, задъи. Наконец, следует упомянуть и то, что SB:zB в звезда повлияло на то, что наряду с zB в звер, звоно появилось и SB. Все остальное более позднего происхождения, а в заимствованиях покоится на воспроизведении звука, который, возможно, в некоторой степени отличался от z" [Белић 1905: 205].

¹⁹ Д.Брозович исключает из рассмотрения остатки праславянского *S в некоторых македонских говорах.

ной границей, напр. /озвонило/ "одзвонило" (в хорватско-сербских диалектах фонетически обычно [озвонило] с утратой окклюзива, или [одзвонило], что фонологически следует интерпретировать /одзвонило/). Этот процесс осуществляется, только если в инвентаре уже существует S много происхождения...

5) Спорадичный переход последовательности /двн/ в /звн/, если в инвентаре уже существует фонема S" [Brozović 1988: 147-148].

Можно вслед за Д.Брозовичем отметить, что на дистрибуцию S накладываются также ограничения нефонологического характера, так как "...фонетические процессы в категориях 2-5 обычно осуществляются прежде всего в экспрессивных лексемах, а не везде, где наличествует одно или два указанных условия или несколько их" [Brozović 1988: 148].

Очевидно, что Д.Брозович рассматривает сербохорватское диалектное S исключительно как новое явление, не возводимое к аналогичному праславянскому. Так же оно трактуется и в сборнике *Fonološki opisi* 1981. Эта точка зрения, по всей видимости, общепринята в сербокroatистике. Так, П.Ивић в кратком обзоре исторической грамматики сербохорватского языка говорит об общесербохорватском процессе утраты праславянского S и о повторном возникновении этой фонемы в периферийных диалектных системах в особых условиях [Jezik 1988: 11, 12]. Ср. также его же утверждение: "Аффриката S ни в одном современном сербохорватском говоре не представляет прямого продолжения праславянского S" [Ивић 1991 IIb: 79].

Установление причин возникновения нового S остается открытой проблемой сербохорватской диалектологии²⁰, так как неясно, в какой мере здесь сыграло свою роль "давление незаполненных клеток фонологической системы и почему это давление не плодотворно и в иных местах при тех же условиях, что здесь

²⁰ Диалектологи же в настоящее время тщательно уточняют правила дистрибуции S в каждом говоре [см., напр.: Ивић 1956: 112; Богдановић 1979: 34; Томић 1984: 34; *Fonološki opisi* 1981].

понимать под конкретными и определенными влияниями соседних неславянских моделей, и как сами эти модели возникли" и т. д. [Brozović 1988: 148].

В македонистике и болгаристике господствует точка зрения, объединяющая оба изложенных выше подхода. Так, Б. Конески трактует македонские диалектные факты из Охрида: полог - половн как сохранение праславянского чередования Г/S. "В других наших говорах это чередование изменилось в Г:З, а это означает, что праславянское S в них утратилось еще в древний период (все же есть случаи сохранения произнесения старого S, напр. в словах SBЪЗДА, ѠSA, до появления нового S)" [Конески 1986: 79-80].

Сохранение (с определенной переинтерпретацией в отдельных лексемах) чередования Г/S в формах типа полог:половн характерно для ряда описанных Ц. Тодоровым говоров западной Болгарии, где обнаруживаем: бубразите, валовн, гловн, дановн, днсази, душези, залази, заструви, заструзи, кофчеви, кърчази, порези, ровите, г'авол с рове, опсези, острави, растези, валовн; мловина, мловината; носе, новете, сълзи; помовн [Тодоров 1936: 163, 278-279]. О наличии регулярного чередования Г/S при образовании форм множественного числа существительных мужского рода свидетельствуют описания следующих западноболгарских Ч, Ц - говоров: Ново Села (днсази, колчази, кърчази) [Младенов 1969: 21]; Годеча (валовн, кофчеви, днсази, половн) [Виденов 1978: 23]; Цариброда (днсази) [Божков 1984: 26]. Ряд подобных примеров находим и в описании сербохорватского говора Свиницы: армизѝ (армиг - "пастув"), белч'узѝ (белч'уг - "верига"), днсави, крливѝ (крлиг - "кука") [Томић 1984: 34 и словарь]. В трынском и годечском говорах отмечена форма: помовн [Господинкин 1921: 175; Виденов 1978: 23]. Единичные формы: днсази, мновн, мловина отмечены и в монографии А. Белича [Белић 1905: 203]. Интересно, что как раз эти формы выпадают (полностью или частично) из общей схемы дистрибуции S, предложенной Д. Брозовичем.

В работах современных сербских диалектологов подобные

формы не отмечаются [Ивић 1959: 397; Богдановић 1979: 34; Ђирић 1984; Вукадиновић 1986: 7].

Наконец, обратим внимание на чрезвычайно интересное наблюдение М. Станоевича: "В северно-тимокском диалекте нет примеров типа: р^одзи (рози), пом^одзи Бог! (помози), д^идзам - дзам и т. д., как это наблюдается в соседнем загорском говоре (напр., в с. Ново Корито), но в большинстве случаев (већинном) ДЗ стоит вместо З; это, следовательно, вне всякого сомнения, более молодое явление" [Станојевић 1911: 380]. Загорский говор в этом случае выпадает из схемы, предложенной Д. Брозовичем. К сожалению, иных данных об этом говоре в литературе нет, монографически он не описан.

Итак, на южнославянской территории наличествуют как минимум два типа диалектов, имеющих в своих фонологических системах аффрикату S. Диалекты одного типа (как охридский, ряд западноболгарских) имеют S как старого, так и нового происхождения, диалекты второго типа - только новое S, подчиняющееся определенным синхронным правилам дистрибуции. По имеющимся в научной литературе данным на южнославянской языковой территории обнаруживаются диалекты обоих типов, а изоглосса утраты/сохранения старого S (прежде всего в формах типа: полог-полови) может быть для южнославянских языков дифференцирующей.

13.2. Фонема S в говоре Вратарницы

13.2.1. Фонетика и фонология

Фонетически S представляет собой звонкую аффрикату.

Не отмечается каких-либо существенных влияний соседних звуков речи на фонетическую реализацию S.

Дистрибуция фонемы S в говоре Вратарницы определяется строго ограниченным набором правил:

- в соседстве с сонантами (прежде всего р и р'): на венџ^иму, наврач^ал, навр^нул, наврач^ам, навр^нкам, вр^ннем, навр^н-ра, вр^ннула, навр^нала, вр^нсали(ј)а;

- в инициальной позиции перед -В-: звóно, звóна, звонѣц, звóни, звездá, звéзде, звездéте;

- S как результат стяжения звуко сочетания ДЗ: сáдњи, повáдњи, овáт (ср., однако: предзорú, одзорú, узорú и зóра);

- в отдельных лексемах: вѣт, вѣдове

Фонологический статус S в сербохорватских призренско-тимокских говорах определяется различными исследователями неодинаково. Так, А. Пецо считает, что S "здесь не имеет фонологического статуса, является позиционным вариантом З" [Ресо 1975: 19]. Утверждение А. Пецо для говора Вратарницы, однако, следует признать неверным по меньшей мере вследствие того, что в нем возможно появление фонемы З в перечисленных выше позициях: зуп - зúби; зарадél, зáран, звáло_се, зврнул и т. п.

13.2.2. Из этимологии

Этимологически S в говоре Вратарницы лишь в одном примере: звезда́ может быть истолковано как продолжение соответствующей праславянской аффрикаты, возникшей в результате палатализации заднеязычных. В остальных случаях это, несомненно, S нового происхождения из З как в исконно славянских, так и в ряде заимствованных лексем.

Этимологического комментария, вероятно, требует ряд заимствованных лексем, имеющих в своем составе S:

венђá(j)а - "стреля". Заимствовано из турецкого *üzengi*, причем, начальное у- было утрачено "из-за того, что воспринималось как предлог (j)у. Ср. серб. *узенгије*, алб. *uzengji* и *zengji*" [БЕР I];

вѣф - "деготь". Заимствовано из арабского *zift* через турецкое посредничество *zift* "смола, катран; горький" [БЕР I];

срзали́(j)а - "маленький абрикос". Через греческое и турецкое посредничество заимствовано из новоперсидского *zardālū* "желтая слива" [БЕР I].

13.3. Выводы

Изоглосса наличия/отсутствия фонемы S может быть использована для оценки степени литературного влияния на каждый отдельный говор.

Сопоставление данных описаний восточносербских Ч, Џ - говоров с материалами по другим говорам Ч, Џ - зоны позволяет говорить об изоглоссе Г/S в формах множественного числа существительных и императива как о дифференцирующей на рассматриваемой здесь территории²¹. Говоры, не имеющие S в данных формах, могут быть выделены в особую группу в пределах зоны.

²¹Диалектологическая экспедиция, совершенная мной в 1992 г. в юго-восточную Сербию (районы Бабушница, Цариброд, Пирот), показала, что в говорах обследованной территории последовательно сохраняется S в формах множественного числа имен существительных типа: джасаи, ковчези, полози. Таким образом, среди восточносербских только тимокские говоры утратили здесь S.

14. Судьба согласного X

14.1. Из литературы вопроса

Как известно, "согласный X во всех диалектах восточной Сербии исчез, и по всей видимости, достаточно давно во всех позициях в слове". Что касается времени его исчезновения, то А. Белич предполагал, что это происходило начиная со второй половины XVIII века [Белић 1905: 206, 210]. Датировка эта основывается прежде всего на форме: НАСАДИХМО из записи 1742 года, которая, по мнению А. Белича, "почти целиком" написана на местном народном говоре²². Позже датировку предлагалось изменить: "Я бы сказал, что процесс утраты этого звука осуществлялся с конца XVI века до середины XVIII века, когда он, несомненно, уже полностью окончился в областях, где этот звук сегодня не произносится" [Белић 1905: 106]. П. Ивич датирует этот процесс "в основном, XVII веком" [Jezik 1988: 13].

Появление В и Ј на месте X трактуется в сербоязыковедении как устранение звания, возникшего после утраты X [Белић 1960: 107-108]. "В интервокальном положении на месте утратившегося H обычно появлялось V или J: *vuva*, *vuvo* (и по аналогии *svu*), *proja*, *streja*" [Jezik 1988: 13].

Примеры, в которых на месте X находим согласный K, по всей видимости, появились не фонетическим путем (так как такой фонетический переход невозможен), а из административно-литературного языка [Белић 1905: 211]. Интересно, однако, что

²² Против этого мнения А. Белича говорят следующие формы из текста: *зна* (вм. *знае*), *бист*, *мост*, *пуст* (с сохранением финального -СТ), *братиа* (вм. *брајћа*), *године* (серб. *sg.*).

С. Младенов допускал возможность такого фонетического перехода в форме: пазука [Младенов 1979: 151].

В болгаристике, с одной стороны, считается, что в переходных говорах Х во всех позициях исчезает [Увод 1986: 152], с другой стороны, отмечается, что Х часто субституируется согласным В в: мува, а также на месте утратившегося Х может появляться Ј [Мирчев 1978: 158].

Судьбе согласного Х в болгарском "нишавском" говоре, который расположен в бассейне р. Нишавы по обеим сторонам современной болгаро-югославской границы, посвящена статья Б. Смиеорова, где устанавливаются общие закономерности изменений Х [Смиеорова 1958: 259-261]]:

1) "После гласной Е согласная Х, независимо от ее положения в слове, регулярно переходит в Й":

а) в конце слова: греЙ, мей, ореЙ, смеЙ и др.;

б) в середине слова: дреЙа, леЙа, мейур и др.

К данному правилу приводятся два примечания. С одной стороны, это правило не так закономерно действует для трынского говора, с другой - "в последнее время в нишавском говоре отмечается исчезновение Й из Х в финале слова": гре, сме и др.

2) После гласной У Х переходит в согласный В:

а) в конце слова: глув, кожув, кув;

б) в середине слова: бувне, дувне, изкувёл, кувня, рувне.

И здесь наблюдается ограничение на действие правила: в позиции -УХА- согласный Х исчезает полностью: груам, муа, пуам и др.

3) Переход Х > К отмечен только в форме: пазук'е, пазук'а.

4) В инициальном положении Х обычно исчезает: вачам, бро и т. п.

Итак, возможны две трактовки появления согласных В, Ј на месте Х: они являются или прямыми субститутами Х, или воз-

никли в результате устранения зияния [ср. также: Младенов 1969: 42].

Рассмотрим материал диалектологических описаний говоров Ч, Ц - зоны с точки зрения наличия различных субститутов X в соответствии с установленными Б. Симеоновым правилами.

Для тимокского, бучумского, лужицкого и годечского говоров можно установить следующую закономерность [Станојевић 1911: 384; Богдановић 1979: 28-30; Ђирић 1984: 40-41; Виденов 1978: 44], совпадающую, в основном, с "правилом Симеонова":

1) в конце слова:

после Е обнаруживаем Ј: греј, ореј и т. п. ;

после У обнаруживаем В: глув, кожув, бчув, сув;

2) в середине слова:

после Е обнаруживаем Ј: дрé(ј)а, мé(ј)ур и т. п. ;

после У обнаруживаем В: мува, руво, уво и т. п. ;

3) группа ХВ- дает В- в Бучуме, и Ф-/В- в Лужнице: ва-ла/фа́ла;

4) К на месте X обнаруживаем обычно в лексемах из литературного или церковного языка: па́зука, при́кот, плек и т. п.

Очень близко к "правилу Симеонова" стоит материал из говора Ново Села, где отмечаются следующие формы [Младенов 1969: 42]:

1) в конце слова:

после Е обнаруживаем †: оре, сме;

после У обнаруживаем В: глув, сув;

2) в середине слова:

после Е обнаруживаем Ј: дрéја, лъја́ и т. п. ;

после У обнаруживаем В и †: глúва, су́ва, но: уо.

В говоре с. Ошане обнаруживаются несколько иные закономерности [Берберска 1931: 94-95]:

1) в конце слова:

после Е обнаруживаем Ј и †: оре́ј, но: гре;

после У нет примеров;

2) в середине слова:

после Е обнаруживаем ‡: грéове, дрéе, мéур, стрéа, но: лéаа;

после У обнаруживаем ‡: глúо, дúа, сúо, úо.

В говоре Трына при общем правиле, гласящем, что Х утрачено во всех позициях, обнаруживаем непоследовательность в примерах: глув, дúвам, сув, но: бúа, грúвам и грúам, дúам, муá и т.п. [Господинкин 1921: 174]. Там же находим и: буá, бúе, глув, гре, муá, мúе, пу, сúва, сúве, сув [Петричев 1931: 46-47, 49]. Практически последовательно отмечает В на месте Х в этом говоре Ц. Тодоров [Тодоров 1936: 170-171], однако, с учетом данных А. Берберской, мы не можем считать эту черту особенностью всех белоградчикско-трынских говоров.

В описании царибродского говора находим противоречивую информацию [Божков 1984: 33]:

1) в конце слова:

после Е обнаруживаем Ј и ‡: гре, но: греј, орéј, смеј;

после У обнаруживаем В и ‡: глú, кожу, су, но: глúф, ко-жúф, суф;

2) в середине слова:

после Е обнаруживаем Ј и ‡: дрéја, стрéја, но: греотá, дрéа, меанá;

после У обнаруживаем В и ‡: дúва, кожуváр, сúво, но: глúо, кожуáр, нуá, сúо, úо [с. 47].

Можно сделать вывод о соответствии данных большинства как сербских, так и болгарских Ч, Џ - говоров "правилу Симеона", при том, что в с. Ошане обнаруживается особый тип, имеющий тенденцию к утрате Х без субституции. Царибродский говор (в его описании Р. Божковым) расположен между этими двумя типами либо как переходный, либо как смешанный (возможно, однако, что в материалах Р. Божкова отразилась и территориальная расчлененность говора).

14.2. **Согласный X в говоре Вратарницы**

Согласный X в говоре Вратарницы, как и в других призренско-тимокских говорах, не существует в качестве отдельной фонологической единицы.

Исключительно под литературным влиянием в говор могут проникать формы с X: хэ́клај наряду с э́клујем; Антíхрис; Xв́ачај; ох; Хíтлер; Хрв́ате; партикула кондиционала 1 лица ед. ч.: бих при обычном: би; ма́йеха при аутентичном: ма́чеа.

Этимологический X пережил следующие изменения в различных позициях:

1) В начале слова

- перед гласным X утрачен:

а́јде; а́кнем; а́йна; а́пу, уапа́л; йжа; ото́дим, убаф и т. п.;

- перед сонантом Л утрачен:

леп; ла́дан.

Отмечены следующие результаты развития некоторых консонантных звуко сочетаний:

инициальные:

HV- > Ф: фа́ла; (у)фа́не;

HT- > ШТ/џ: штел/штеа́л и тел (вероятнее всего, нефонетическое развитие);

*ДЪН- > П: пор (вероятнее всего, нефонетическое развитие);

медиальные:

-ТН- > Т: мзветéло;

-ВТ- > дрктéл.

2) Интервокальный X

- утрачен в следующих примерах:

греове, грео́та; дреа, дрее/дрéм, дрéу; ма́чеа; ме́ана; меу́на; стрéа; буа́лка "палка для стирки белья"; дуа́н; су́м; уо; бла́, блé; два п́ла; сат; сна; уа́псу; за́бдњак "стар монах", снаб́ди се, до́бду;

- в ряде случаев субституирован:

Ј: дрéје; орејóф; кúјна; дéда Мијáјла (асс. sg.);

К: па́зука.

3) финальный Х.

- утрачен в примерах:

гре; вр; пл; óдна; стра; скромá,

- а также в формах простых прошедших времен: дојдó;

- субституирован в лексемах:

орéј (мн. ч. : орéси); пасту́ф.

14.3. Выводы

Следы сохранения Х в фонемном инвентаре говора могут быть использованы для оценки степени литературноязыкового влияния на него.

Анализ диалектного материала из восточной Сербии позволяет сделать следующие выводы:

1) Все Ч, Џ - говоры восточной Сербии (и большинство болгарских Ч, Џ - говоров) объединяются по следующим признакам:

а) утраты Х в абсолютном начале слова, в абсолютном конце слова после А и сонантов;

б) субституции Х по "правилу Симеонова".

2) Говор Вратарницы выделяется на фоне тимокских по следующим признакам:

- ХВ- > Ф: уфáне;

- сúи, úо при восточносербском: сúви, úво;

- гре при восточносербском: греј;

- дрéе, стрéа, мáчеа при восточносербском: дрéје, стрéја, мáчеја.

Как видим, примеры из Вратарницы демонстрируют значительные отклонения от "правила Симеонова", которые в целом удаляют Вратарницкий говор от большинства Ч, Џ - говоров, сближая его с говором с. Ошане в белградчикском районе.

Рассмотренный материал диалектологических традиций поз-

воляет установить список изоглосс, релевантных для диалектного членения Ч, Ы - зоны:

1) наличие/отсутствие Ј на месте Х в конце слова после Е: гре/греј;

2) наличие/отсутствие Ј на месте Х в середине слова после Е: дреја/дреа;

3) наличие/отсутствие В на месте Х в конце слова: су/сув;

4) наличие/отсутствие В на месте Х в середине слова: уо/уво;

5) наличие/отсутствие перехода ХВ- > Ф: фала/вала;

6) форма: пор, при: твор в большинстве говоров восточной Сербии.

15. Согласный Ж

15.1. Из литературы вопроса

По описанию А. Белича, в исследованных им диалектах восточной и южной Сербии артикуляция Ж отличается от артикуляции фрикативного Ж следующими особенностями: "При произнесении звука Ж воздух проходит очень быстро через проход, трется о его стенки и производит шум, подобный звуку фрикативных согласных; при произнесении неслогового ж звук, который образуется дрожанием голосовых связок, проходит через этот проход свободно и легко, без усилия и сильного трения" [Белић 1905: 126-127]. Как это принято в практике сербской диалектологии, в тексте настоящей работы этот звук будет обозначаться знаком Ж, при том, что имеется в виду, что "он всегда в этих диалектах означает ж (і неслоговое)" [ср. Белић 1905: 128].

По наблюдениям Ц. Тодорова, "наши [т. е. болгарские - А. С.] северо-западные говоры, в полном согласии с другими болгарскими говорами, как и с переходными тимокско-моравскими говорами, ... не только устранили спирант Ж, но даже показывают желание освободиться и от консонантного і" [Тодоров 1936: 128]. И в то же время, в белградчичко-трынском говоре "чаще всего консонантное і сохраняется" [Тодоров 1936: 132].

Известно, что в рассматриваемых говорах Ж может быть в ряде позиций факультативным (т. е. произноситься и не произноситься в говоре одного и того же информанта) [ср.: Вгош 1903; Белић 1905: 127; Fonološki opisi 1981: 591-592; Ивић 1959: 112]; мы вправе, однако, ожидать различий в реализациях Ж по позициям в говорах Ч, Џ - зоны.

Рассмотрим прежде всего данные сербских и болгарских диалектологов, касающиеся судьбы Ж наших диалектов в двух пози-

циях: 1) абсолютного начала слова; 2) в интервокальном положении.

15.1.1. Согласный J в инициальной позиции перед гласным

В целом, во всех говорах Ч, Ъ - зоны J невозможен перед И и последовательно сохраняется перед гласными непереднего ряда. Интерес, следовательно, представляет лишь вопрос о сохранении/утрате J перед гласным Е.

Ситуация в тимокском говоре описана довольно противоречиво: "Если после согласного J стоит гласный Е, то он чаще всего не произносится... Но одинаково возможны и формы с J" [Станојевић 1911: 380]. Однако, приведенные в описании примеры позволяют говорить о сохранении J перед ударным Е и о его нестабильности перед Е вне ударения. Нестабильность J в данном сочетании вне зависимости от такого фактора, как ударность/безударность Е, отмечена в говорах Бучума [Богдановић 1979: 31] и Трына [Господинкин 1921: 173].

На основании приведенного диалектного материала из с. Ошане и наблюдений А. Берберской можно сделать вывод о тенденции к утрате J в рассматриваемой позиции вне зависимости от ударности Е [Берберска 1931: 93]. В говоре Лужницы J в начале слова перед Е, напротив, сохраняется: Jédрење, шéсé jékтера, jéребица, jéу [Гирић 1984: 42]. Похоже, что аналогичное лужницкому положение наблюдается в годечском и царибродском говорах [Виденов 1978: 26; Божков 1984: 26].

Полярными типами следует признать тип, последовательно сохраняющий J (Лужница, Цариброд, Годеч), и тип, имеющий тенденцию к последовательной его утрате, - с. Ошане.

15.1.2. Согласный J в интервокальной позиции

При анализе закономерностей реализации J принимаются во внимание как правила, сформулированные в соответствующем описании исследователем, так и сам диалектный материал, пред-

ставленный в тексте монографии. Не учитываются вследствие малочисленности примеров в литературе сочетания с Ъ и со вторым элементом О.

В говоре Трына дистрибуция сонанта Ј определяется следующими правилами [Господинкин 1921: 173]:

"В середине слова А и Е йотируются, если следуют за гласным и если между ними не пропущена согласная Х: шаіак, одеіа, Стоіан, баіа; пиіем, ткаіем, играіем; тміа волове...". "И в середине слова то йотируется, то нет: мом и моіи, чии и чииі и т. д.". Несмотря на то, что данные правила не покрывают всех случаев возможной реализации Ј в данной позиции, оказывается целесообразным представить их в виде таблицы (где в левой колонке представлен первый элемент вокалического сочетания, в верхней строке - второй; знаки + и - означают соответственно наличие и отсутствие Ј в данной позиции):

		Трын		
		И	Е	А
И	+/-	+	+	+
Е			+	+
А			+	+
О	+/-		+	+
У			+	+

В монографии Р. Божкова о царьбродском говоре правила дистрибуции фонемы Й²³ представлены очень неполно. В соответствующем разделе говорится лишь о возможности для согласного Й находиться "в середине слова между гласными", что подтверждается малым числом примеров позиций -УЙЕ-, -АЙЕ-, -УЙУ-, -ОЙА- [Божков 1984: 26]. В разделе "Местоимение", на с. 61-74 монографии, отмечены, с одной стороны, формы: нийе, тийа, таийа, мойе, чийу; с другой стороны: мом, чии. Это могло бы позволить сделать вывод о принципиальной близости царьбродской и трынской ситуаций, с той разницей, что царьбродский говор совсем не допускает сочетаний -ИЈИ- и -ОЈИ-. Однако, на с. 76

²³ За обозначениями Ј и Й, принятыми соответственно в сербской и болгарской диалектологических традициях, стоит чисто графическое различие.

раздела "Глагол" отмечены одновременно формы: слабеем и от-малеем, что указывает на необходимость дополнительного тщательного анализа всех примеров реализации Я между гласными.

Практически исчерпывающе описаны искомые правила для говора Бучума [Богдановић 1979: 30-33], представленные также и в форме таблицы (в которую, как мне кажется, следует внести незначительные изменения, приблизив ее к приведенному на с. 31-32 монографии материалу). Так, Н. Богданович отмечает отсутствие Ј в сочетании -ЕЈИ-, несмотря на пример: пригре(ј)и-на.

Очень полно представлена искомая информация по говору Лужница [Ђирић 1979: 42-45], также сводимая в таблицу. Здесь, однако, следует сделать замечание о том, что "очень часто в формах 3 лица множественного числа настоящего времени глаголов между гласными А и У согласный Ј утрачивается": пвају и певау [Ђирић 1984: 44-45]. Этот факт отражен в приведенной ниже таблице:

Бучум					Лужница				
	И	Е	А	У		И	Е	А	У
И	-	-	+	+	И	-	+/-	+	+
Е	+/-	+/-	+	+	Е	-	+/-	+	+
А	+/-	+/-	+	+	А	-	+/-	+	+/-
О	-	+/-	+	+	О	-	+/-	+	+
У	-	+/-	+	+	У	?	+/-	+	+

Информация, представленная в соответствующем разделе монографии о годечском говоре, к сожалению, неполна, так как не учитывает ограничений, накладываемых на дистрибуцию Ј [Виденов 1978: 26-27]. Здесь приводятся лишь примеры на возможность сочетаний -ИЈА-, -АЈА-, -УЈА-, -ЕЈА-; особо отмечается наличие Ј в формах 3 лица настоящего времени глаголов в обоих числах: знаје и знају, причем в первом случае наличие Ј - характеристика говора старшего поколения. В разделе "Местоимения", на с. 74-91, находим, с одной стороны, формы типа: нија, моја, моју; с другой стороны: мое, мом, чие, чии (и чийе!).

Положение дел в говоре Ново Села описано очень кратко и информативно: "Согласный Ј встречается только перед гласным

заднего ряда", что находит свое подтверждение и в морфологических разделах монографии [Младенов 1969: 25]. Легко представить это в таблице:

Ново Село				
	И	Е	А	У
И	-	-	+	+
Е	-	-	+	+
А	-	-	+	+
О	-	-	+	+
У	-	-	+	+

Недостаточно информативно описана ситуация в говоре с. Ошане [Берберска 1931: 93-94]: гласные Е и И в положении после гласной "не йотируются", в то время как для йотации гласных А, О, У в середине слова нет установленного правила: девочетна, но змиа и т.п. В то же время, нет ни одного примера утраты согласного Ј в позиции перед У: знаіу, запоіу, блеіу.

Если рассматривать приведенные схемы дистрибуции Ј в хронологической перспективе, то мы обнаруживаем следующие стадии процесса утраты этимологического Ј, представленные в различных Ч, Џ - говорах (при отсутствии говора, демонстрирующего первую стадию - сохранение Ј во всех положениях):

- 1) Начало утраты Ј в сочетаниях со вторым элементом И (говор Трына) при сохранении его во всех остальных позициях;
- 2) Утрата Ј в сочетаниях со вторым элементом И (возможно, говор Цариброда);
- 3) Начало утраты Ј в сочетаниях со вторым элементом Е (говора Бучума и Лужницы);
- 4) Утрата Ј в сочетаниях со вторым элементом Е (говор Ново Села);
- 5) Начало утраты Ј в сочетаниях со вторым элементом А (возможно, говор с. Ошане).

Если признать полюсами первую и пятую стадии, то окажется, что географически они расположены в прямо противоположных областях Ч, Џ - зоны: наиболее архаичный говор Трына на юге и наиболее инновативные говоры Ново Села и с. Ошане на северо-востоке.

В отличие от рассмотренных выше говоров, в которых вариативность (т. е. наличие как форм с Ј, так и форм без этого согласного) затрагивает только небольшие участки фонетической структуры, тимокский говор в описании М. Станоевича [Станојевић 1911: 380-382] допускает ее в гораздо большем числе случаев. Очень подробный материал, приведенный в монографии, позволяет представить его в форме таблицы:

Тимок				
	И	Е	А	У
И	-	+/-	+/-	+/-
Е	+/-	-	+/-	+/-
А	+/-	+/-	+	+
О	+/-	+/-	+	+
У		+/-		+

В общем, правило для тимокского говора может быть сформулировано так: 1) Ј невозможен в сочетаниях -ИЈИ-, -ЕЈЕ-; 2) Ј обязателен в сочетаниях, где оба элемента гласные переднего ряда; 3) Ј факультативен в сочетаниях с одним из элементов - гласным переднего ряда.

15. 1. 3. Антиципация Ј

Только в западных диалектах Ч, Џ - зоны обнаруживается такое явление как антиципация Ј в фонемных последовательностях Гласный + ћ, ђ.

По наблюдениям А. Белича, "ћ и ђ выделяют перед собой в некоторых из этих диалектов редуцированное неслогообразующее $\dot{\text{ı}}$ (Gleitlaut)": бра^іћа, калу^іђери, ку^іћу, ку^іће, ку^іћца, му^іће, сре^іћа, сре^іћу, сре^іку, сре^іће и т. п. [Белић 1905: 192, 199]. К сожалению, мы не находим информации, в каких именно диалектах южной и восточной Сербии отмечено это явление. Только для говора Враћа отмечает А. Белич регулярные формы типа: занó^(і)ћи, нó^(і)ћ, рó^(і)ђен, сре^(і)ћа, трé^(і)ћа, дó^(і)ђе, врé^(і)ће, бра^(і)ћа и т. п. [Белић 1911: 91].

В тимокском говоре засвидетельствованы формы: брајћа/браћа, цвэјће/цвэће, трéјћи/трéћи, домајк'ић/домак'ић [Станојевић 1911: 376], представленные как дублиеты без указаний на

их территориальное распределение. В материалах А. Манчевой по говору с. Петерлаш обнаруживаем: цвѣке, но: брајка, трајки [Манчев 1967: 185].

Как в некоторых сербских, так и в некоторых болгарских Ч, Џ - говорах отмечается фонетический переход Гласный + Ј + њ > Гласный + њ.

Так, в зоне Ia говора Лужницы [Ћирић 1984: 48-50] отмечаются формы: девоџа, маџа, уџа при: девојџа, мајџа, ујџа в зоне Ib [Ћирић 1984: 168]. Формы типа: мак'а, ук'а характерны, например, для новоселского и годечского говоров [Младенов 1969: 23; Виденов 1978: 43]. В описании трынского говора находим последовательно: мак'а, девок'а, старок'а, ук'а, сок'а [Петричев 1931: 55].

15.2. Согласный Ј в говоре Вратарницы

15.2.1. Согласный Ј в минимальной позиции перед гласным

Перед И примеров не обнаружено.

Перед Е:

Утраты Ј не отмечено в примерах: Јѣвреј; Јѣдрење; јѣзик; јѣлка; јѣлен; јѣтра; јѣр; јѣсте; јѣлову кашѣку; јѣдвѣ.

В ряде примеров: је, јѣ, е (3 лицо ед.ч. энклитической формы "быть"); јѣдѣ, јѣдѣ, изјѣдѣ, едѣм; јѣдан, јѣдно, јѣдну, јѣдѣн, ѣдно и т.п.; јѣбѣм; јѣребица, ѣребица; јѣзѣк, ѣзѣк и др., отмечаются различные стадии процесса утраты или восстановления этимологического Ј.

Только без Ј отмечены также несомненно диалектные примеры как: ермѣнка; ечмѣн; ефтѣка.

Перед А:

ја; јѣганѣм; јѣјца; јѣја; јѣле; Јано; јѣнуар; јѣо; јѣпна (3 sg.aor.); јѣре; јѣсле; јѣстрѣл; јѣтка; јѣуче; ср. также: ујѣшѣм и др.

Перед О:

Јовѣнка; Јѣна; Јѣнка; Јѣнтѣло; Јѣтѣѣ; јок.

Наречие "еще" отмечено в следующих фонетических формах:
 још; јоште; ѓош; ош.

Перед у:

Југосла́вија; ју́ни; ју́ли; ју́ри, ју́рну, нају́рили; ју́тре.

Отмечено развитие протетического Ј в: јузда́.

Согласный Ј в инициальной позиции перед ь не отмечен.

Согласный Ј в инициальной позиции перед согласным не встречается.

15. 2. 2. Согласный Ј в интервокальной позиции

1) В сочетании Гласный + Ј + И

ИЈИ: только одна лексема: капи́јца;

ЕЈИ: нет примеров;

АЈИ: нет примеров;

ОЈИ: мало примеров: Во́јну Ши́у; Тро́јца, Тро́јца, Тро́јца;

УЈИ: нет примеров.

Примеры утраты Ј в искомой позиции:

ИИ: капи́ца;

ЕИ: бле́и; ста́рен син;

АИ: нет примера;

ОИ: дво́йца, тро́йца; Во́йна, мо́м, тво́м, не́ком; дво́м, тро́м
 ко́ла; брóм, до́м се, сто́м, уго́ила се, уго́или се, штро́м се;

УИ: дво́йца, тру́йцата.

2) В сочетании Гласный + Ј + Е

ИЈЕ: гура́бије, лови́је, Даније́ла; доби́је, доби́је,
 зави́је, ми́јем, пи́је, пи́је, уби́је, уби́је; ни́један; ти́је, ти́је,
 они́је; ра́није; за вре́ме окупа́ције; ме́сне манцелари́је (gen.
 sg.); ни́је;

ЕЈЕ: нет примеров;

АЈЕ: мало примеров: дода́јем; Зајеча́р, Зајеча́р;

ОЈЕ: мало примеров: ко́је;

УЈЕ: мало примеров: прису́ствује; ра́тујемо.

Примеры утраты Ј в искомой позиции:

ИЕ: л^ие, нав^ие, п^иеш, уб^ие, ш^ие; т^ие, н^ие, в^ие, он^ие, дру^ѣи^е; н^ек^ие, к^ом^ие; бадав^ѣи^е;

ЕЕ: в^ее се, зр^ее, н^ее, см^ее се, см^ееш се, с^еем, оц^еемо, п^ее, ум^емо;

АЕ: ба^е, зн^аеш, ла^е; за^ек, ша^ек; за^едно;

ОЕ: изд^оена; к^ое, н^екое; м^ое, тв^оето; озло^одила се;

УЕ: доса^ѣуем, ко^мандуе, об^ѣе, отр^ѣе, чу^ѣем.

3) В сочетании Гласный + Ј + А

ИЈА: дечурл^ија, комаса^ција, к^ом^ишија, мили^ција, Ру^сија, се^ѣхра^ција, син^ија, фами^лија, фами^лја и т. д.; б^елија, др^тија, др^ѣгија, на^шија, ва^шија, њ^еговија, Ст^анковија; при^јатеља; пи^јан, пи^јаница;

ЕЈА: Се^ја Ј^онтоло, стр^еја; ште^јаше;

АЈА: ја^{ја}; приста^јали, приста^јање;

ОЈА: ко^{ја}; м^оја(та), м^ојта; по^јату;

УЈА: бу^јан; Гру^ја; у^јак.

Примеры утраты Ј в искомой позиции:

ИА: авл^иа, амун^ица, ам^униа, мили^циа, ре^ѣиа, турш^иа, стр^еа; б^елиа, црв^ениа, цр^ниа; ште^аше.

ЕА: Андр^еа, Чилел^еа; огре^ава, пе^ала, пе^ање; не сме^амо, сме^ање, уме^али, ште^ал;

АА: та^а;

ОА: то^а, мо^а;

УА: он^уа.

4) В сочетании Гласный + Ј + О

ИЈО: нет примера;

ЕЈО: оре^јоф;

АЈО: нет примера;

ОЈО: нет примера;

УЈО: Гру^јо.

Примеры утраты Ј в искомой позиции.

ИО: нет примера;

ЕО: Андрéо;

АО: нет примера;

ОО: нет примера;

УО: онúо;

5) В сочетании Гласный + Ј + у.

ИЈУ: инéкцију, инéкцију, Рúсију, Сóфмју; убíју, пíју;

ЕЈУ: блéју;

АЈУ: бéгају, дáвају, дúмају, кáрају се, нéмају, пíтају, припúкају, пристáју се, при́чају, престáју, преспáвају, скúвају, скúпљају, укóпају, чу́вају и т. п. ;

ОЈУ: којú, којú;

УЈУ: рáтују; струјú "струя", стру́ју "ток";

Примеры утраты Ј в искомој позиции:

ИУ: авлúу, Албáну, амунúциу, капúуту, Рúсму, фамíлиу, Вóмну Шúу; бúу се, убúу, завúу, пúу;

ЕУ: Андрéу, Чилелéу; блéу, зréу, пеú, сéу; -

АУ: лáу;

ОУ: мóу, свóу, твóу;

УУ: нет примеров.

6) В сочетании Гласный + Ј + ъ.

Отмечен один пример: за́јьк.

На основании приведенных данных составлена приводимая ниже таблица сохранения/утраты Ј в интервокальной позиции в говоре Вратарница:

		Вратарница			
	И	Е	А	У	
И	-	-/+	-/+	-/+	
Е	-	-	-/+	-/+	
А	-	-	+	+	
О	-	-	+	-/+	
У	-	-	+	+	

15. 2. 3. **Согласный Ј перед согласными**

Не принимаются во внимание формы суперлатива на НАЈ-.

Перед дентальными:

ЈД: ајдуци, ајде, гајде, дојде, пројде и т. п.; најде и т. п.;

ЈТ: зајтре, зејтин;

ЈС: војска, мајсторе, крајскомандант, парадáјс;

ЈЗ: грóјзе, којзо сирење, лојзе;

Перед альвеопалатами: на сочетание ЈШ, ЈЖ нет примеров.

Перед аффрикатами:

ЈЧ: девојчета, славúјче;

ЈЊ: брајња, девојћу, деда којња, ловујња, мајња, трејња, ујња;

ЈЂ: дојђе (контаминированная форма);

ЈЏ: нет примеров;

ЈЦ: двúјца, јајца, на Тројцу, но: убица.

ЈЅ: нет примеров.

Перед заднеязычными:

ЈК: Брајкоф, на Рајка Цанћин, Коле на Стојка Дони, Стојков, мајка, но: комшика (ср., однако, раздел о палатализации заднеязычных);

ЈГ: нет примеров.

Перед губными:

ЈБ, ЈВ, ЈП: нет примера.

ЈМ: кајмак, кајмак, Кајмачалан.

Перед сонантами:

ЈЈ, ЈР, ЈЛ, ЈЉ, ЈЊ: нет примеров;

ЈН: бујно, војник, комбајн (ср.: комбаје мн. ч.), покóјни.

15. 2. 4. **Отдельные случаи**

Примеры: здра́ве, снóпе, цр́ве, возможно, демонстрируют утрату Ј перед Е.

Согласный *Ј* в последовательности Гласный + *Ј* + *ћ*:

И+Ј+ћ: комши́(ј)ћа, но: комши́ка; ловци́јћа;

Е+Ј+ћ: држе́(ј)ћи старец; тре́(ј)ћи; цве́јће; ср.: сре́ћа;

А+Ј+ћ: ма́ј^нћу; ца́јћин до́л; ср.: бра́јћа, бра́јћа;

О+Ј+ћ: де́да ко́јћа; дево́јћа; со́јћа; старо́јћа;

У+Ј+ћ: у́јћа, у́ћа; ср.: ку́ћа; пру́ће.

Согласный *Ј* в финальном положении после гласных последовательно сохраняется:

искача́ј, че́кај, се́чај се, кра́ј; гно́ј, о́ј, оно́ј, немóј, не бо́ј се; ту́ј; Јвврéј; пи́ј. Возможно, однако, что вопрос о сохранении *Ј* после гласного переднего ряда *И* требует дополнительного материала.

15.2.5. Заключение

В говоре Вратарницы очевидна утрата инициального *Ј* в позиции перед гласным *И*, нестабильность перед *Е* вне ударения, сохранение его перед ударным *Е*; в положении перед непередними гласными инициальный *Ј* последовательно сохраняется.

В интервокальной позиции согласный *Ј* последовательно утрачивается в позиции перед гласным переднего ряда *И* и практически последовательно перед *Е* (малочисленные примеры сохранения сочетаний *ИЈЕ*, *АЈЕ*, *ОЈЕ*, *УЈЕ*, возможно, объясняются литературным или иномалектным влиянием).

Согласный *Ј* имеет очевидную тенденцию к утрате в позиции после гласных переднего ряда; наличие в говоре Вратарницы сочетаний *ИЈЕ*, *ИЈА*, *ИЈУ*; *ЕЈА*, *ЕЈО*, возможно, объясняется литературным или иномалектным влиянием.

Очевидна тенденция к сохранению *Ј* в позиции после гласных непереднего ряда *А*, *У* (исключением здесь являются местоименные формы типа: мо́а/мо́у).

Установление более строгих правил, регулирующих сохранение/утрату согласного *Ј* в интервокальной позиции требует дополнительных (статистических) исследований по различным морфологическим категориям слов.

15.3. Выводы

Различную трактовку согласного Ј по позициям в говорах Ч, Џ - зоны можно признать дифференциальным признаком, релевантным для диалектной классификации этой зоны.

Касательно судьбы Ј в абсолютном начале слова перед Е говор Вратарницы, по всей видимости, занимает промежуточное положение между полярными типами, т. е. типом, последовательно сохраняющим Ј (Лужница, Царьброд, Годеч), и типом, последовательно его утрачивающим (с. Ошане).

Были обнаружены также два основных типа Ч, Џ - говоров, по-разному трактующих Ј в интервокальной позиции:

1-й тип, в котором ограничения на дистрибуцию Ј накладываются гласным переднего ряда только в положении второго элемента сочетания (большинство Ч, Џ - говоров) [ср.: Белић 1905: 135];

2-й тип, в котором Ј невозможен или нестабилен в любых сочетаниях с гласным переднего ряда и часто факультативен в сочетаниях гласных заднего ряда между собой (говор Вратарницы).

Тимокский говор в описании М. Станоевича выглядит как совмещение (смещение?) первого и второго типов. От непосредственно соседствующих тимокских говоров (включая говор Бучума) говор Вратарницы отличается прежде всего последовательным ограничением на употребление Ј в позиции после переднего гласного, что сближает его с говорами Ново Села и с. Ошане.

Дополнительными изоглоссами, релевантными для диалектного членения Ч, Џ - зоны, следует признать также:

1) развитие Ј в фонемной последовательности -АЋ- (тип брајћа/браћа);

2) утрату Ј в фонемной последовательности -АЈЋ- (тип маћа/мајћа).

16. Согласный Ф (и В)

16.1. Из литературы вопроса

На территории распространения болгарского языка согласный Ф не встречается в западных диалектах (переходных и некоторых мизийских). На его месте "употребляется звонкое соответствие согласная В: венѣр (фенер), кѡва (кофа), вѹрна (фурна). Отсутствие согласной Ф архаичная черта в этих говорах, так как первоначально она была чужда всей болгарской звуковой системе, как и славянской звуковой системе вообще" [Стойков 1962: 129].

Ц. Тодоров для белградчико-трынского говора в целом отмечает наличие как перехода ХВ > В, так и Ф > В. "Можно допустить, что в белградчико-трынском говоре это явление местное, однако этого нельзя утверждать, так как по всему похоже, что центр этого явления Моравская область и северная Македония" [Тодоров 1936: 204-206].

Характерным для сербохорватского языка субститутом звука Ф, по мнению А. Белича, является П как "ближайший к нему звук" [Белић 1960: 109-110]. П. Ивич несколько позже обратил внимание на наличие нескольких закономерных субститутов Ф в различных сербохорватских диалектах и уточнил области распространения каждого из этих субститутов: "Область Ф > В охватывает всю собственно Сербию, основную часть говоров православных в Боснии и Герцеговине, как и в черногорской зоне восточногерцеговинского диалекта, затем екавский говор сербов Лики и ряд икавских говоров католического населения западногерцеговинского происхождения. Область широкой субституции П находится в части Боснии" [Ивич 1991 IIb: 86-87].

В монографии А. Белича находим очень мало информации о

судьбе ф в говорах восточной и южной Сербии, ей посвящена даже не особая глава, а всего лишь сноска [Белић 1905: 164], в которой читаем: "Вместо слова пасу́ль (пасульѣк), которое в некоторых областях употребляется исключительно так, слышится васу́ль, васульѣк и др. В заимствованиях находим вместо ф - П и В: при́шко, плаута́ш, про́висор, врѣнци, вурѹне, Ви́лип, дотрѣви, что находится и в других диалектах, и, как мне кажется, не характерно ни для одного из них, так как зависит от обстоятельств вне них".

В тимокском говоре "вместо согласного ф регулярно слышится В": вишек, вишекли(ј)а, вуруна, Стеван, Тривун, Јосив, васуљ, Вилип, вес и т. д. [Стевановић 1911: 384].

Субституция ф > В отмечена для говора Гъмлана (так же как и для других призренско-тимокских говоров) [Ивић 1959: 397].

В говоре Бучума фонема ф "у людей старшего поколения регулярно субституируется В": венер, варба, кова, Стеван, рав и т. д. Группа ХВ субституируется как В: вала, так и ф: фала. Отмечена форма: васу́ль [Богдановић 1979: 33].

Для говора Лужницы Л. Чирич отмечает что "звук ф... относительно хорошо сохраняется, хотя и он часто бывает субституирован сонантом В". Один и тот же информант "некоторые слова произносит с ф, в других его субституирует В". В качестве примеров, свидетельствующих о наличии ф, приводятся, однако, либо лексемы литературного происхождения (за исключением, возможно, лексемы: софра): кафана, Крф, офицер, телефонист, фамилија, фармарце, фирма, французи, фрижидер; либо формы, отражающие субституцию группы ХВ: прифате, фала. Собственно же диалектные слова, включая и имена собственные, регулярно отражают субституцию ф > В: вес, вилцан, влаше, вурна, кава, кова, Давина, Јосив. Отмечена форма: пасуљ [Ћирић 1984: 41-42].

В трынском говоре "вместо ф произносятся В, причем полностью последовательно: к'ев, ваїда, Вилип, Вилиповци, ви-

тил', вурн'а, кавене. П вместо Ф: паітон, пасул'" [Господи́н-кин 1921: 175; см. также: Петричев 1931: 46].

Все эти говоры (тимокский, гниланский, бучумский, лужницкий и трынский), таким образом, не имеют согласной Ф как единицы фонемного инвентаря.

В говоре с. Ошане отмечается, с одной стороны, субституция Ф-В "перед гласным": Совия, Вилиповци, с другой стороны - "сочетание ХВ произносится как Ф и как В: фалим, фанем, но и вачам". Здесь же отмечается регулярное фонетическое чередование В/Ф в конце слова: пристаф, Самокоф, лоф [Берберска 1931: 96].

В консонантной системе годечского говора (так, как она представлена в говоре старшего поколения) фонемы В и Ф находятся во взаимоисключающих позициях: "Фонема [в] находится в начале слова и в середине слова перед всеми гласными фонемами и перед звонкими согласными": вачам, венер, вес, каве; "Фонема [ф] может стоять в начале слова перед глухой согласной, в середине слова перед глухой согласной и в абсолютном конце слова": фтори, офца, лоф [Виденов 1978: 23-24]. То же и в говоре Цариброда: "Консонант Ф не употребляется там, где мы его находим в литературном языке и в большинстве восточных [болгарских - А.С.] диалектов (венер, кова, вурн'а, Стеван и др.), а употребляется только на месте фонемы В в слабой позиции: диф, криф, праф, попрафка и др." [Божков 1984: 11]. В говоре с. Петерлаш А. Манчевой отмечено, однако, последовательное сохранение В в абсолютном конце слова: крв, црв, овак'в, он'бл'к'в, н'кик'в, див, мрзель'в, убав, црвень'к'в, бра'тов'в [Манчев 1967: 1979-181, 185].

Эти говоры (ошанский, годечский, царибродский) представляют группу говоров, для которых можно оспаривать фонемный статус согласного Ф как не вступающего в отношения фонологической дифференциации с В. Ф здесь можно признать вариантом В в фонологически слабой позиции.

Среди сербских говоров Ч, Џ - зоны не отмечено таких, в которых бы согласные Ф и В вступали в отношения фонетического

чередования в указанных выше позициях (ср., однако, утверждение А. Белића о наличии такого чередования в сербохорватских диалектах вообще [Белић 1960: 107]).

Наконец, в говоре Ново Села Ф является полностью самостоятельной единицей консонантного инвентаря [Младенов 1969: 19].

В ряде западноболгарских говоров районов Видин, Кула, Лом, Белоградчик возможен фонетический переход СВ- > СФ- [Цанова 1985: 132]. По мнению Ц. Тодорова, фонетический переход СВ > СФ для белоградчикско-трынского диалекта в целом не характерен, в отличие от ряда ШТ, ЖД - говоров [Тодоров 1936: 204]. Этому явлению находят параллели в языке далматинских писателей [Белић 1960: 108].

16.2. Согласный Ф в говоре Вратарницы

В фонологической системе говора Вратарницы в качестве отдельной фонемы присутствует согласный Ф.

16.2.1. Примеры

Согласный Ф встречается:

В инициальной позиции перед гласным и сонантом:

ФИ: фи́лмове; запофи́чи "баци";

ФЕ: фе́бруар, фене́р, фење́р, фес;

ФА: фа́ла, фа́ли, фами́лија, фáne, дете́ фáну у света́, зафа́ниле и т. п. (ср. также: ува́ти); фа́туље, (лексема: пасуљ в говоре отсутствует, фасоль называется: боп);

ФО: фокло́р, фундаме́нат;

ФУ, ФЬ: примеров не отмечено;

ФЛ: фла́ше;

ФР: фрк "полевая чашка из тыквы", зафр́кава́л; фр́гамо, фр́ну́мо, фр́ли, фр́љу; фр́цу "сркају", фр́чеше.

В позиции перед согласными и сонантами:

Перед звонкими согласными Ф невозможен.

Перед дентальными:

ФТ: ефтѝка, јѝфтин, поѝфтина, луфт "рупа", расцьфтѝла се, чифтѝ бѝе коња "коњ рита";

ФС: отмечен один пример: фсе (*вьс-) при обычном: све;

Перед альвеопалатами:

ФШ: здрафши;

Перед аффрикатами:

Фћ: жићће, траћће;

Фч: брафчѝ, крафчѝ, црфчѝ, офчѝр, ѝфчи сѝра, унѝфчиш, фчѝра, зафчѝра (но: вчѝра, позавчѝра, Маринѝвчѝани, ошѝвчѝе);

Фц: дрфцѝ, дрфца, жифци, офца, ѝфци, ѝфце, офцѝте, у прафцу, уфцѝ (но: врвци);

Перед заднеязычными:

Фк: вревьѝфко, жифкоф, олѝфку, плѝфка, окѝпају да бѝде рѝфко, слафка, спафкај, страшљѝфко, трафка (но: олѝвку, плѝвке);

Перед губными не отмечен.

Перед сонантами:

Фр: тѝфри се, натѝфрила се, француска, фрѝнт;

Фл: инфлѝација;

Фн: крофне, цѝфне, цѝфнула.

После согласных ф отмечен только в лексеме: карьнѝл и вokkaзональной, по всей видимости, форме: сфлѝкоше, возникшей в результате прогрессивного оглушения согласного в после глухого.

В интервокальной позиции:

ИФУ: цифун, цифунѝ "сосулька";

ЕФИ: потрѝфил (но: потрѝвиш);

АФЕ: кафе;

АФА: кафе (не: каве!);

АФУ: кафе, чафѝра "бутылка из тыквы";

ОФИ: запофѝчи, офѝцир, Сѝфију, шљѝфиѝанку;

ОФУ: кофу.

В финальной позиции после гласных и слогаобразующего р:

ИФ: брљѝф "луд", дѝф, жиф, криф, виф "деготь";

Еф: шеф;

Аф: ба́лаф, кр́ваф, овъ́с ресу́лаф, у́баф (но: розни́кав);
браф, Ду́наф, на́раф, по́здраф, ча́ршаф; сь́гаф;

Оф: бжр́оф, кроф, лъж́оф, льп́оф, лоф, ош́оф, пац́оф, роф;
врб́оф, лесќоф, оре́жоф, црешн́оф, ноф, нь́гоф, Обр́еткоф Дол,
Прва́ноф;

Уф: пасту́ф;

Ьф: какъ́ф, такъ́ф, не́какъф;

рф: Крф, крф, црф.

16.2.2. О фонемном статусе ф

Прежде всего, самостоятельность фонемного статуса согласного ф должна быть признана вследствие наличия в говоре Вратарницы соответствующей бинарной оппозиции В/ф: фрнумо - врнумо; фенер - вене. В то же время, ф находится в ряде позиций в отношениях чередования с В: это позиции перед глухими согласными и абсолютного конца слова.

1) Примеры чередования В/ф перед глухими согласными:

а) Историческое чередование:

в корне *свьт-: расцьф́тэла се;

в корне: *вьс-: фсе (при обычном: све);

в корне: офца́;

в историческом префиксе Вь-: фче́ра.

б) Фонетическое чередование перед суффиксами происходит, например:

в существительных: (трава) - тра́фка; (крава) - краф́че;
(дрво) - дрф́це и т. п.;

в глаголах: (новац) - уно́фчиш и т. п.;

в формах компаратива: (здрава) - здра́фши.

Примеры типа: волóвсѣи ко́ла, плóвке, овча́р отражают нарушение рассматриваемой закономерности под мнодialeктным или литературным влиянием.

2) Примеры чередования В/ф в конце слова:

Фонетическое чередование происходит, например:

в краткой форме мужского рода единственного числа прилагательных и неличных местоимений: врбóф, диф, криф, кр́ваф, лескóф, ноф, њéгоф, какъф и т.п. (ср. : дивá сви́а);

в формах номинатива единственного числа существительных мужского рода: браф, кроф, крф, на́раф, пóзраф, пасту́ф, црф т.п. (ср. : цр́ве мн.ч.), виф (деготь).

Несомненно инодиалектного или литературного происхождения произношение: крв, прóтив, такъв, мр́тав.

3) В изолированном примере отмечен и переход СВ- > СФ- : сфлéкал, что связывает говор Вратарницы с периферией Ч, Ц - зоны в северо-западной Болгарии и является еще одним (факультативным) ограничением дистрибуции согласного В.

16.3. Выводы

Среди южнославянских Ч, Ц - говоров обнаружены три типа, фонологические системы которых по-разному трактуют согласный Ф (в чем, по всей видимости, следует видеть, с одной стороны, различную степень сохранения архаичного состояния, с другой - разнообразные литературноязыковые влияния или воздействие ШТ, ЖД - говоров):

основной тип, в котором Ф отсутствует как фонема;

переходный тип, в котором Ф вступает в отношения дополнительной дистрибуции с В;

периферийный тип, в котором Ф является самостоятельной фонемой.

Говор Вратарницы относится к третьему типу и объединяется с говором Ново Села. По отсутствию закономерного фонетического перехода Ф > В говор Вратарницы четко выделяется среди говоров Ч, Ц - зоны.

По признаку наличия фонетического чередования В/Ф в позиции перед глухим согласным и в абсолютном конце слова говор Вратарницы четко выделяется на фоне окружающих его тимокских говоров и сближается с говорами Белоградчика, Годеча, Цариброда.

По наличию фонетического перехода ВРЉ- > ФРЉ- и СВ- > СФ- говор Вратарницы четко выделяется на фоне восточносербских говоров, сближаясь с некоторыми северо-западными болгарскими ШТ, ЖД - говорами.

По признаку отсутствия вставного В в этимологическом сочетании гласных -AU- в формах: пау́н, па́ук говор Вратарницы противостоит остальным говорам восточной и южной Сербии [Белић 1905: 154] и некоторым говорам западной Болгарии [Младенов 1979: 145].

17. Палатализации заднеязычных
 17. 1. Из литературы вопроса
 17. 1. 1. Сербская диалектологическая традиция

Как сербохорватские, так и болгарские Ч, Џ - говоры характеризуются процессами нового смягчения заднеязычных К и Г перед гласными переднего ряда и после палатальных согласных. В сербокroatистике принято считать эти палатализации заднеязычных специфической инновацией тимокско-лужицкого диалекта, выделяющей его на фоне всех остальных диалектов восточной и южной Сербии [Белић 1905: 191; Ивић 1956: 114-115].

В позиции перед гласными И и Е "согласные К и Г... бывают смягченными в очень различной мере. От очень небольшой, едва ощутимой их смягченности до ħ и ħ̣ можно отметить несколько переходных ступеней, которые иногда обнаруживаются в словах в одной и той же области, даже в одном населенном пункте". "Ясно заметно, что самая сильная палатализация в пиротском и лужицком краях". Отмечая, что реально звучащие здесь единицы следовало бы передавать знаками: к, г - ḳ, g̣ - ħ^к, ħ^г - ħ^т, ħ^д - ħ, ħ̣, А.Белич свои примеры "отмечает знаком ḳ и g̣, сохраняя знаки К и Г для меньшей палатальности, а ħ и ħ̣ для тех случаев, когда эти звуки более фрикативны" [Белић 1905: 191-193].

Сербские диалектологи после А.Белича последовательно отмечали наличие этой палатализации в соответствующих Ч, Џ - говорах (в говоре Лужицы только в зоне I) и так же последовательно использовали в фонетических транскрипциях знаки ħ и ħ̣: рúħе, ħипá, ħáжа, нóħе [Станојевић 1911: 373-377; Богдановић 1984: 39-40; Ђирић 1984: 48-50]. Только в работах П.Ивича отмечается регулярность примеров с меньшей степенью палатали-

зации (ќ и ǵ), а также тот факт, что создание новых ћ и ђ является лишь финальной стадией процесса [Ивић 1956: 114; Ивић 1959: 333].

По сравнению с выше описанным случаем, более сильно палатализуется К в позиции после палатальных согласных Ј, Љ, Њ, что А.Белич объяснял контрастом между смягченным согласным и стоящими за ним гласными переднего ряда А и У: мајћа, мајћу [Белић 1905: 196]. Интересно, что палатализации К после Ј, Љ, Њ не заметил О.Брох, за что А.Белич его справедливо критикует [Белић 1911: 29]. В то же время сам А.Белич не привел ни одного примера якобы имеющей место в этих говорах палатализации согласного Г в той же позиции [ср.: Белић 1905: 196, а также: Богдановић 1979: 39, сноска].

Палатализация К в данной позиции последовательно отмечается сербскими диалектологами (в говоре Лужницы только в зоне I): мајћа, јјћа, жельћа, свићћа [Станојеввић 1911: 373-377; Станојеввић 1911: 373-377; Богдановић 1984: 39-40; Ђирић 1984: 48-50].

Следует отметить также, что в тимокском говоре "если перед ћ (из К) оказываются Л или Н, то они смягчаются": котлѐнће, бѐлће, ср. также: вињсће чаше [Станојеввић 1911: 373]. В то же время, в примерах, содержащих группы согласных Љћ и Њћ, в некоторых говорах может происходить их диссимиляция: сѐнка, мѐлћо, грѐнћу [Белић 1905: 197].

Итак, в сербской диалектологической традиции принято рассматривать данную группу явлений с исторической точки зрения и трактовать их как новейшие палатализации заднеязычных.

17. 1. 2. Болгарская диалектологическая традиция

В отличие от литературного языка и большинства территориальных диалектов, в северозападноболгарских говорах собственно (фонологически - А.С.) палатальными являются согласные К', Г', Л', Н' [Тодоров 1936: 186]. Что касается палатализации К и Г в позиции перед гласными переднего ряда, то, по мне-

нию Ц. Тодорова, "единичны" случаи, когда они "смягчаются ощутимо для уха". "В большинстве случаев тут речь идет о совсем слабой палатальности", которую не следует даже транскрибировать [Тодоров 1936: 187].

Это утверждение, однако, опровергается данными большинства болгарских полевых исследователей.

В описаниях трынского говора находим, что "Г и К мягкие перед Е и И": г'инем, к'мам и т. д., а "группа ЛК произносится как Л'К'": постел'ка, зел'ка [Господинкин 1921: 175-176; см. также: Петричев 1931: 48]. В говоре с. Ошане [Берберска 1931: 95] "заднеязычные согласные Г и К перед Е и И произносятся мягко": зънг'иѝа, к'итка. "Мягкое К слышится и в следующих словах": девок'а, мак'а, буалк'а, кошулк'а, брчанк'а.

В описании говора Ново Села находим уже фонологическую интерпретацию вопросов, связанных с палатализацией заднеязычных. Так, сначала определяются правила дистрибуции К' и Г'. "Согласная К' встречается перед гласными А, О, У, Е, И, и при этом всегда между гласными или между сонорной согласной и гласной", в том числе и в примерах: сувелк'а, совънк'а, стърок'а, ук'а; мак'е, к'иша [Младенов 1969: 23]. Обратим внимание на твердость Л и Н перед К'. "Согласная Г' встречается перед всеми гласными": г'иѝа, зънг'иѝа [Младенов 1969: 23]. В разделе о чередованиях согласных фонем отмечено, что чередования Г/Г' (нога/ног'е, дълга/дълг'е) и К/К' (рука/рук'е, мекка/мек'е) "обусловлены характером фонетической системы: перед передней гласной Е может существовать только мягкая среднеязычная согласная К', Г'. Поэтому этот вид чередования имеет только фонетическое значение. Варианты корня типа: ру^к_к зависят от позиции, перед которой окажется конечная согласная корня - перед задней гласной будет твердая согласная К, Г, а перед передней гласной будет мягкая согласная Г', К'" [Младенов 1969: 28].

Также фонологическая интерпретация этого явления предложена в описании годечского говора. "Палатальные фонемы [к'] и [г'] в годечском говоре позиционно ограничены" и встречаются:

1) "в начале слова и в середине слова перед передними гласными фонемами [e] и [и], где они постоянны, то есть, не чередуются с твердыми фонемами [к] и [г], как и в болгарском литературном языке": к'естен, к'исал, слуг'е; 2) "в начале и середине слова перед задними гласными [а], [о], [у], и не встречаются перед [ъ]", в том числе и в примерах: двойк'а, цедилк'а [Виденев 1978: 26]. Обратим внимание на твердость л перед к'. В разделе о чередованиях отмечено: [к]/[к'] рука/рук'е, и [г]/[г'] нога/ног'е [Виденев 1978: 29]. В разделе об исторических чередованиях находим: "Согласная фонема [к] перешла в палатальную согласную фонему [к'] в формах имен существительных женского рода с первичной флексией -КА": буалк'а, двойк'а, чорбаџик'а, мак'а²³. М. Виденев согласен со С. Стойковым в том, что это появилось в результате "прогрессивной ассимиляции фонемой [й] фонемы [к]". "По аналогии это распространилось и в другие формы с первичной флексией -КА": другарк'а [Виденев 1978: 43].

В монографии о царибродском говоре находим, что "мягкие веларные г' и к' перед передними гласными Е и И в говоре информантов старшего поколения отличаются от тех же согласных в литературном языке в акустическом отношении характерным более высоким шумом": к'итка. "Нужно подчеркнуть, что часто обнаруживается непоследовательность в произношении этих согласных даже в языке одного и того же информанта. Эти два обстоятельства доказательства того, что явление расшатано с тенденцией к установлению произношения, близкого к болгарскому литературному (!? - А. С.)" [Божков 1979: 21]. Далее отмечается возможность "случаев с более высокой степенью палатальности" фонем г'' и к'': лозинк''а, л'ул'к''а, майк''у, рукол'к''а, сойк''а, уйк''а [Божков 1979: 23-24].

В целом, можно отметить некоторую отрывочность описания интересующего нас явления в болгарской диалектологической традиции независимо от парадигмы описания (сравнительно-ис-

²³ На с. 27 монографии отмечена форма: майк'а.

торической или синхронно-описательной), принятой в каждой отдельной работе, что приводит в ряде случаев к неполной сопоставимости данных по отдельным говорам.

17.2. Палатализации заднеязычных в говоре Вратарницы

Акустическое впечатление от звуков, возникающих в результате палатализации заднеязычных в говоре Вратарницы, варьирует в пределах от *к*, *г* до *ћ* и *ђ*.

17.2.1. Перед гласными переднего ряда

1) Примеры палатализации *к* перед *и*.

В корневой морфеме слова:

бичћија; пешћир; рећиа, рекиа, крчак рећисти "за ракију"; сећираш се, сећирација; ћијумћар "поткивач"; ћило; ћимали; ћинула, отћине; ућипи, ћипне, ћипелу воду; ћисер; ћисъл, поћисомо, проћисни јабоље, ћисело; ћирево; ћирепоре; ћитће; ћићирес "изрод од кокошке"; ћичма; ћиша, киша;

Перед суффиксом:

близнаћиња; унућињу; Душћина; Слафћини; Ђерга манћин; Роска йћина; Пёнћин; Панћин; Цанћин.

Перед флексией:

- множественного числа существительных женского рода: клéчћи; кокошћи; котлёнћи; мишћи; пршћи;

- единственного числа мужского рода и множественного числа прилагательных, местоимений и в наречиях: бéльи и црньи грснице, црвёнћи, вéлићи, жéшћи, јаћи, (по)лавьсћи боп, лући папрйће, мéћи, миннићи, нисћи, округличћи, поганчињћи дечињци, рижачћи, слатћи, тьнћи, старинсћи, школсћи; бугарсћи, влашћи, енглесћи, немачћи, русћи, српсћи, турсћи; жéвьсћи, мушћи, волóвсћи кола, консћи, мачешћи, пчешћи;

бапсћи причам, варошћи, госпóтсћи, детињсћи, католичћи, нашинсћи, селачћи; по вратарсћи, пешћи;

сваћи, тьћи, таћи, тьћиви, кољћи, тољћи;

Влашћи Дол, Врбансћи Кладенец, Гаврансћи Дол, Длибоћи Дол, Кошүћи Вр, Свјинсћи Вр, Сегменсћи Дол, Сегменсћи Дол.

2) Примеры палатализации К перед Е.

В корневой морфеме слова:

ћеремјуду, ћеса, шићер;

Не отмечено палатализации в примерах: македóнски, пакéте.

Перед флексией:

- множественного числа существительных женского рода: артшће, бабичће, бапће, брбуњће, вóчће, главичће, гранће, другарће, дьсће, зéвће, зьдьвће, квачће, клéчће "лучины", ко-кóшће, кóсће, котлэвће, лјсће, марће, матиће, мачће, мшће, мўће, пазуће, паничће, папривће, патиће, пелэвће, перашће, плéчће, прасће, пршће, пўшће, рўће, сэмће, сўчће, трафће, трéсће, хитће, унуће, чипће, чўшће "мале луте папричице", цўће "усне", шаће;

- в форме звательного падежа существительных женского рода:

Данће, Дóвће, Душће, Живће, Јанће, Слафће;

В формах генитива ед. ч., возникших под литературным влиянием: от те брўће, дўгачће.

3) Примеры палатализации Г перед И.

В корневой морфеме слова:

баћи, ћи, ћижа "лоза", ћине, маћија, венћиу;

Перед флексией:

- в форме мн. ч. существительного рога: рóћи;

- в формах прилагательного: дрўћи, дрўћија.

4) Примеры палатализации Г перед Е

В корневой морфеме слова:

бмћер јéло "слано јело", Ђерго Пэвни, лећен "лавор", ченћéл "крюк для сушки свинины", цмћарница;

Перед флексией множественного числа существительных женского рода: áлуѓе, бмтанће, нóће, нóѓе, óбће, слўће, црће.

5) Некоторые из этих форм имеют дублиеты без палатализа-

ции, несомненно литературного происхождения или возникшие под литературным влиянием:

КИ: прекíни, скíнуше; кишóбран, кишлерáј, кíло, киломéтра, пешкíре, рекíа, секира́ција; кíсела во́да, бугарски, като́лички, лу́цки, македо́нски, оволи́ки, пироча́нски, сва́ки, ср́пски, трпеза́ријски, ту́рски, шко́лски;

КЕ: кашíке, папри́ке, уну́ке, ћерке;

ГИ: гипс, погíнули, тьгí, дру́ги;

ГЕ: машíнгевер.

17. 2. 2. После палатальных согласных

После мягких согласных Ј, Љ, Љ отмечена палатализация согласного К. Примеров аналогичной палатализации Г не обнаружено.

Палатализация в сочетании ЖК:

девóјћа, де́да ко́јћа, комши́јћа, ловци́јћа, ма́јћа, пу́јћа, со́јћа, старо́јћа, у́ћа ко́та, у́јћа, ца́јћин Дол.

Палатализация в сочетании ЉК:

љу́ља, мета́ља "очна болест", свету́ља, сова́ља, учи́тельја;

возможно и в: зе́ља, набрдо́ља, ништа́ља, трéпа́ља.

Палатализация в сочетании ЊК:

рњ́ја, свињ́ја, седењ́ја;

возможно и в: пу́кањ́је.

Некоторые из этих форм имеют дублиеты без палатализации, несомненно идиалектного происхождения или возникшие под литературным влиянием:

ЖК: га́јка "ушко для ремня", ма́јка, тро́јка;

палатализация последовательно отсутствует в именах собственных: Бра́јкоф, на Ра́јка Цанћин, на Сто́јка, Сто́јкоф;

ЈГ: палатализация последовательно отсутствует в формах суперлатива: на́јгори;

ЉК: би́ља, трéпа́ља, цеди́ља;

ЊК: млци́ња, мињ́ња, клас црвeњка жéто.

17.2.3. Группы палатальных согласных

В говоре Вратарницы наблюдается интересное с фонетической и фонологической (комбинаторной) точки зрения явление. В позиции перед *ћ* происходит нейтрализация фонологической оппозиции согласных *Л/Љ*, *Н/Њ* по признаку палатальности/непалатальности, имеющая своим результатом возможность их взаимозамены.

1) *Лћ > Љћ* в формах:

множественного числа существительных женского рода: *јабаљаће* (при: *јабалка*), *престиљаће* (при: *престилка*);

множественного числа прилагательных и местоимений: *бељаћи* *грснице*, *кољаћи*, *тољаћи*;

отмечаются и дублиеты без палатализации: *јабалће*.

2) *Нћ > Њћ* в формах:

множественного числа существительных женского рода: *брбуњаће* (при: *брбунка*), *здьњаће* (при: *здьнка*), *клоњаће* (при: *клонка*), *котлењаће*;

звательного падежа существительных женского рода: *Доњаће* (при: *Донка*);

в форме: *сењаћа*;

множественного числа прилагательных: *лањсћи*, *поганчињи* *дечињи*, *црвењи*, *црњи* *грснице*;

Обнаруживаются, однако, примеры без палатализации:

гранће, *пеленће*, *данће*, *Јанће*, *Ђерга манћин*, *Пенћин*, *Панћин*, *Цанћин*, *мњинћи*, *тнћи*;

3) *НСћ > ЊСћ*:

детњвсћи, *жењсћи*, (по) *лањсћи* *боп*, *Сегмењсћи* *Дол*;

Ср. примеры без палатализации:

нашнсћи, *старнсћи*, *Врбансћи* *Кладенец*, *Гаврансћи* *Дол*, *Сегмењсћи* *Дол*;

В этой позиции отмечен и противоположный процесс отвердения этимологического *њ*: *консћи*, *Свинсћи* *Вр*;

Не отмечено примеров палатализации в позиции *ЛСћ*: *школсћи*;

Последовательно отсутствует палатализация перед Ђ:

senĵiu, chenĵel; bitánĵe.

17.4. Выводы

На территории восточной Сербии по признаку наличия палатализаций заднеязычных четко выделяются тимокские говоры, вместе с говором Вратарницы противостоящие говорам сврлжским и южноморавским.

Рассмотрение данных диалектологических традиций показало следующее:

1) И в сербской и в болгарской традиции последовательно отмечается палатализация заднеязычных К, Г перед гласными переднего ряда и К после палатальных согласных, характеризующая подавляющее большинство Ч, Џ - говоров (исключение здесь - зона II говора Лужницы).

2) Результаты этой палатализации трактуются сербскими диалектологами как ĵ, ģ (А. Белич, П. Ивич) или ĥ, ģ (М. Станоевич, Н. Богданович, Л. Чирич), болгарскими же только как ĵ, ģ (что, возможно, свидетельствует о различном литературноязыковом влиянии на отдельные говоры и может быть представлено в виде изоглоссы).

3) В сербской диалектологической традиции в целом и на раннем этапе развития болгарской традиции данное явление рассматривалось как историческое. В болгарской диалектологической литературе второй половины XX века ему дается фонологическая трактовка.

4) В обеих традициях чрезвычайно мало внимания уделяется вопросам палатальной ассимиляции и диссимиляции в группах согласных Љĥ, Њĥ и Лĥ, Нĥ; возможно, это явление окажется релевантным для диалектного членения нашей зоны в целом.

Изоглоссу наличия/отсутствия рассмотренных палатализаций можно считать изоглоссой, релевантной для определения границ Ч, Џ - зоны и установления степени литературного влияния на каждый отдельный ее говор.

18. Звонкие согласные в конце слова

18.1. Из литературы вопроса

Как известно, в болгарском языке (в том числе и в западноболгарских ШТ, ЖД - говорах) "после утраты слабых редуцированных в конце слова в отличие от словенского, сербохорватского и некоторых балканских языков... возникает позиция нейтрализации, в которой звонкие согласные оглушаются" [Увод 1986: 150]. В то же время в болгаристике традиционно считается, что особенностью Ч, Ъ - говоров является "произнесение звонких шумных согласных в конце слова": боб, рог, град [Стойков 1962: 109].

Описывая говоры восточной и южной Сербии, А.Белич определяет звонкие согласные в конце слова как "звонкоглухие (stimmlose Mediae). Это звуки, в которых воздушная струя... прекращается еще во время эксплозии данного звука. Таковы все наши звонкие согласные в конце слова. Например: јеџ^Ч, злџ^К, кро^Ф, мед^Т, ѓзјџ^Т, једнџ^Ш, поједнџ^Ш, другџ^Ш. В этих случаях особенно ясно слышится глухая часть согласного, так что неудивительно, что в некоторых примерах такой согласный переходит полностью в глухой, хотя, следует сразу же добавить, это необычное явление и в очень малом числе примеров обобщено" [Белич 1905: 240]. "Что касается перехода упомянутых согласных в глухие - то он вообще не осуществляется как свойство их внутренней природы. Правда, я (на с. 240-241 своей книги) отметил несколько примеров с таким согласным, но я их считал очень редкими случаями, которые, может быть, вызваны положением в предложении (т.е. перед глухим согласным) или появились под влиянием какой-либо формальной аналогии, но, во всяком случае, в минимальном числе случаев генерализованы"

[Белић 1911: 30]. "Вообще только о В в конце слова можно сказать, что оно иногда и в этом и в других подобных диалектах переходит в спирант Ф, что, однако (уосталом), не идентично полностью переходу звонких согласных в глухие" [Белић 1911: 31].

Что касается чередования по глухости/звонкости в позиции перед глухими или звонкими согласными, то здесь А. Белич устанавливает три правила [Белић 1911: 31-34]:

1) взрывные согласные ассимилируются (при наличии большого числа исключений);

2) "взрывные согласные обычно не ассимилируются последующим фрикативным согласным" (и здесь есть исключения);

3) "фрикативные согласные ассимилируются последующим взрывным почти без исключений".

"Настоящее исключение здесь составляет В перед Ч, которое не переходит в Ф, и виџте, которое не всегда дает вичте" [Белић 1911: 31].

Обратимся к данным частных диалектных описаний говоров Ч, Џ - зоны.

В тимокском говоре и в говоре Гнилана чередования звонких и глухих в конце слова нет [Стевановић 1911; Ивић 1959: 397]. Там же отмечены также формы: јеџ/јечте и виџ/вичте [Стевановић 1911: 413]. В говоре Бучума "ассимиляция по глухости/звонкости осуществляется по тем же закономерностям, что и в литературном языке"; по аналогии появились формы типа: слатаџ, ретаџ, нисак [Богдановић 1979: 36]. Отмечены формы: јеџ/јечте и виџ/вичте [Богдановић 1979: 85]. В описаниях трынского говора находим как утверждение о произнесении звонких согласных в конце слова [Петричев 1931: 48], так и формы типа: іеџ/іеџте [Господинкин 1921: 183]. В говоре Ново Села звонкие согласные могут находиться в абсолютном конце слова: леб, зев, круг, дуд, љеџ, беж, образ. формы типа: виџ/виџте и т. п. отмечены на с. 114. [Младенов 1969: 20].

Лужницкий говор "только частично" развил оглушение звонких согласных в финальной позиции. "В соответствии с этим,

когда произносятся отдельно, или когда оказываются на конце предложения слова типа: зуб^п, гроб^п, млад^т, медвед^т, бог^к, снег^к, туц^ч; образ^с, нож^ш, пуж^ш, кров^ф произносятся с частично оглушенным финальным согласным" [Гирић 1984: 50]. В санджи возможна как полная, так и частичная десоноризация.

В царибродском говоре "в абсолютном конце слова и перед глухой согласной не может стоять звонкий консонант": снек, муш, дуп, вѣт, орис, рукаф. "Исключения из этой закономерности все же обнаруживаются в диалектном материале из некоторых сел": Искровци, Нашушковца, Драговита, Суково (то есть в юго-западной части говора). Там же отмечены и отдельные случаи, когда в данной позиции "слышится звук между соответствующей звонкой и глухой согласной: беле^к_г, му^ш_ж, орис^с_з, але^ф_в, вѣ^т_д и др." [Божков 1984: 21]. На с.101 отмечены формы виц, вич, вичте, йеч, йечте. Интересно, что согласно материалам А.Манчевой в говоре с. Петерлаш закономерно оглушение всех звонких согласных в конце слова за исключением В [Манчев 1967].

В говоре с.Ошане звонкие согласные в конце слова "заменяются соответствующими глухими": брек, лет, боп, лсф, нош [Берберска 1931: 96]. В годечском говоре "закон оглушения финальных звонких согласных должен был начать воздействовать на консонантную систему говора совсем поздно"; отмечены формы вич, вичте [Виденов 1978: 28, 112].

18.2. Звонкие согласные в конце слова в говоре Вратарница

Консонантная оппозиция глухость/звонкость в говоре Вратарница последовательно нейтрализуется в позиции абсолютного конца слова:

вос, куку́рус, мас; бек, брек, снек, ськ; го́тоф, жи́ф, ка́кьф, льпо́ф, ве́гоф, Прва́ноф, роф; леп; муш; Беб́рат, зит, кат, не́кат, млат, на́рот, рет и т.п.

18.3. Выводы

Итак, данные диалектологических традиций позволяют заключить, что среди южнославянских Ч, Џ - говоров обнаруживаются два их типа:

- основной тип, т.е. говоры, в которых позиция конца слова является позицией дифференциации звонких и глухих согласных (Тимок, Бучум, Гнилан, Трын, Ново Село); сюда же относятся и говор Лужницы и южная часть царьбродского говора;

- периферийный тип, т.е. говоры, в которых звонкие и глухие в конце слова нейтрализуются и выступают как фонетически глухие (Ошане, Годеч, основная часть царьбродского говора); можно объяснить появление этого типа говоров значительным на них ШТ, ЖД - влиянием.

Говор Вратарницы, как показывает приведенный материал, резко выделяется среди говоров восточной Сербии по признаку последовательной нейтрализации консонантной оппозиции глухость/звонкость в абсолютном конце слова, что связывает его с некоторыми болгарскими говорами Ч, Џ - зоны, относящимися в этом отношении к периферийному типу.

19. Некоторые дополнительные замечания о фонетической системе говора Вратарницы

19.1. Долгие и удвоенные гласные, сочетания гласных фонем

Как известно, все диалекты призренско-тимокской зоны, болгарского и македонского языков утратили противопоставление (дифференциальный признак) долготы/краткости гласных фонем. В говоре Вратарницы возможны, таким образом, только фонетически долгие гласные, не несущие особой фонологической нагрузки.

А. Белич видел причины появления новых долгот в контракционных процессах и отмечал возможность сокращения таких долгот [Белич 1905: 132-133]. Ц. Тодоров критикует мнение А. Белича о контракционном происхождении новых долгот и устанавливает для ряда говоров западной Болгарии регулярное независимое от ударения удлинение гласного, исторически находившегося перед утраченным (или редуцируемым) согласным X в конце слова (особо здесь выделяются формы 1 лица единственного числа имперфекта глаголов) или в его середине. При этом возникшие таким образом конечнослоговые долготы исчезают ранее, чем внутрисловные [Тодоров 1936: 138-144].

Ниже я приведу отмеченные в материале из Вратарницы случаи произнесения фонетически долгих, причем следует сразу заметить, что длительность звучания долгого гласного относительно краткого может значительно колебаться.

1) Долгое И:

Под ударением фиксируется в следующих примерах: дошли²⁴,
и́, онí;

²⁴ В настоящем разделе фонетически долгий ударный гласный будет отмечаться обычным знаком ударения (/).

Вне акцента отмечено в следующих случаях: а́лї, бра́та_мї, квáсї, квó_сї, кúпї, ма́јѣа_мї, по́дї, разгово́ра_лї, се́га_шнї.

Под ударением в большинстве примеров речь идет об эфатическом удлинении гласного; вне ударения, помимо случаев эфазы, удлинение выполняет функцию заполнения паузы речи - все примеры демонстрируют заударные долготы.

Не представляется возможным выделить морфологические группы слов, которые бы "притягивали" долготу. Следует, возможно, обратить внимание на примеры удлинения в дative энклитических форм местоимений в притяжательной функции.

Долгое И можно признать аллофоном И.

2) Долгое Е:

Под ударением фиксируется в следующих примерах: брэ, э́, э́ј, ле́ле, зрэ́, не́, се́м, сме́м_се.

Вне акцента отмечен в формах: бе́ше, ви́каше, Грлѣ́шку, ле́ле, мо́ре, при_на́зе, ни́где, си́не.

В подавляющем большинстве случаев речь идет о финальном Е.

Под ударением долгий Е отмечен практически исключительно в междометиях и в примерах стяженных форм настоящего времени глаголов: нѣ < не́је; се́м < се́је; сме́м_се < сме́зем_се, зрэ́ < зрэ́је, что может также произноситься и как: нѣе, се́ем; ср. также примеры форм настоящего времени с фонетически кратким Е: уме́но, оstaré.

Вне акцента Ē отмечается только в заударной позиции и встречается в междометиях, вокативных формах в эфатической функции или при заполнении паузы речи.

Е долгое можно признать аллофоном Е.

3) Долгое А:

В ударном положении отмечен в следующих случаях: а́, а́о, де́ца, зна́ш, ја́, на́, она́, па́, пога́н, са́та, сна́, стра́, спромá, та́.

Вне ударения фиксируется в следующих случаях: бо́лан, бра́_ѣа, говѣ́да, ду́ма, ду́шка, забува́рила, има́, ка́ца, на́ша, она́_ј, онда́, при_срѣ́тли_га, стрѣ́ка, сы́га.

И здесь практически во всех случаях речь идет о финальном \bar{A} .

Под ударением можно говорить либо об удлинении гласного в междометиях, либо об эфазе, либо, наконец, о появлении долгого А в результате стяжения вокалических групп АА и ЪА (< АХА и ЪХА): са́та, сна́, или в результате утраты последующего Х: стра́, сиромá. Кстати, последние примеры трудно отделимы от случаев эфазы. Ряд приведенных лексем может произноситься и так: та́а, сиромáа, сна́а (см. раздел об удвоенных гласных).

Вне ударения \bar{A} отмечается только в заударной позиции, и в подавляющем большинстве случаев его появление объясняется эфазой или заполнением паузы речи. Только в примерах: ду́на̄, ст́рка̄ возможно удлинение тематического гласного в результате утраты финального Х в форме простого прошедшего времени.

Долгое А несомненно является аллофоном А.

Не выделяется ни одна из морфологических групп, о которой можно было бы сказать, что она "притягивает" долготу.

4) Долгое О.

Под ударением отмечен в формах: грóзна, дóду, овó, онó, пó, стóку.

Вне ударения фиксируется в примерах: ба́бó, жи́кó, Пе́рó, жа́ó, квó_смó, ко́лкó, та́кó, на_бу́бретó.

В позиции под ударением отмечается равное число примеров удлинения внутрисловного и финального О; вне акцента речь идет исключительно о финальном послеударном его удлинении.

В обоих случаях речь идет об эфатическом продлении О прежде всего в междометиях, звательных формах, а также о заполнении паузы речи. Лишь в одном примере можно говорить о появлении долгого О в результате контракции вокалической последовательности ОХО: дóду из *дохóду, что слышится часто и как до́ду.

5) Долгое У.

Отмечается в случаях: ку́пӣ, на овú; ви́кнӯли, на_бу́бӯ, и несомненно относится к случаям эфазы.

6) Удвоенные гласные.

В примерах типа: капи́ца, нее, смее се, оце́емо, пее, вее се, се́ем, та́а, речь идет об утрате в интервокальной позиции согласного J.

В случаях: сиромáа, сна́а, до́бу утрачен интервокальный X.

В примере: жи́и, утрате подвергся интервокальный B.

В данных примерах речь идет о двуфонемных сочетаниях, о чем свидетельствует возможность нахождения ударения только на одном из членов сочетания.

Все приведенные примеры являются частными случаями общей закономерности - утраты ряда согласных в интервокальной позиции.

7) Возможные сочетания гласных в говоре Вратарницы.

Сочетания Гласный + И:

ИИ: жи́и, капи́ца;

ЕИ: бле́и, дре́и, ста́рей син;

АИ: каи́ш, заборáил, опра́им се, оста́имо, ста́имо, пра́и, тра́и;

ОИ: бро́и, до́и се, сто́и, уго́ила се, уго́или се, штро́и се, Во́ина, дво́и, дво́ица, мо́и, тво́и, тро́и ко́ла, не́кои, у Ра́коицу, тро́ица;

УИ: дву́ица, су́и, тру́ицата.

Сочетания Гласный + Е:

ИЕ: ле́е, наве́е, и́еш "идеш", пи́еш, ши́е, уби́е, ти́е, ни́е, ви́е, он́е, не́кцие, ко́мшие, бадава́ице, три́ес, дру́ице;

ЕЕ: вее се, нее, оце́емо, пее, смее се, уме́емо, зре́е, се́ем;

АЕ: ба́е, зна́еш, ка́е, ка́емо, ла́е, тра́е, напра́ено, два́ес, шесна́ес, за́ек, ша́ек, за́едно;

ОЕ: чо́ек, чо́ек, ко́е, не́кое, мо́е, тво́ето, озло́дила се, мо́е "може", издо́бена;

УЕ: доса́цуем, кома́ндуе, обу́е, отрúе, чу́ем.

Сочетания Гласный + А:

ИА: бѣла, црвѣна, црѣна, амуница, амунна, реѣна, тур-
ша, авла;

ЕА: меану, не смеано, умеали, пеала, пеане, огреава,
смеане, штеал, Чилелеа, Андреа, дреа, стреа;

ЛА: таа, сиромаа, снаа;

ОА: тоа, моа, едноа брат, одведоа "3 pl. imperf.";

УА: онуа, ситуација, дуан, уапсу, фебруар, јануар.

Сочетания Гласный + О:

ИО: авионе, радио, Волинка, милиона, оступмо, убмо се,
пострвмо се;

ЕО: Андроо, Београт, цео, зрео;

АО: као, ао, јао, наочаре, звао;

ОО: только в приставочных образованиях: подрасли, доо-
ду, доовде;

УО: онуо, туо, суо.

Сочетания Гласный + У:

ИУ: пѣу, ѣу "иду", завѣу, бѣу се, убѣу, Албану, Русу,
амуницу, Воину Шѣу, фамилиу, авлиу, капѣуту;

ЕУ: зреу, пеу, сеу, блеу, меуна, Андреу, Чилелеу, дреу;

АУ: мауче, караула, кау "кажу", из Добрау, прау, лау,
паун, паук;

ОУ: твоу, моу, своу, не моу "не могу";

УУ: нет примеров.

8) В заключение следует сказать, что, несмотря на то, что в говоре Вратарницы отмечается продление гласного перед утраченным финальным X в примерах типа: стра и сирома, оба эти примера могут быть истолкованы и как эффаза.

Не отмечается ожидаемой по Ц. Тодорову долготы в: одма, грѣ, вр, а также в формах 1 лица единственного числа аориста.

В целом, наш материал подтверждает вывод Ц. Тодорова о том, что если мы и находим в говорах Ч, Ц - зоны долгие гласные, то их появление результат действия контракций, логических причин или причин чисто звукофизиологических.

19. 2. Утрата интервокальных согласных

1) Согласный В факультативно утрачивается либо в положении перед гласным переднего ряда:

ИИ: жи́и;

АИ: заборáмл, оста́имо, ста́имо, опра́им се, пра́им;

ОИ: у Ра́кошцу;

АЕ: напра́ено;

ОЕ: чо́ек, чоéк;

либо в положении перед близким по артикуляции огубленным гласным У:

АУ: из Добра́у, пра́у;

Не отмечается вставного В в примерах: кара́ула, па́ун, па́ук, фе́бруар, ја́нуар.

2) Согласный Ж факультативно утрачивается (чаще всего при быстром темпе речи) в следующих сочетаниях:

АИ: тра́ж;

АЕ: ка́е, ка́емо, тра́е;

ОЕ: мо́е "ноже";

АУ: ка́у "кажу";

ОУ: не но́у "не могу" или "не могу".

Во всех позициях обычны также и формы с Ж.

3) Согласный Д:

Согласный Д последовательно утрачен в формах числительных типа: трéс, двáес, шесна́ес.

При быстром темпе речи Д утрачивается в формах настоящего времени глагола "идти": и́еш "идеши", и́у "иду".

20. Материалы к морфологии говора Вратарницы

В настоящем разделе я счел нужным привести некоторые данные по морфологии говора Вратарницы, и прежде всего те, которые характеризуют его специфическое положение среди окружающих говоров восточной Сербии.

20.1. О роде имен существительных

Существительные: сол, мас, крф в говоре Вратарницы мужского рода: Он^и да су знали че^о сол, он^и би га зели; сол е бел; о^{на} мас; мас е бел; крф е црвен.

Существительные: влас "волос"; заповес, заповеса также мужского рода.

20.2. Множественное число имен существительных

20.2.1. Существительные мужского рода

1) Ряд односложных имен существительных имеет флексию множественного числа -И:

кони, рби, баци, гости, прсти, зуби, дни (и: дьнове), дуди, пути (в: два-пути), Срби (и: Србе), Власи, Руси.

Сюда можно добавить также формы: луди, нокти.

2) Флексию -Е (-JE) имеют следующие односложные существительные:

снопе, црве, Србе (и: Срби), муже, грбже (с метатезой).

3) Большинство односложных существительных расширяют основу флексией -ОВЕ:

амове, бикове, брестовете, бркове, волове, врове, глистове, грбове, делове, дьнове (и: дни), другове, видовете,

3) Также два существительных отмечены с флексией -ЦИ: прасци (м: праси́ћи), јагањци (м: јагњета);

4) Очень распространена флексия -ТА:

бомбѐнета, буре́та, вѝмета, дево́јчета, дугмета, ждребѐта, јагњета (м: јагањци), кучета, мечѐта, магарета, мачѐта, момчѐта, младунчета, парчѐта, пѝлета, петлѐта, сѐмета, сирачѐта, телѐта, унучета;

5) Множественное число существительного ра́мо звучит: рамање и рамена;

6) Еще два существительных образуют форму множественного числа флексией -НА: вре́мена, и́мена;

7) Множественное число существительного мо́мче звучит: момчети́ја и момчѐта.

20.2.3. Существительные женского рода

У существительных женского рода на -А возможны как формы множественного числа с окончанием -Е (чаще), так и формы на -И (реже): сви́ње, ме́рнице, но: сви́њи, ме́рници.

20.3. Согласование существительных с числительными

1) Существительные мужского рода при согласовании с числительными принимают особую счетную форму:

два коња́, два брата́, два при́ятеља, три орла́, три уну́ка, три ра́дника, пе́шес за́ека;

два сандѐка, два да́на, три дѐна, три дѐла, три ваго́на, че́три жума́нца, де́сет кома́да, де́сет ле́ба, по_мла́ду две_три сто́тин сно́па.

Со счетными существительными отмечается форма множественного числа: дво́йца си́нове, дву́йца касáпи.

2) У существительных среднего рода отмечено согласование с числительным "два" по женскому роду:

мечѐтата о́ни две, две о́чи, две у́ши, две парчѐта, две момчѐта, две дугмета, две јагњета, две телѐта, две вѝмета,

две јајца, две брањшта, две весла грóјзе, две сéла, две де-
ца́, но один раз отмечено: óба два мечéта.

20.4. Падежные формы существительных

20.4.1. Существительные женского рода

У существительных женского рода на -А исключительно ред-
ко (в фольклорном тексте) наряду с обычными формами аккузати-
ва единственного числа в функции прямого объекта отмечаются
формы номинатива:

Срéте бѹлка невенч'ана; Ни срéте бѹлка невенч'ана; Оста-
мл двојца сѹнове, при обычном: Гдé неvéста забрáтку не забрá-
жда; Ч'увамо сто́ку и т. д.

20.4.2. Существительные мужского рода

Существительные мужского рода одушевленные в единствен-
ном числе не имеют особой формы аккузатива.

Прямой объект:

Па мо́ј у́ђѹа Прв́ан па поведé о́ња бѹк но́чьм; Искáрамо о́ња
бѹк; Он имáл брáт и имáло на брáта снá; Пѹ убѹл бѹ тоá
пограничáр;

Ср., однако, более редкие примеры: Па да лѹ Тóдор Будáн-
чо убѹл брáта или вáнч'а брáта?; Сестрѹ ти и брáта и зéта ти
згазил тонобѹл; Брáта мѹ удáрила рудá.

Предложные формы:

при тоá човéк; А оне́ му се зове на то́га пограничáр Стáн-
ко; Па отѹду пóсле при тамо пá при ѹиѹ командѹр; сѹлка óт тоá
лѹпóф; појде сѹс ко́вь; при тоá лѹпóф; Ту́ра на о́ња бѹк;

Ср., однако, более редкие формы: Мéа мáјђа га дáла
на сѹна, Па отѹде там при командѹра.

Смешанные примеры:

Нá сѹна му се вѹкáло Мáрко, á нá мáмни свéкар се вѹкáло
дéда Нѹкóла; А о́на му се пада снá, на то́а сѹна му; Па убѹе
и брáта, убѹе и жéнѹ, убѹе и брáтенец и дете́ малéчко; Па убѹе

и брата си, па убије и његовугу жену, па убије и тоа на брата син, па и тоу његову невесту.

Имена собственные мужского рода в единственном числе сохраняют особую форму аккузатива.

Прямой объект:

Па ви́кнули то́га Драгу́тина; Вика́ла де́да Ба́нка, он поведе е́дн о́тука из Вратáрницу и Стáнка покóжни; Ёл видва́ мо́ј Бо́жидера? Чу́ва Стáнка; Ја́ ви́кнем Ра́јка Цáнџин, о́н ту́ка бли́зо.

Предложные формы:

Хи́тлер би́л при Ста́лина на ве́чѐру; На То́дора Ма́цин онѝ́е басамáци би́ли; То́ј ми́ да́л Ко́ле на Стóјка Дóнин; при Јовáна Цáнин; на Драгу́тина ку́ћа; свѐс Стáнка.

20. 5. Местоимения

20. 5. 1. Личные местоимения

Полная форма аккузатива и датива ед. ч. местоимения 3 лица мужского рода: њѐга, њѐму.

Краткая форма аккузатива и датива ед. ч. местоимения 3 лица женского рода: (Ј)У (стра́ ју), И (Лежа́ло м на́ руку на не́вестугу; Ја́ и ка́жем не́што њóј; Штó и е́зика не_отпа́не да не_ла́е).

1 лицо мн. ч. : ни́е, при более новом: ми. Формы датива и аккузатива совпадают в: на́зе (при_на́зе; И до́јде на́зе пи́смо).

2 лицо мн. ч. : ви́е. Форма датива и аккузатива также совпадают в: ва́зе (при_ва́зе, более новое: при_ва́с; о́н га па_да́л ва́зе).

Во множественном числе для всех трех родов отмечается только одна форма личного местоимения: онѝ́ (онѝ́ отóду, де́ца). Краткая форма аккузатива здесь: џи́ (Па_џи́_вика́ла да́...) и И (Кад_и́ раскарван).

20.5.2. Указательные местоимения

Следует сразу же отметить наличие только двух форм указательных местоимений, связанных с отдаленностью объекта. В говоре отсутствуют местоимения с корневой морфемой -В- (разумается, я исключаю из рассмотрения литературные формы, также употребляемые в говоре).

Единственное число.

Местоимения мужского и среднего рода не имеют форм косвенных падежей.

Имеются две формы мужского рода с корневой морфемой на -Т:

ТОА (то́а стра́, то́а каза́н, то́а возово́жа, то́а ра́т, то́а то́чкк, то́а пла́ц) и ТОЈ (тој стра́, тој рестора́н, тој че́да),

и одна с корневой морфемой на -Ъ: ОЪА (о́ъа не́ма едно́, о́ъа не́ма дру́го; То́а ф́рга ната́м, о́ъа на_нава́м; о́ъа каза́н, о́ъа зы́т; на́ о́ъа в́р при_о́ъа ба́грэн).

У существительных среднего рода отмечены три формы с корневой морфемой -Т:

ТОЈ (то́ј дете́, то́ј момче́, то́ј пи́смо), реже ТОА (то́а Же́дрење; То́а билó у_на́ше дете́вство), и совсем редко ТОВА (това́ дете́);

с корневой морфемой на -Н отмечены формы: ОНОЈ (оно́ј бра́шно, оно́ј цре́во), и редко ОНОВА (онова́ те́сто).

Местоимения женского рода образуют гомогенную систему: ТАА (та́а ку́ћа, а_та́а бе́ба_то́на), ОНАА (о́на́ ко́са), при аккумулятивных формах: ТУО (на_ту́о бе́бу_то́ну, ту́о му́ку, ту́о ло́пту) и ОНУО (о́нуо коша́ркуту, о́нуо коби́лу, о́нуо тра́ву).

Множественное число.

Отмечены две местоименные формы для всех трех родов: ТИЕ (т́ие ко́вы, т́ие деца́, т́ие пе́смете) и ОНИЕ (они́^је Енгле́зе, они́е мага́рета, они́^је кошу́ље).

20.5.3. Притяжательные местоимения

Из притяжательных местоимений отметим формы: *њоњ сѣн,*
тѣ њѣѣ командири; моја брат.

20.6. Согласование по роду во множественном числе

1) У прилагательных, местоименных прилагательных и причастий следует отметить отсутствие особых форм множественного числа женского и среднего рода.

Женский род:

с_крѣви бч'и (и: *с_крѣве бчи*), *три девојће златени,*
у_друђи државе, били скупи паре, рѣзје мокри, свиње дебѣли,
бвце дебѣли; Женѣ жењс'ћи, они длгокоси и плиткопамети; дивѣ
свиње, проћисни/слатћи јаболће; старѣ годиње,

наши њѣве, наши парѣ, оволики зѣлће, друђи парѣ, ониѣ
моѣ другарице, моѣ сестре;

па_све кѣће попалени, печени кокбшћи, две_кокбшће уреде-
ни, па_бфце чувани.

Средний род:

чудни ведре, крѣви уста, црвени пѣлета, црвени ноктења,
млади деца, убави деца, деца нежни, деца болни, кола консћи,
грозни уста, голѣни грѣбишта, колца црвѣнћи;

наши деца, моѣте унучета, твоѣте деца;

деца чувани добре, па_откарани у_рат; врата закључени.

Смешанный пример:

Кат су црева празна, они се_залѣпили.

2) Отсутствие согласования по роду отмечается и в формах перфекта:

Женский род:

Таћи две флаше смрзнули си_с и строшили_с; Нѣго_се свиње
кавали; Били скупи парѣ; То носили млади женѣ; Оно меане не-
када били; Кво_сте били три; Па_три_смо били; Преѣ су раде-
ли; На_колибу_ни били кокбшће.

Средний род:

Деца́ не́жни, несú же́ли ту́ђи ле́п, несú били́ слу́ђе;
Деца́ смо били́; А сýга се осећирали и деца́ и свé; А они́ тька́
ћимали́ они́е деца́, собу́ли гу́ме, па ћимали́ да ста́не, па ћимали́
да ста́не; Па се из^врнули́ ко́ла.

20.7. Глагол

20.7.1. Футур

Следует отметить обобщение частицы футура ЧЕ и для 1 лица ед.ч.: Ја́ че у обу́ем, которое, однако, осуществлено не полностью: Ја́ ч'е се́тим, а́ли ју́тре; Да́ли чу́ја да пи́јем, па́ ч'е се напи́јем и чу́мрем та́м при́они́е бу́рета.

От глагола "быть" футур образуется по модели: че (да) буде.

20.7.2. Прохибитив

Отметим обобщение частицы прохибитива: немо́ј для форм множественного числа: Немо́ј да ми плу́вате.

20.7.3. Имперфект

1) Записаны регулярные имперфектные формы только от глаголов "быть" и "хотеть":

а) бе́о, бе́ше, бе́ше, бе́омо, бе́осте, бе́оше;

б) ште, ште́ше, ште́ше, ште́омо, ште́осте, ште́оше. Приведу здесь и, по всей видимости, аористные формы: штеа́, штеа́, штеа́, штеа́мо, штеа́сте, штеа́ше. Установить различие в употреблении этих форм не удалось.

2) Формы имперфекта остальных глаголов очень редки. Отмечено всего несколько фразовых примеров его: Кво́ му се ви́каше, брē-е, на Печу́ Го́твин де́да? Што ду́маше мој поко́јни о́тац; Бела пти́ца фрч'еше, на бели каме́ње падоше (из фольклорного текста).

Ср. также формы 3 лица единственного числа из фольклорного текста: погледáше, прогромáше, зада́доше.

20.7.4. Аорист

Материал, приводимый в этом разделе, расклассифицирован по лицам, числам и тематическим гласным, с помощью которых образуются аористные формы.

1 лицо ед. ч.

на -И:

- заборáм, забувáри, загр́би, мскóчи, обáди се, ожéни, опрáм се, помéси, уплаши се,

- влач́и, врев́и, ми, он́и, нос́и, поп́и, прат́и, род́и, сет́и, смлат́и, уб́и;

на -Е:

зé, разумé, седé;

на -А:

- видв́а, вр́а, овр́а, дум́а, (по)глед́а, заказв́а, збрќа се, зн́а, съзн́а, им́а, кар́а, мож́а, навир́а, опр́а, пе́а, пит́а, се́а, сећир́а се, скап́а (скапим), спа, засп́а, тур́а, уме́а, чека́;

на -О:

- да́до, д́го се, под́го, донéсо, довлéко, (по)јéдо, одвéдо, оста́до, па́до, опе́ко, пéко, плéто, потрéсо се, рéко, сéдо, слéзо, стр́го, срéто, трéсо,

- видó, отидó, идó, дојдó, најдó;

на -У:

- чу;

на -НУ:

- пóврну се, удéну, помóгну, вóрну,

- вжкнóу, мжнóу.

2-3 лицо ед. ч.

на -И:

- зга́зи, загр́би, из́ји, на́прави, óчупи, óжени се, погóди, упропáсти,

- б́и, влач́и, врев́и, ми, нос́и, он́и, прат́и, уб́и;

на -Е:

- дѣже, зададе се, даде, довлече, донесе, једе, испаде, опече, поједе, простре, пођине, плете, пече, рече, остаде, нестаде, улезе, седе, стриже,

- виде, даде, дојде, запре, зе, иде, наиде, одвезе, подведе, разуме, седе, умре;

на -А:

- закла, њскара, опра, стрка̄,

- видва, да, дарува се, диза, дума, зна, има, исприча, казва, можа, назира, овра, опра, оста, пеа, пита, покара, сеа, скапа, спа, умеа;

на -У:

- чу;

на -НУ:

- зурну, јурну, помогну, стану, фану,

- мину, но: јапна, л'зна, љсна, пукна.

1 лице мн. ч.

на -И:

- женимо, купимо, остаимо,

- бимо, вревимо, влачимо, делимо, исцепимо, носимо, оми-мо, правимо, пратиимо, препраимо, смириимо, туриимо;

на -Е:

- земо, поч'емо, разумемо, седемо,

на -А:

- гледамо, видвамо, врамо, оврамо, врзамо, дизамо, дума-мо, докарамо, знамо, имамо, ископамо, можамо, назирамо, насе-дамо, пеамо, покарамо, погледамо, прибрамо, прамо, раскарва-мо, сеамо, съзнамо, сбрамо_се, смеамо, умеамо, штеамо;

на -О:

- дѣгомо, донесомо, довлемоко, (по)једоомо, остадоомо, по-бегомо, плетоомо, пекоомо, опекоомо, пођисоомо, слезоомо, седоомо, стригоомо,

- видоомо, дојдоомо, идоомо, отидоомо;

на -У:

- чуомо,

на -НУ:

- помóгну̀мо (так!),
- врну̀мо се, зурну̀мо;

Очень редко: óдосмо, и даже: свађáсме.

2 лицо мн. ч.

на -И:

- влач́иште, врев́иште, нос́иште, м́иште, ом́иште,
- прат́иште, пра́иште,

на -Е:

- зéште, седéште,

на -А:

- вра́ште, видва́ште, овра́ште, дума́ште, пеа́ште, посэ́аште,
- пра́ште, съзна́ште, сеја́ште, зна́ште, има́ште, можа́ште, назира́-
- ште, умеа́ште;

на -О:

- довлéкосте, дж́госте, донéсосте, појéдосте, јéдосте,
- пéкосте, опéкосте, пођ́исосте, плéтосте, стр́госте,
- видóште, дојдóште, идóште;

на -У:

- чу́ште;

на -НУ:

- помóгнуште, зурну́ште.

3 лицо мн. ч.

на -И:

- искóчише, натовáрише, ослобóдише, осту́пише, отво́рише,
- полубише се, примéтише, примóблише, упу́тише,
- влач́ише, врев́ише, искоч́ише, м́ише, ом́ише, нос́ише. пра-
- т́ише, снаод́ише се, тур́ише;

на -Е:

- зéше, почéше, седéше;

на -А:

- видва́ше, вра́ше, овра́ше, (по)гледáше, дж́зáше, дума́ше,
- заклáше, зна́ше, има́ше, искача́ше, иска́раше, можа́ше, назира́ше,
- нэ́маше, пита́ше, пеа́ше, пра́ше, посвађ́áше, разбишкáше, разбрак-

ва́ше се, съзна́ше, сеа́ше, снаождáше се, спа́ше, умеа́ше, штеја́ше,

на -О:

- да́доше, ди́гоше, довлéкоше, донéсоше, зада́доше, испа́доше, изéдоше, (по)јéдоше, напáдоше, однёсоше, одра́стоше, оти́доше, опе́коше, пéкоше, плéтоше, се́доше, стри́гоше, сфлéкоше, улéзоше, упáдоше,

- видóше, дојдо́ше, идóше,

на -У:

- чу́ше;

на -НУ:

- помóгнуше, вурну́ше, но: апна́ше, пукна́ше.

20.7.5. Презент

Приводятся специфические формы 3 лица множественного числа настоящего времени.

3 лицо множественного числа глаголов с тематическим гласным -И в формах настоящего времени:

болу́, бо́ру се, ви́ду се, не_ви́ду, вре́ду, го́ну, го́сту се, гуду́, долáзу, до́бду, искóчу, испра́ту, кúпу, лежу́, му́чу се, напра́у, наре́ду се, но́су, обо́ру, ово́љу, ото́ду, ьту́жу, па́зу, по́сту, про́су, ра́боту, ра́ду, седу́, сла́ву, слúпу, стро́шу се, су́шу се, спú, ту́ру, стúру и т. п.

3 лицо множественного числа глаголов с тематическим гласным -А в формах настоящего времени:

ба́цу, глéду, да́ву, и́му, ко́пу, кúву се, дока́рву, дока́ру, исма́ру, ка́ру се, ука́ру, прости́ру, пи́ту, при́чу, спре́му, тр́ку, фр́љу и т. п.

но: бе́гају, ка́рају_се, скúпљају се.

Глагол "знать" имеет следующую парадигму: знам, зна́еш, зна (к: зна́е), зна́мо, зна́те.

Глагол "мочь" имеет формы 1 лица единственного числа: мо́гу, мо́жу, мо́у, мо́жам, мом (Да́ ју не мо́м на́јдем).

Глагол "хотеть" имеет формы 1 лица ед. ч.: о́чу и о́чем.

20.7.6. Страдательное причастие

С формантом -Н:

вѣнчан, вѣзан, дарувана, заклано, закључени, залѣпена, затворено, затрен, затрена, згазѣна, издѣена, ископана, исплѣтен, копан, крѣстена, купено, мобилѣсано, накладен, написано, напраѣно, натоварени, натурен, натурано, невѣнчана, неженени, оженен, непокошено, носено, некрѣстено, оградено, опрана, оставен, откарани, пѣчени, писано, плѣтен, подгрѣана, поделено, попалени, потшѣшано, правено, премлѣтен, прѣскано, пушено, развалена, рѣд'ен, свѣзано, скрѣшен, скутано, сѣбрано, спасен, сплѣтена, сушено, турено, уапсени, укаљано, укупан, улѣпен, упирени, уредени, фрѣгано, чувани.

С формантом -Т:

дата, дато, незвати, напѣснато, незбрѣнута, ожьнуто, прѣкрито, прѣклета, убит, убити, увята, узета.

20.8. Артикль

20.8.1. Артикль существительных

Существительные мужского рода в единственном числе имеют член -А:

пѣста, снѣга, орѣла, вѣнѣца, гледальца, нѣкѣта, снѣпа, лѣба, комшѣлка, вѣнѣца, мѣсеца, цара, старѣца, братенеца, ресторана.

Один раз зафиксирована тимокская форма: бурѣзерѣт.

Имена существительные на согласный первично женского рода имеют членные формы типа: маѣста, солѣта.

Фразовые примеры употребления артикля.

Существительное в определенной форме в функции подлежащего:

Убаф ми коѣна; Дѣбѣр ми зѣта; Иде по пуѣта бирѣва и вѣка: "Сви на заповес!"; Где_ѣ пуѣта?; Али ошѣва нѣе тѣжак; Али старѣца_се срѣди; А старѣца_се сваѣѣа; Старѣца кѣе; Цео_дѣна месѣше лѣба; Штѣ ми езѣка не отпѣне да не лѣе; Да ударѣ рѣсна

Њиша, да порóси рóсно поље, да се рóди берићета; Тька ме крсти́л по́па и куми́цата ме крсти́ла.

Существительное в определенной форме в функции прямого дополнения:

Али кад несú били казана купили; Нарéже се лúка, црни лук, па се óва лúка испржи; Присрétли га на Сегмэнсѝи Дол, вóза; Па мéсимо лéба; Па че да умúтимо мастá; Да опечéмо лéба; Иди да узнеш сóла; У плук сáмо има колесáр на двá тóчка кој вúче плúга; Да га огрнемо, кукуруза; Жлтýка сьм поéла, белутýка сьм остáвила; Вьшѝи га напáдоше кúпуса; На кóша има катáнеца на магáзуту.

Существительное в определенной форме в конструкции с предлогом:

Па стоим на дрúма; А он óдна лéже на крéвета; Остáли на казана; Да несú покpај дрúма; Кóј ме види по лúта; У че́бара се напогáнил не́кој; Кад гóре онó на брéга Нёмци иду ис Кња́жевац; На брéга припукáше машингевере; Дá ти исчетвёрим тие кóла на дрúма; Сáмо га истрéсомо у брашóвника; Отидó у кóша гóре; Гáзимо на брóда; Закачýла сьм се у прáга; Идемо по лúта; Сечém с нóжа; Бéли свёт на астáла јéдења; Видим, иде авијон, и ма́ма и тáта у авијóна; Фáну у светá; у лóдрума; сáмо прес лúта; куде бунáра; сфс нóжа; покpај шпóрета;

прес Тiмока, на Кравáрника; Идемо у Брéга за дрва; у Орешáка, идемо у Тiмока.

Существительные женского рода в единственном числе имеют член -ТА:

девóјѝата, мéчката, рáботата, свињáта, свáдбата, тóрта-та.

В аккузативе единственного числа артикль -ТУ:

Кобилуту ви згазил вóс; вéнуту, воденицуту, у водúту, градинуту, прéду казанци́ницуту, на каплуту, кафуту, при колмбуту, за онóу кошáркуту, крúпуту, у лúльѝуту, магáзуту, мишкуту, у óпштинуту, плéвѝуту, на прúгуту, на пúтичкуту, пúшкуту, рáмпуту, на свáдбуту, чешмúту, шинуту, у шкóлуту.

Существительные среднего рода в единственном числе имеют член -ТО:

детѣто, житѣто, момчѣто, прасѣто, сенѣто, селѣто; Стрѣ-
шу_се јајцата ѹ грнѣто; Докарáмо снѣпето и зденѹмо га у ер-
мѣнку.

Во множественном числе существительные мужского и жен-
ского рода имеют член -ТЕ:

а) мужской род

авиѣете, басамáците, Бúгарите, дудѣте, днѣте, момцѣте,
мужѣте, Нѣмците, опѣнците, рукавете, Рúсите, Тúrците, урѣци-
те; брѣстовете, плѣовете, тѣровете;

б) женский род

мишѣте, офѣте, парѣте, пѣсмете, свињѣте;

Существительные среднего рода имеют во множественном чи-
сле член -ТА: вратата, децáта, кóлата, мечѣтата.

20. 8. 2. Артикль прилагательных

Прилагательные (указательные и притяжательные местоиме-
ния) мужского рода в единственном числе имеют артикль -А:

бѣлка, дрѣтија Бѣбан, дрúгија дѣн, црвѣнна, цр̀нна, онѣја
последнија, тѣа на̀шија млин, тѣа на̀шија командир, тѣа ва̀шија
дѣм, ѡна капут њѣговија Стáнковија.

Артикль прилагательных женского и среднего рода соответ-
ственно -ТА и -ТО: мѣјѣта мáјѣна, ва̀што, на̀што.

Во множественном числе прилагательные всех трех родов
имеют артикль -ТЕ: Бѣбановите децá, на_тѣ́е дрѣтите, кладите,
плѣканите, при_мѣ́те.

21. Заключение

В заключении приводятся основные результаты предпринятого исследования, представленные как решение поставленных в начале работы задач.

21.1. Диалектологические традиции

Критическое рассмотрение данных сербской и болгарской историко-лингвистических и диалектологических традиций позволило обнаружить наряду с общими для них чертами значительные расхождения как в освещении историко-фонетических явлений, так и в трактовке отдельных синхронных явлений диалектной фонетики:

1) малый интерес новых сербских диалектологов к ШТ, ЖД формам и стремление болгарских диалектологов увеличивать число примеров со ШТ, ЖД за счет форм, не представляющих рефлексов *tj, *dj;

2) различная полнота описания l-epentheticism и неразличение рядом болгарских диалектологов старых и новых йотаций губных;

3) бóльшая полнота описания рефлексов редуцированных по различным фонетико-морфологическим категориям в работах некоторых болгарских диалектологов;

4) различная акустическая и фонологическая трактовка слогаобразующих сонантов;

5) рассмотрение рефлексов слогаобразующего *j в зависимости от характера предшествующего консонанта в сербской традиции и в зависимости от структуры слога в болгарской;

6) сравнительно неполное относительно сербских диалекто-

логических описаний освещенные "новых йотаций" в новых работах по болгарским диалектам;

7) относительная неполнота описания дистрибуции фонемы S в новых работах сербской традиции (не отмечается наличие или отсутствие форм типа: бубрези, помови);

8) различная акустическая трактовка результатов новейших палатализаций заднеязычных;

9) возможно, различная акустическая трактовка звонких согласных в абсолютном конце слова.

Не отмечено релевантных различий между обеими традициями в описаниях рефлексов *ѣ, *ѣ, а также согласных X, J, Ф.

Особо следует отметить прямые противоречия при рассмотрении фонетического характера (и фонологического статуса) слогообразующих сонантов и результатов палатализации заднеязычных. Это может объясняться и особенностями перцепции реально звучащей речи носителями того или иного литературного языка (и даже, в исключительных случаях, несознательным стремлением приблизить описываемый диалект к норме родного языка исследователя). Необходимо добавить, что работы сербских диалектологов и болгарских лингвистов до середины XX века выполнены в рамках сравнительно-исторического подхода и зачастую между ними отмеченные выше расхождения смягчены.

21.2. Говор Вратарницы среди Ч, Џ - говоров

Определение соотношения общих и различных элементов языковой структуры говора Вратарницы и восточносербского тимокского диалекта дало следующие результаты:

1) говор Вратарницы демонстрирует несомненное генетическое родство с тимокским, однако, лишь в той же мере, как и со всеми говорами Ч, Џ - зоны;

2) отличительными от тимокского чертами говора Вратарницы являются:

а) весьма ограниченный круг лексем с рефлексам ШТ, ЖД;

б) на месте **q* в корне ряда слов и очень редко в глагольном суффиксе -НУ обнаружено Ъ и А;

с) Ъ на месте **e*, отражающее среднеболгарское "смещение носовых";

д) примеры перехода праславянского *Ъ в Е как в корневом слове, так и (прежде всего) в суффиксах;

е) примеры И на месте праславянского *Ъ в ряде лексем;

ф) специфические примеры сохранения редуцированных в слабой позиции;

г) примеры отсутствия перехода начального сочетания V + редуцированный в У;

h) примеры отсутствия субститутов В и J на месте согласного X;

і) примеры полной утраты J в вокалических сочетаниях с гласным переднего ряда;

ј) наличие в консонантной системе говора Ф как отдельной фонемы;

к) наличие (очень редко) фонетических переходов ВРЪ- > ФРЪ- и СВ- > СФ-;

l) наличие нейтрализации консонантной оппозиции по глухости/звонкости в конце слова;

ш) отсутствие форм аккузатива единственного числа имен существительных мужского рода;

п) флексия И (наряду с Е) во множественном числе существительных женского рода на -А;

о) специфическая двучленная система указательных местоимений;

р) отсутствие родовых различий в формах множественного числа прилагательных, местоимений и т. п.;

г) артикль единственного числа существительных и прилагательных мужского рода - А.

Ряд отличительных черт говора Вратарницы имеют системный характер (наличие фонемы Ф, например), часть затрагивает небольшие группы лексем или позиций, а некоторые явно лексикализованы.

Лингвистическое место говора Вратарницы в Ч, Џ - зоне будет возможно определить лишь после разработки критериев диалектной классификации зоны в целом. Очевидно лишь, что этому говору принадлежит периферийное место.

21.3. Исходный пункт миграции говора Вратарницы

Одной из важнейших задач работы было установление исходного района миграции говора Вратарницы путем определения соотношения общих и различных элементов языковой структуры вратарницкого и других Ч, Џ типов. Очевидно, что из болгарских говоров Ч, Џ - зоны наш говор ближе всего говору с. Ошане в районе Белоградчика и несколько менее близок говору Ново Села в районе Видина (последний не входит в собственно Ч, Џ - зону). Говор Вратарницы, несомненно, сформировался в области Ч, Џ - говоров, однако, в той ее части, которая в своей истории подвергалась некоторому ШТ, ЖД влиянию. Локализовать исходный пункт миграции с точностью до группы сел возможно с привлечением данных Болгарского диалектологического атласа, которые позволяют говорить о его расположении на северо-восточной периферии южнославянской Ч, Џ - зоны (см. Карту 3).

21.4. О диалектном единстве Ч, Џ - зоны

В целом, проведенная работа подтвердила правильность рассмотрения южнославянских говоров Ч, Џ - зоны как единой лингвистической единицы, характеризующейся специфическим набором дифференциальных черт: 1) *tj (*kt) *dj > Ч, Џ;

2) L-epentheticum;

3) частичное восстановление DL;

4) *q > y; *e > E;

5) *ь = *b > b;

6) *vь-, *vь- > y;

7) наличие слогаобразующих сонантов;

- 8) *čr- > цр-;
- 9) сохранение *jd;
- 10) наличие "новых йотаций" по правилу А. Белича;
- 11) сохранение -л;
- 12) наличие фонемы S;
- 13) отсутствие фонемы X;
- 14) субституции X в определенных позициях;
- 15) новейшие палатализации заднеязычных;
- 16) наличие звонких согласных в конце слова.

Все приведенные выше фонетические изоглоссы позволяют установить границы нашей зоны и определить степень литературного (как сербохорватского, так и болгарского) или диалектного влияния на каждый конкретный ее говор.

21.5. О диалектной дифференциации Ч, Ъ - зоны

Наконец, задачей, открывающей широкие перспективы дальнейших исследований, было определить более подробно, чем это делалось в существующей литературе, черты диалектной дифференциации на всей территории распространения Ч, Ъ - говоров. В качестве релевантных для диалектного членения этой зоны следует признать следующие группы фонетических изоглосс:

- 1) отдельные лексемы с нерегулярными рефлексам **tj*, **dj*, например: т^уцо/ч^уждо;
- 2) аналогическое восстановление ТЛ: ср^етла;
- 3) отдельные случаи с нерегулярными рефлексам **ь* и **ъ*, например:
 - а) р^ьд^ьква/р^от^ьква;
 - б) јед^ьн/јед^ьн;
 - с) д^ьн/ден;
- 4) отдельные случаи сохранения слабого редуцированного: с^ьн^уван/с^ьн^еван;
- 5) ѣ^ьсьл/ѣ^ьсел;
- 6) нерегулярные рефлекс редуцированных типа: лож^ьца, с^ьдом, о^ьсом;

- 7) наличие слогообразующего *л* и его рефлексация:
- в зависимости от характера предшествующего консонанта;
 - в зависимости от структуры слога;
 - ја́бълка/ја́балка/ја́болка/ја́блка/ја́бука;
 - длбóк/длибóк;
 - формы лексемы: зљва/зљлва;
- 8) ограничения в дистрибуции слогообразующих сонантов:
блá/бьлá, вр/вьр;
- 9) фонетическая реализация результатов палатализации заднеязычных: ма́јћа/ма́јка;
- 10) отдельные случаи нерегулярного развития "новых йотаций":
- пру́тје/пру́ће;
 - ро́ђак/родља́к;
 - дивѝ/дѝвљѝ;
 - го́сје/го́ске, ли́сје/ли́ске;
 - гро́зје/гро́зге;
 - про́лет/про́леке;
- 13) оре́ј/ора́;
- 14) бубре́си/бубре́зи;
- 15) утрата или субституция согласного *х*:
- финального *х* после *е*: гре/греј, ере́ј/оре́ и т. п. ;
 - межвокального *х* после *е*: дре́ја/дреа́ и т. п. ;
 - финального *х* после *у*: су/сув и т. п. ;
 - межвокального *х* после *у*: љо/љво и т. п. ;
 - фа́ла/ва́ла;
 - межвокального *х* в соседстве с непередними гласными:
сна́а/сна́ја;
 - пор/твор;
- 16) развитие согласного *ж*
- бра́ћа/бра́јћа; тре́ћи/тре́јћи;
 - ма́јћа/ма́ћа;
 - јесен/асен;
 - между гласными в формах местоимений: та́а/та́ја;

е) между гласными в формах глаголов: зна́е/зна́је; зна́у/
зна́ју;

17) фонемный статус Ф;

18) па́ук/па́вук, па́ун/па́вун;

19) нейтрализация оппозиции по палатальности свѣ́нсѣи/
свѣ́нсѣи; сѣ́нѣа/сѣ́нѣа;

20) фонетическая реализация звонких в конце слова;

21) отдельные группы согласных, например:

а) зѣ́мља/зѣ́мња;

б) гу́мно/гу́вно.

Разработка лингвистических критериев классификации сербских и болгарских говоров Ч, Џ - зоны на основе предложенного списка изоглосс (с добавлением морфологических и, возможно, других явлений) и их применение к обширному (в том числе и новому полевому) материалу позволит осуществить научно обоснованное диалектное членение зоны на лингвистические единицы ранга говоров. Решение этого и многих других вопросов, только поставленных в настоящей работе, будет возможно лишь с созданием диалектологического атласа южнославянских говоров вокруг сербо-болгарской границы.

22. Тѣксты

22. 1. Марија Ненчић, 1904

- А кој вас, кој послал код баба мацу? Кво се викаш ти? Ё, виш, кво т^е убаво питање²⁶.

- Зна он кво. Пита ме он. Па кво се, сине, живело. П раније не имало кво сѣга. Обућу не имало на прво место. Па се живело. Па ишла сам едни разрет, па е било посе рат. И несѣм посе ишла.

- Де, причај, причај од малена. Кво си чувала оѣце. Па ајде, покарај си твоето старински.

- Па оѣце чувани. Деца смо били.

- Кво сте били три. Ёте, тѣкво. Полѣко. Де си причај кво си. Твои чували, кѣкво си се мучила мињиња. Ё, тој т он тражи. Он не тражи да му ти... Кво си ви и што. Бабиња с узбуњила, виш да ти нече прича ништо.

- Пре било... сиротинска држава било, не имало кво. Бугаре, нема, нема три... Свака трећа годин дојде рат. Бугаре дојду, слупу све прозоре. Тѣка не имало тѣкви велики прозоре.

- Ма, не тражи ти он тој.

- Ё, пѣ мали прозоре. Он, ако не може сѣс ногу, он сѣс кундак. И строши с кундѣк и... Бегамо, искарву ни отука ни искарву, бегамо. Посе кат се вѣнемо, нема на кво се вѣнеш. Празно све. Бугаре очистили. Празно све и нема нема ништо.

Па били смо три смо били. Башта ни у рат било. Едан деда и бил с назе и мајка и баба смо били. Не имало, па се живело.

²⁶ В разговоре "учествуєт" сноха Марии Ненчиц, замечания которой в конце концов выводят информантку из себя.

Сва́дба? Ѐ она́_си_се прави́ла квó_м сýга штó_се прави́. Са́мо нее́ сýга то́лко^у. Ра́није се_прави́ло, весе́ље би́ло, квó_м_сýг штó_се весе́ли. Са́мо_е сýга дру́кше сасви́м. Квó_е би́ло сва́дба. Има́ло на́ оно́ва, квó_му_се ви́ка, не_мо́у се_се́тим, клене́, на́ клене́ има́ло, па_на́ дуду́ци има́ло. Па́_се прави́ло сва́дба. Про́јде_се, иде́_се ната́м нава́м. Нее́_се пе́кло квó сýга то́лково жи́вниѣ. За́^а ску́вају купус, то́а_е. Ѐ_^једно́ или_сýк пе́кло е́дно прасе ели́_се не_опе́кло. Пе́_вино́ не́ има́ло о_ста́ри^ј ту́ј. Не́го_су би́ли пивни́це дале́ко. О́т ку́ћу. Пе́_ка́т ти́ по́јду, иде́, пра́зник, иде́ Бо́жич, за́ иде́ за ви́но, они́ пеу́. Се́бру_се ста́ри љу́ди пе́_иду те́ пеу́. Ни́је Ме́дни До́л, не́го, ни́је У́мни До́л не́го Ме́дни До́л. Те́_ба́лоње на_мага́рета ка́ру ви́но. Сла́ву пра́зници. Не́ има́ло квó_да_се обу́в, не́ има́ло о́буѣа. Не́го_е би́ло све́ пр́тено би́ло.

Присте́јали е́, има́ло_се м_то́^у м_сýга, си́не. Не́ има́ло у́вече квó сýга штó_е. Седе́њеѣ би́ли. Има́ло и́_у зе́ме пе́_ју одведе́ та́м, па_ча́к иде́ по́се роди́тељ т_у́ доводи́. Не́где_у доводи́_у, не́где_си оста́не та́м. Приста́ју_се. Би́ло приста́јање. А́ли_е сýга бо́ље.

Пе́_у́вече_се скупља́ли, у́вече. Пе́_се_ложи ва́тра, пе́_мо́нци дола́зу. Пе́_ску́пљају_се, ра́ди_се. Пре́ље су_раде́ли.

- Штó_си не_по́чнеш да_при́чаш ка́кво штó_е, не́го пре́ље. При́чај_си ста́ринсѣи́, о́н то́ј тра́жи.

- Пе́_и_ја_сѣи́ уну́к има́ла. Пе́_и_о́н оти́шъл квó_ти́ штó_си дошъл. Несу́_ме купа́ли тька́ не́го на́ ли́с. Ту́рне ли́с пе́_ке́^ј_е офча́р, е́н оми́је. Не́ има́ло у_ла́вору квó_да_ме ми́је. Не́го пу́лива с_води́цу па́_трка, трка́, трка́. Пе́_га_обле́че. Те́_кво_е би́л. Че́_тре́ѣо би́ло, па́_дево́јче, па́_га ни́кој нее́_смотра́л.

- Нее́ би́ло, не́го ја́_сам тре́_ѣа би́ла, е́те, ка́_се... Ка́рај ста́ринсѣи́, па́_ме де́да купа́л...

- Мо́ре, ба́бичка_сѣи́, си́не. Не́_знам ја́ квó да_при́ча^м. Иди́ на_дру́го ме́сто, не́ка при́чају.

22.2. Јованка и Костадин Костодимовић, оба 1905

- Тие ђоце. Па га чека, па га чека. И чим, реко, дојде, една дѣидеш. И он дошъл и ете и ја сѣга.

- Има за воду на појату таѣи две флаше. Па се смрзне водѣ.

- Смрзнули си с и строшили с.

- И строшили с^е.

- Е, па строшили се, мрзело. Исприча ли? Иди, реко, да причаш на момче како треба. За Једрење, како су ишли през Албаниу. Све, све тој добро. А када мисш дѣидеш у Београд? Дѣиња е среда, ваља?

- Среда. Нее торник. Среда данас.

- Не знам, среда ли е, торник ли е, не зна^м. Па четвртак, па петак, па субота, па недела. Имаш чет^мри дана до недељу. Три, па до недељу. И сѣга какво нешто да... да најдеме да испричамо. Па нешто, какво, чекај да видим.

- Кво има да причамо? Кво да причамо?

- Знаеш, кат појдемо дидемо да беремо виноград. Е, кат појде едн. Отоди да бере виноград. А кат појде повше, отоду да беру виноград. Повше дш, повше. Па посе да беремо кукурус. Едн отоди, отоди да бере кукурус. А кат појду више, отоду да беру кукурус, сви. Тој два три, тројца кад буде. И чекај сѣга, бште да се сѣчамо за кво. Па после ишли смо да жнемо жито. А оно, ка думаш, ишли сме повше. А кат речеш, ишъл да жне ж... жито, сам. Едн. Сам. Е, па чекај сѣга. Отишли смо да поливамо градину.

- Башту.

- Башт... Градина, ние си каемо градина. И отишли. А ко су отишли, каже отишли, оно двѣ три тројца. Ако каже отишъл сам, отишъл, оно едн. Отишъл едн. Тако. Он, он прича какво при ѣи. Које беше, где беше се спремао? Ресторан. При ѣи ресторан спрема за свадбу.

- Па кафана. Те^а е тој ресторан^а.

- Кафана. А при назе ние си. Ако нема говѣина, оно се

кóло живíна. Вáри се сýпа. Ђјде нéшто пá да нáјдемо, каквó чемо.

- А квó че? Рáт. Рáтове.

- Свé ли испричáл ти?

- Па причáл тој нéшто, па не заборáм сам нéшто.

- Каквó през Албáнку ишли. А о^аниé магáрета? Несí казвáл?

- Квí?

- Што носíли амуни́цу.

- Па, нá на Крф тáм, на Сóлун. Износíли амуни́цу.

- Несí ли? Казвá ли?

- Несíм.

- Па кажí.

- На Сóлун. Ка долазíла амуни́ца из Фрáнцуску, па на Сóлун, па на стáницу си íду. Па óнда магáрета по дéсет комада, јéдан Грк командуе. На тоá ва́ља војска то́вари по двá сандџк^а.

- Магáрета нóс...

- На магáрета, па изно́су гóре на Кајмачалáн. Дé че да бóде да се отвáра бóрба.

- Едñн кáра кóлко, дéсет?

- Дéсет магáрет^а јéдан Грк.

- А они́ натовáрени с муни́цу. Оно́ пúтчка не мóже дрúго дѐ íде, сáмо мѐгаре. Па изне́су ј да да рáтују.

- Па трí гóдне смо имáли фрóнт. И за éдну ноћ бíла трí но́чи, за трí дѐна сáмо бацáли амуни́цу. Сáмо бацу амуни́цу.

- А квó они́е рéкли: "Не жáли амуни́цу".

- А, фрáнцуска пíше на свáки сáндџк: "Не жáли амуни́цу".

- Тí си не сéчаш се, каквó?

- Па пóсле кáт отвóрили бóрбу. Они́ о^тстúпили Нéмци, о^тстúпили Бúгаре, свé. За трí дáна и за трí но́чи и прекíнули бóрбу. И пóсе áјде по њí. Али, кáже, немóј да мíнемо по њí. Óд... Ископа ископана амуни́а бíла. Кáмене, дрва.

- Изђíнула војска.

- Па кóј војник погíнул, дабóме.

- А квó си казáл за у Рúску, кóлко е?

- За квó?
- На фрóнт. За рúсѝи фрóнт. Кво си ми причáл?
- Па квó?
- За рúсѝи фрóнт, кат су си онѝ бѝли одавна. Онó тóј детé нé зна. Каквó си заборáил кáт... Квó си ми казвáл дóгде, да се спрéму каквó ли, едѝн фрóнт изђѝне...
- А, тóј на... То^а е сѝд билó кат с Нémците.
- Изђѝне едѝн фрóнт и óдма друђѝ фрóнт.
- На Стаљѝнград онѝ Нémци. Нémци причáли [?] на Нémaц. Кáже: "Нѝе обóримо, кá^е, фрóнт рúсѝи..."
- Рúсѝи фрóнт.
- Штó, кá^е, дóгде нѝе, кá^е, па покрéнемо, друђѝ фрóнт пошáље.
- Друђѝ фрóнт.
- И обóримо и њéга, ајде по њéга, квó, обóримо трéѝи фрóнт. Остѝпили.
- Áли квó ти казвá? Óт шеснáес гóдине Рúси мобѝлисáли вóјску.
- Стаљѝн. Вóјска. Млáди децá.
- Óт шеснáес гóдин, Óт петнáес, Óт седáмнáес, од осáмнáес. Свé мобѝлисáно. Па зáто имáло тóлко вóјска. И онѝ едѝн фрóнт обóру, óдма друђѝ фрóнт. И несú мóгли да да ѝи овóљу. Они мислéли да овóљу Руси, áли несú мóгли. Нémaц.
- Хѝтлер бѝл при Стаљѝна на вечéру. Кáже: "чу ти прóјдем, кáже, Стаљѝнград". Кáже: "Áко ми прóјдеш Стаљѝнград, ја ти Мóскву дáм бе³ зр́но бáрут". Стаљѝн. Да му дá Мóскву без зр́но бáрута, áко му прóјде Стаљѝнград. А он потрéфил. Вóјску сýг на Стаљѝнград.
- Тóј Нémaц рéквѝл. Да ти прóјдем Стаљѝнград.
- Áли нѝје мóго да прóјде.
- Па нéе мóгло.
- Остúпио е и Хитлер се убѝо.
- Онó тѝ, сѝне, нé знаш, тóј давна билó. Онó детé нé зна тóј. Тѝ нé знаш тóа рáт штó нѝ^е ратувáли.
- Стаљѝнград. Бóрба. Па тáмо удáрили Амéрика и Ёнглеска.

Авио́ње. И Фра́нцуска и та́м поде́лили са́д та́ј та́мо, квó бéше?

- У Не́мачко поде́лили. Не́мачку на́ на_три́ де́ла.

- Квó му ймаше?

- Тí рече, ч́мисе, А́мерика, Фра́нцуска...

- Па о́ни, о́ни о́ни. Е́нглеска и А́мерика и о́ва и Фра́нцуска, че́т^{ри}ри, и Ру́сија. А́ли Ру́сија с во́јску, а о́ние с авио́ње. А́мерика и Е́нглеска. А́мерика и Е́нглеска баца́ла бо́мбе из авио́ње. А Ру́сија пош́ла със_во́јску.

- А́ли сýга у Не́мачко ко́ј вла́да поло́вин?

- Па и Фра́нцуска.

- Ед́н де́л.

- Ед́н де́л. Ед́н де́л А́мерика, ед́н де́л о́ва Е́нглеска и на че́т^{ри}ри де́ла поде́лили.

- Па и Ру́сија ли е та́мо?

- ... не Ста́линград, дру́гакво бéше.

- Дру́гакво бéше, т́и ми казва́. Голе́ма држа́ва. Берли́н. И поде́лено. И ру́ска во́јска се́га та́мо ед́н де́л.

Да ли́ е ста́ро се́ло? И За́град'е ту́ј се насе́лили. Па за_то́ј су о́ни побéгли о_Ту́рци. А́ко има́ло не́кој, о́н_е избе́гъл. И о_ту́ј дру́м, па пролази́ли, па б́или, па... Па дабо́ме и о́ни избе́гли. Е́те, квó на́зе не́кој б́ил се́га не́кој, а т́и мо́ра да бе́гаш.

- Пара́деда покара́ о́вце и гове́да и ко́ла и де́ца, па побéгли та́мо ку́де Бо́левац със_све́.

- Й́ кру́па со́л б́ило, Бо́г_зна ко́лка. Па_се_ка́тали сви́ње. Кад_б́или Ту́рците. О́ни да_су зна́ли че_^есо́л, о́ни б́и_га зо́ли. Не́го_се сви́ње ка́тали, ка́тали на́ кру́путу и не_ви́ди_се да_е_со́л. Й́ о́ни_си у_т́и, ка_су дош́ли... Т́ие ш́то побéгли, на́ши. О́ни_си узéли с́лта. А́ о́ние Ту́рците несú зна́ли. Зы́ш^{то} о́но ука́вано, не́ не_ви́ду да_е_со́л. Не́го кру́па Бо́г_зна ко́лка. Па_си по́сле поде́лили. Сýс комши́је че́ не́ма.

- То́ј б́ило...

- Па_ка_ду Ту́рци изле́зли, ка_ду о́ни изле́зли.

И_сýга, не́ма квó да_при́чамо ви́ше... О́но мо́ж да_се_се_чамо, а́ли не_мо́е се_се́тимо, не_знамо. Тре́ба да_се_се́тимо, о́но

не знамо квоче. Да потсѣти она, ја би испричала, али она оче да потсѣти, него искочи. Да испричамо. Че улѣзне она, ваља донела кукуруз да троши за свиње. Ё, не уоудите.

- Трѣс години сам радел сас коњи, трѣс години. Па после ми...

- Два моња смо имали.

- Едну смо продали, а едну ми згазил вѣс.

- Казвала сам му.

- Има анове. Што се тура на коњи. Ам за коњи.

- Има ли при вазе?

- Па коњи има, дабоме. Цар Никѡла послао после по Турци за назе, за Србму коњи, а Бугари...

- Ајде нешто, кае, ти да потсѣтиш а ја да га каем. Нешто да видимо.

Што се игра на лопту. Ние несмо... Ние пь очувамо стоку, дечурлија, па се играмо на лопту. Пь тој свиња, на свињу. Па се тој играмо на лопту, па... Несмо имали туо муку кѣкво сѣга сећирација. Него едно дете чува свиње, друго ѡфе, трѣћо говѣда, чувамо стоку. Несмо текуву муку имали кѣкво сѣга. Школа нѣе било, кѣкво сѣга. Чин се родио, онѡ ѡдна отишло по школе да учи школе. А онѡ си добро школе. Али одавна нѣе било тѣко. Па играмо се на лопту. Тоа фрѣга натам, ѡња на навам. Лѡвимо туо лопту. Гѡнимо се по ѡној. Чувамо стоку. А тие наши унуће. Они понесу лѣп. Сѣс лѣп, тие едно друго, па гѣре прѡстиру по сѣс по ѡфеце прѡстиру па рѣчају, па... Свакакво е било. А сѣга школе.

- Сѣга лѡпта, лѡпта игра.

- Сѣгаф тие деца на лѡпту. Тој другакво, а нашто било другакво. Па не имало школе, па нѣе имало ништо какво сѣга. Сѣга школе, па свакакво. Али боље што има школе, а нѣе какво ние одамна. Едѣн разрет сѣм учила, кѣкво, кад нѣе ни ѡн. Али, ете, само што ка^е ѡња, знам да си запишем име.

Пѣшли смо и тој. Видиш ти, пь ѡно се сѣчам. Па на се дѣнѣу ишли смо. Па момци, па девојѣ, па... Грѣнице. Понесемо паздѣр. Ја, понесѣ друга, трѣћа. Па там накладѣмо ѡгањ.

- На у́лицу, на со́как.

- На у́лицу та́мо, па мо́мци, па дево́јке, па пѣсма, па...
Па пѣсма, па оно́. Кажу. Забура́мили смо тѣе пѣсмете, оно́
дали́ је ско́ро било. Оро. Па игра́мо, па сва́какво било. А сѣ́га
се осе́ћирали и деца́ и све́. Едно, дру́го. О́на не́ма едно́, о́на
не́ма дру́го, а ни́е... Било́ све́ една́кво. Ти́ не́маш, ја́ не́мам,
о́на не́ма. Сѣ́га тре́ба сви́ де́јму една́кво. Па се́ћира́ција. На
на деца́ и е́те на ти́ је др́тите и.

- Па ста́р, ско́ро осамдѣсет го́дине.

- Пѣ́ ода́вна е́ било. Кво́ бе́ше оно́ј. Па не́моу се́ сетим.
Ја́ че се́тим, али́ јутре. За пѣсмете. Па не́мож се́ сетимо. Е́те,
јутре кад́ буде, ни́е че́ сетимо, а сѣ́га не́може. А тре́ба
да се́ прика́же. Тре́ба се́ прика́же све́ какво.

- Па до́јде ме́чка. Де́те. Накла́ли о́гањ на́поље. Не́ има́ло
ку́ке. Не́го коша́ре ко́ за сто́ку.

- Па оно́.

- Накла́л о́гањ и де́те врза́ли за́ е́дан клѣн, др́во. За др́во.
А ме́чка до́јде, а о́гањ те́ка́ накла́ли на́поље, на́пољ та́мо у њи́ву.

- У њи́ву де́то да ра́боту.

- Ту́ј де́то бре́ поди́ брѣсто^Вете. А она́ дошла, она́ и
ма́јћа му, ба́ба, и ви́ка: "Ова́мо, де́да Па́нко, ова́мо ба́то
Па́нчо". Та́ко се́ зва́ли. "Ех, ме́чка че́ ми изде́ де́те". А о́ни
пошли́ с то́вађе, с мо́тке да у го́ну. А она́ клеча́ла те́ка́ и
греа́ла се́ и љу́ка ту́ј до њу́. Попљу́ву.

- Попљу́вала.

- Па си па́дне, па си оти́д^о та́мо има́ мли́н, буна́р, па
куде́ буна́ра, па по́ре пото́к.

- Али́ ко́ је бил у љу́ћут^у?

- Де́да Јо^Ван.

- Де́да Јо́ан. А то́ј, ба́ба Не́на му́ ма́јћа. Па њи́ ви́кала...

- Ви́кала де́да Ба́нка и...

- Стра́ ју́, че́ изде́ ме́чката де́те. Оно́ у љу́ћу ми́њинко
де́те. Али́ она́ не́е штеала.

- Са́мо попљу́вала га́ па си...

- Па_не́е ште́ала. И_ете, тб́ка. Е́те, Душка_се се́ти,
па_не_мо́е се_се́тимо.

- Де́да Це́цко_ми прича́л Костади́нов. Има́ло ме́чка та́мо у
Љути_дол. Па_има́ла ме́чета. Па́ на́ једно др́во ова́кво. А_о́на_ѓи
тури́ла нѝ^х две. На_то́ј др́во. А_де́да Костади́н про́јде, па́
ѓи_уби́је о́ба_два ме́чета. А_они́ о́на ме́чће ме́сец да́на по́сле
[ме́ало] да_про́јде ту́ј, де_су били́. Са́мо ба́цу ме́чће ка́мења и́
кра́де др́во су́о. Па_ба́ца и́ рову́. И́ по́сле ме́сец да́на они́_се...

- А́ли они́_ђи убилѝ, ме́чће.

- убилѝ ме́четата.

- Ме́четата они́ две.

- А_мо́ј де́да, та́ј де́да мо́ј пара́деда. Пош́л да_и́де о́т ту́ј
о́т кошáру. Била́ сто́ка. Па_д^а_и́де та́м на́ Топли́к за_во́ду. А_па́
пош́л... На́ това́гу. Крча́ги, бало́ње.

- Кво́ има́ло. Еми́, казва́_ли за́ за_о́нѝе што́ погорели́?
За_о́нуо^а кошáркуту,

- А_е^во о́вај на_ову́, на_Јови́цу, ње́н пбра́деда, чуку́ндеда.
Узне^е дно́а бра́т, а_има́ње_му ту́ј у_Топли́к, гдѝ и_ту́ј водени́чк^а
има́ло. Па_у́зне пѝ_оти́де пѝ... Они́ били́ у́ кошáрку. Не́е ку́ће
има́ло, кошáре. Па_уби́е и_бра́та, уби́е и_жену́, уби́е и_бра́тенец
и́ жену́ и_детѝ малéчко, та́ко о́т полага́одина.

- То́ј да_ли_си ти́ почел́ али́...

- Кво́?

- За́ ма́ма лежа́ла а́псу што́ прода́ла кра́ве.

- Бѝ_кове.

- Бѝк, бѝк. А_о́н бил́ Бе́г зна́ ко́љѝи те́жак. Мо́жда_га
има́ло се́дамсто́, о́самсто́ ѝи́ла. Па_му ту́ка на́ врат то́лко_се
нади́гло. И́ лежа́ли четво́рица: бѝба Да́нка Прва́нова и_мо́а
ма́јѝа...

- И_Ри́ста Креча́ра и́ о́ња...

- И_Ри́ста Креча́ра, Сеја́ Јо́нтоло.

- Че́ прода́ли...

- Прода́ли бѝ_кове на́ Не́мци.

- На_Не́мци несú прода́ли, на́ на_Бу́гаре. Па_лежа́ли а́псу.

- Ка́д били́ на_Со́лун.

- Па мój у́ђа Прван. Не снe нiкој да га поведе. Па мój у́ђа Прван понесe едeн цедивак Бoг зна кољи сeс кукурус. Опрти га тька. Па поведе oна бик нoчъм. И кад га поведе, на Тoдора Мaцин онi је басамaци били, оно вие и не знате... А он сeс рoђи покарал онie басамaци. Па сeс искрути.

22.3. Јованка Костодиновић, 1905

Како, име и презиме? Јованка Костодинович. Име и презиме мене Јованка Костодиновић. Па, квo, пeтe гoдинe или шeстe, дeвeстo пeтe... Ели, ели шeстe, ели пeтe, оно, пeтe, пeтe, дeвeстo пeтe сeс под'ен.

Ја кара Кoту да дoјдe, он најбоље тoј знаe да испрiча али: "Зимa ми," - кae. Та, тoј сeга, дe, другo да тражимо квo има.

Да му прiчам сeга, кат идeмо да бeрeмо грoјзe, кoлко дyш. Отишъл да бeрe грoјзe, квo, оно едн. А кад рeчy: "Отишли да бeру грoјзe", - оно сви. Ели тoј така?

П^a да ли чe тoј там да сe казва како тyј? Ајдe да му бaeш. А јa чу записем на капyту: "Да донесeш дeвeћила брашно, па бeба Јонка да ти бae". Кoј дoјдe. "Да донесeш дeвeћила брашно да ти бaба бae".

Издатуље, фатуље,

стy, стукни издатуле,

гдe си улeзлo, тн да мскoчмш,

ели на дyпe ели на yстa.

Тoј издaт кeт те бoли стoмак.

Мешина, а'а.

Стy, стукни, издaтичe.

Пe тьфри сe, како јa уципилe. Натьфрила сe сe. Еј, п^a оно млади да сe тьфру чe млади, а мене стo гoдинe, квo чe јa тьфрим кь сe сe стaра.

Братенец. Ние си кажемо пo вратарсџи братенец. За сестриницу сестриница. Не, братенецe смо рeкли, негo жeнскo сестриница.

Бѣбо_Тона. Ао, ишъл_си там, при_његову баб^у. Значи, ишъл_си при_туо његову бабу_т^{ам}. Па_тамо_ми била сестриница. Па_на_туо бѣбу_Тону. А_тоа_па^к Пѣра на_сестриницу_ми зѣт. Па_побѣгъл од_њи. Остаил двојца сѣнове. Па_отишъл, узѣл друг^у. Пѣра то^а. А_таа бѣба_Тона, кат_си ишал, она седѣ_ли, или лежи? Лежи. Па_кој_те одвѣл тамо, Пѣрѣ? А, она Бобан. А, помлат. Дрѣтија Бобан, а_она Саша, Сашкѣ, Саша се_зовѣ.

А_за_тѣ Буданци не_знам, Пѣро. Па_да_ли Тодор Буданч^о убил брата или_Ванча брат^а? Па_јале, квѣ_се затрѣли нема нигде_никој.

Пѣ_оно тој, едно момчѣ... Па_га убѣли, мислѣли, че_оно има паре. А_кад_га убѣли, оно_га деда_Павал убил. Па_јале види_се^н ну кућа стала пуста. Нема никој_у_њу. Убил_га тој. Оно пошло за_у_Бугарску. А_он_га убил, мислѣл че_има паре. Кад_гѣ убѣли, па_га претрѣсли, он_остѣо паре_му у_цѣп. А_он_га убил за_паре баѣм. Па_и_и_тѣка_и_билѣ. Кућуту узѣли туѣнци, имѣ^а винуту узѣли туѣнци. А_он убил тој дете за_стѣо паре.

Чуждѣнак да_ти_узне кућу, имѣ_вину. Туѣм човѣк, кој_ти не у_фамѣлиу. Па_каже_се_и_чужди_и_туѣм. Некој_каже_туѣм, некој_каже_чужди_и_тако.

Квѣ_сѣм чувала ѣфце, па_сам одѣла бѣса. Сиротѣнска држава, нема опѣнци, нема ништо нигде. Чувам ѣфце, чувам козѣ, чувам свиње, свѣ тој заедно. Ёј, а_пѣсе_смо_се_огазди_ли, кат_смо_прибавѣли свѣ.

Ка_дѣјде другѣм_понадѣлак. Понѣдѣлник. Понадѣлак, торник, понѣдѣлник, срѣда, четвѣтак, пѣтак, сѣбота, недеља.

Забурам, па... Оно_има_пѣсе, че_се_сѣтиш_накат, али_сѣга_бѣш_не_може. Па_то^а_е.

Он_тој_казал_да_изнесѣ_другѣм_човѣк. Па_мзлагал_тој_Лѣже.

Та_сѣга, колка_дана_си_туј_седѣл? Сѣдѣм. Али_када_че_д_иеш_у_Бѣограт? Јутре, зајтре? А, јѣште_трѣ_дѣнѣ, па_дѣбро.

Јао, ајде_да_видѣмо, квѣ_че. Квѣ_смо_чували_ѣфце, квѣ_ско... ѣо, квѣ_смо_бегали_ѣт, кат_се_размѣрило_пѣ_планин

гóre. Па_о́фце, па_козé, па_свé по_планин гóre. Несмó били́ от појáту, па_на_другу појáту. Па_ни́е_смо бли́зо до_Бугарск^у, до_Бугаре. Ѐмамо имóвину. Грани́чимо_се със_бугарску грани́цу. Ни́е. Упíрени тáко ливáда, њíва у грани́цу. И_ту́ка и́на карау́ла. Ѐмамо имóвину тáмо. Дó, онó_се зовé Ђирéво. Видимо_го од_наши њíве види_се тóј бугарско свé тáмо. Што_кá о́на, ни́е_се грани́чимо з_Бугаре. Па_тáко_е.

Па_смó бегáли тáмо и́мамо појáту другу. Па_смó ка_смо_си дошли... Онó тóј_се пóсе развáлило, дéсет гóдине, двáес, квó ни́ идемо у_тíе њíве тáмо. А_кáт_е било́ нéкада. Ора́ли_смо зá жíто. Тóлки клáс црвéнка жíто па_куку́руз бéремо тáмо. А_сéга тóј_смо ману́ли. Ту́ј_си и_падимо пóкрај Тíмок, пóкрај вóду. Не_идемо у_туó планину гóр^о. А́ли до_Бугаре_смо, до_Бугарску грани́цу тáко. И_éте тб́ка.

Сб́га Ду́шка да_ти_запíше и́ме. Че_забо_ура́имо квó_ти_се зовé. Онá да_запíше, па... Кóта_ме пíта, квó_му_се вíка? А, ре́ко, онó_ми дете́ казвáло, а_ја_сам забувáрил^а. Кáко_се зовéш. Па_квó да_се_пра́м. Кат_идеш тáм, тí_че да_причаш при_тво́м, квó_е ту́ка при_на́зе. А́ли да_си_могъл, ишли́_би, éте, тíе наши кат_пóјду на_свáдбу, па_би ишъл сб́с_на́зе да_глéдаш сáмо, штá_е. А́ли нéе се_десíла тькá свáдба. У_нашу фами́лиу, á тькá у_ту́бу не_мó д_идемо, не_зовé_те. А_кат си_наша свáдба, ни́е_си идемо, наша фами́лија, тáко. А_туд'и́нци те_не_зовé и_éте тáко. Ѐ погледáл_би, кб́квó_е при_на́зе. А_при_вáзе_е тóа рб́сторáн, свé спрéма? А_пáре не_дават^о? Кат_се_иде на_свáдбу^у. Па_не_даву пáре квó при_на́с? Па_на_тíе млади? Понéшто, нéкој пáре, нéкој тб́кóво, нéкој што_кá^ош, Ђили́м, а́лину. Тб́кá и_при_на́зе даву. Нéкој пáре, нéкој тб́кáв^а.

Éте, ту́ри тáмо т^о Ђипне вéда, па_мéтне кáфу. И_пóсле насíпе у_шо́е три́ли, чéти_ли. Тáмо, вáмо. Пь_свé рéдом насíпе и_мéтне ши́ер тáмо. Кóлко кашíке кáфа тóлко ши́ер, тáм у_лóнч^о. А_пóсе, áко_ти_је гóрко, тí_си досíпе ши́ер.

Несб́м бóлна. Несмó бóлни ни́што.

А́ли, éте, кб́т_смо_се нашли́ тькá, да_ти_испри́чам да_си... Чé ти_се_тражи тóј. Јá думáм при_кóту: "Сíлно момчé, - ре́ко.

- Кат улéзем, оно́ одна се дига, поздравља се" - реко. А оно́ свађи не може да буде, да дојде. Него тебе нашли, побожан и паметан и добар. Па си дошъл. Пъ плашту ли ти нешто што си дошъл? Па зарадел си. Кóј би дошъл тька. Али тебе си, тебе си паре дѣ даду. Што си дошъл, а?

Сегашни ратове што су. Што смо били кат, виш квó ти причам што смо бегали. Тóј су ни ратове. Па натоваримо казан, кола, волóве. Мајћа ми појде, а башта ми у ропство, нее бил туј. А ние бегано. Имала сѣм сестру, брајћа, бегано. Посе, ка дојдомо, нема нигде ништо. По кућу потикано. Дóгде се снабди. Оно́ е мука голéма, али квó да се прам, тако е мóра да буде.

Мéко време. Мéко да нема... Ние може димо дѣ збiрамо тóј сéно. Тóпло ако буде. Може дидемо за тóј сéно. Ако буде тако студéно, ние нече димо. Како дньска ако буде студéно. Ако буде пóтопло мóж дидемо за тóј сéно да збiрамо.

Шта́ че дму, дрв^а, па че згáзу сенóто. Има да сечу не-какви дрва.

Он че да види тьгáј. Ако удари снэк, че да види гдé се смрзне.

Кóј ме види по пúта: "А Јóне, е л си чула нешто да ни кажеш?". Јá кат чуем нешто, јá ми кажем. Кáд не чуем, јá ми не кажем. "Тí знаеш, дé, да ни причаш". Ајде, квó че ви причам.

Име. Он мене квó кэзва, јá га забувари. Забуваримо.

Да поседиш малко више, они би дошли. Али њи сэга нема. Лéпи децá имамо. Сáмо несú туј да ги видиш. Ёбави, ние кáмо ёбави. Ёбави децá.

Кóј гóри креч и кóј гóри циглу, он се мучи. Па вóзимо камен, па мајсторе, па цигла се пече, па се прам цигла. Кá смо туј дошли, ти знаеш да туј не имáло тѣкóво, тóј било на Драгúтна кућа, па свé тóј се развáli. Купу... купимо тóа плац, погóди Кóта за, за дéсет милиóна, мóре, какви милиóне, за дéсет м... за лёт иáде, педесé иáде, за четерéс иáде погóди тóа плац и кућу óт о Драгúтна. Па нема дéсет иáде

че_тréба педесé и́ладе да_бúду. Педесé и́ладе. А Вóја на_Лётка Рáдов: "А́ брe, бáте Кóте, квó тí прáиш?". "Па_éте, - кáе, - погáцамо кáо о_Драгúтина тýо кúћу и_плáц да_кúпи. Па_нeмáм, - кáе, - десет_и́ладе". "Не_кúпиш_ли_га, - кáе, - овóга мoмeнта, че_га_кúпи дру́ђи и_тí остаде бe^с_плáц". "Па_нeмáм десет_и́лад^е!". "Јá_чу_ти да_и_дeм", - кáе. "Пá^е_ли_тréба да_ти_врнeм?". "Че_ми_врнeш, кá^т_стíгнeш". Па_му_да^мдe десет_и́ладе, тá кúпимo тóа плáц. А Стáнко покóјни: "А́ брe, тáте, квó тí прáиш?". Онó тьгáј билí скúпи пáре. "Квó тí прáиш? Тí свe дúнaш нeмaш пáре, нeмaш пáре, а_сeгa купúвaш, - кáе, - плáц и_кúћу о_Драгúтина и_свe...". "И́мáм, - кáе, - пáре. Иди́, - кáе, - Пeро, донeси́ тí пáре". Он донeл тíе чeтeрeс_чe чeти_и́ладе, á óнa_му да^мдe пóсe десет_и́ладе, тá доплáту тáм. Али_кóј бeшe у_óпштинуту? Дáнко Дáнчин. Пá дру́ђиe да_му исплáту. Пá ви́кнyли тóга Драгúтина. "Драгúтинe", - кáе Пeра... Кóта рeкe: "Иди́, Пeро, ви́кни Драгúтина да_му_да^мдeмо тíе пáре". А_он_отишъл, па_га_ви́кнyл Драгúтинe, а_он_e рeкe: "А́ј, па_и́мaш_ли?". Онó цeло сeло знáло че_нeмaмо десет_и́ладе да_му_да^мдeмо, па_ни_вeја дá. Пá му_да^мдe тíе десет_и́ладе. Пe_онó цáбe тóј кúпeно, на_тýо гóдину, на_тeј_врeмe. И_éте, тeкáвa_ти_e рáботa.

Пá, тá кúпимo тóа плáц, па_пóсe ви́кнeмо нáјстoрe, па_гóримо крeч, па_вóзимo кáмeн, па_сe_тóј_нaпрáм, па_éте, сeгa згóдa, eнe у_штáлу^о гoвeдa, тýј_вóдa, тýј_ранá, eнe, з_гóр да_сe_пyшти, згóдa.

Мóре, óш_јeднó бeшe, па_га_јá_зaборáм квó бeшe. Óш_eднó да_испрiчaмo^у. Éтe, квó_e. Јáо, квó бeшe, па_съм_га_сýгa зaбувáрилa. Óш_eднó, áли квó бeшe? Éтe_ти. Тóлко_сам_сe сeчáлa. Лeлe, квó_нe_мóжу.

Кóта_ми_прiчa зa_eдън_нáш, бiл_пoгрбничáр. А_онó, двoицa ајдúци билí. Па_ви́ш, че_сe_нe_сeчaмo, брe, нe_сeчaмo_сe, á знáм тóј. É, двoицa ајдúци. А_тóа_пoгрaничáр_ишъл_от_eднy_кaрaулу_зa_дpyгy. И_кaт_пoшъл_тýкá_пo_пýтичкy... А_тóа_ајдúк_eдън. Eдън_кóј_знáe_гдe_отишъл, а_eдън_сeдeл_нa_онyо_пýтичкy_и_пyшкa_до_нeгa. Дa_уби́je_тóа. Онi_нeкoлкo, кáе, вoјникa_тáм

погинули на тую, на тую пүтичку. Түј тме ајдүци чекали, неколко војници погинули, пограничаре. Иду о тую караулу на онуо, њим тако наредено да оду. Али тоа наш едн ишъл тька по тую пүтичку... Па, а он седбл на пүтичкуту и пушка до њега, да убије тоа пограничарѣ. Али тоа пограничар ишъл тька, па оно билó малко као смүтно тька, а он тоа ајдук седбл, па му се само виду колéна тька. Али он заспал, заспал. И седбл тька, тька седбл и заспал. А тој иде о тамо пограничар. Па че да мине по тую пүтичку. И види колéна на човека. Али он како е заспал, колéна му тька до пүтичкуту. Он чекал да гѣ убије, и пушка түј и све. Он како е заспал, а она га видел, и... Он си носил пушку, тоа пограничар. И запали с ону пушку, па у њега. И од едн метак гѣ убије. У срце гь удари некако и убије га. Он бил заспал. И ка дојде до њега, мртав човек, убит. Он ош едн метак два му удари та га добије, па си појде по тую пүтичку.

Па имало неко пиљар, некој човек със... Држал дуан, тьково, реку, тьково, дуан. Минул... А он минул па сврнул там, при тоа човек. Па рече: "Дај ми, кае, одну реку да попијем". А он казал, тоа старец. А оно му се зове на тога пограничар Станко. "Ај бре, Станко, ти, ти си ми невесел. Што си невесел". "Па како несъм весел, мене ништо нее". Ајде на натам, ајде, ајде, ајде. Па најде ош едн там пиљар. И тан да узне одну реку. И он му и тоа рече: "Бре, Станко, ти си ми нешто невесел". "Пь што сам невесел, нее ми ништо". Па отиде там при командири, па каже. Па и тоа му командир рече: "Бре, Станко, ти си ми нешто невесел". Како, ка^т су знали, они нису знали, тька си га питали. "Што несъм весел, кат съм си весел". Па отиду после при тамо па при њин командир, какф ли је. А они му дали слику од тме лѣпове двѣци^а. Дали му слику и казали му: "Станко, каже, да се чуваш, тоа че те убије, кае. Тоа че те окока. Таа слика че те убије, от тоа лѣпоф". А он у носил у њега слику^{ту}. И кат стигл там па при тме њиши командири. Тој други дн. А он рече. Они па му рекли: "Ти си ми невесел, Станко. Па што си

невесел?". А он извади онај: "Ево га, кае, тоа гото". "Чути бре!". "Ама, гото^Ф", кае. "Па како?". "Па тако, каже, ја идем по путању и видим њему колена. Он заспал и ја од едн метак уби^Гем га, каже. И кат отидо там, гото". После отиду, та појде тоа командир свскоњ и оште двојца там при њега, при тоа лѣпоф. И виду че настрада, убит. Уз^Не му пушкату и узну га за руке, и за ноге, пь у едн дол га фрју. И отиду си.

Он чекал да гь уби^Ге. "Он би тебе убил, кае, туј колко ми дѹш, каже, војници настрадали". "Али ја га, кае, некак^Во уби, кае. И е тѣка видо га и он заспал и тако."

Причам али сам заборамла, видиш ли. Тој ми Кота казвал. Ете, тѣкава ти е работ^а. Дало Бог да га убил. Та спасил друђи војници, колко дѹш, кае, настрадали там. Па он заспал, за тој пођину^Л. Не би он пођину^Л, он би убил другуга. Пь убил би тоа пограничар. А он наш ьтука човек и убил би гь.

Тој сам па... Видиш квó сѣм га заборамла па се сети! Ајде да прикажемо, реко, и тој. Тој от квó сте си отишли, ја тој мисли да приказвам.

Ај, па дѹшка поче ти и тој. Какó пођинул, а тоа на моу мајћу свѣкар. Његоф син пот... Под^бведе некога другога па г^а убиу. На сина му се викало Марко. А на мамин свѣкар се викало деда Никóла. Чилелѣа му дума... И он подведе неком други човѣци. И тоа пѣкли пѣкѣл ређиу и преспавал тамо на тѹо клѹпу њињу. Тоа син му дојде и навие на на трмокоп крпу и ударил гѣ у главу. Башту си. Морѣ, друђи га убил. Али тоа син му наговóрил неко^уга. Па га убил, а бѣба Ганка... Е дошъл тоа њоњ син: "Ај, мале, где е тата?". А она рекла: "Па пѣкѣл ређиу. Убил га Бог да га убил, па га нема да дојде. Ете му опинците тѹка сѹшу се, а он га нема да дојде да се обува, када че д иде по Стричевицу горе при офце и нема га". А он: "Ај, мале, па јале тата пођинул?". А он подведе некога па г^а убил. Башту ту. "Ај, мале, па јале тата пођинул?". "Лелѣ, па кој г^о уби, па квó бѣ, па штó бѣ?". Па после ьтужу моју мајћу. Тоа ъегоф син, да га е она, подвѣла некога, да га е

она́ уби́ла. Она́ му сна́а. Али да́га_е она́ уби́ла. Па́ тега́ва ну́ уа́псу, па́ и тура́ли тека́ ту́ка не́какви ма́чће, ни_ја́ не_знам то́ј, па́ стиска́ли ти́је пр́сти да_она́ при́зна да́га она́ уби́ла. Али она́ не́е то́ј. И не́... Лежа́ла, не́_знам, не́колко, пе_дана_ли, два_дана_ли, три_дана_ли а́псу, али_га не́... Она́ не́е уби́ла. То́ј то́а си́н му не́коу́га подвёл. Па_после... А_она́ му се_па́да сна́, на_то́а си́на му. Па_после́ он ре́квёл че́ она́_га уби́ла, мо́а ма́јћа. Али она́ не́е. Видиш, Ду́шка се_се́ти, бре́, а_ја́ не_мо́жу да_се_се́тин. Та_е́те, и_то́ј приказано.

22. 4. Јовица Марковић, 1924

Да_ти при́чан кат_смо кла́ли сви́њу. Па_дојдо́ше дву́јца касап^м. Мо́ј Љуба не́када има́л_си он два́ при́јатеља, зна́ш, па́_си пи́у сас_не́га. И_ту́ј п́лна со́ба са́с љу́ди. Сви́ња голéма. Али дру́гија дьн нашёл е́дан човéк ту́ј комши́ја, па_се́га он љубоморен на_то́га_е што́_га Љуба не́е ви́кал то́ не́га, не́го ви́кал дру́гога. Он ка́д улéзе на_вратата, а_то́ј та́чно би́ло, ка́д улéзе на́ вратата, а_ово́: "Гле́, гле́, че́да (та́ј_се че́да зва́о), гле́, гле́, че́да касап^и". А_она́ о́ња_свс, то́ј че́да свс_но́жа па́ исече́ вену́ту и_сво́. Па́ ка_љу́^вну кр́ф, ни́е кат_се упла́шимо, па́ ту́ј има́ло станова́л_е гдé Љи́ља е́дан шумар, Све́та_се_з ви́кал. И_она́, и_она́ би́ла та́ жена́ ту́ј да_ми помо́гне. И́ е́дну кошу́љу исцепи́мо па́_му врза́мо ру́ку. То́ј ју́рну кр́в, вéне, зна́ш како́_е. Па́_га Љуба одвéде ко_до́ктора, а_о́ња оста́де ту́ј. "А_бре, ре́ко, квó на́прави ти́. Човéка у_пропасти". Па_ка́е: "Што́ па_да_не́. Па_што́ не_ви́ка Љуба ме́не". "Па́ не́че ви́кне те́бе што́_си пи́јаница. Па́_те не́че ви́кне". Не́го ви́кнул не́га, што́_е и́пак човéк ма́лко ти́^х, пољгачке ра́боти. И_одвéде_га Јуба при_де́ктуре. И_му_да́доше инéкци́ју тетанус прóтив трóвање, он дојде́ ту́ј. Али не_мо́же, ру́ка у́вита, све́ па_отéче, ру́ка то́лка. Посе_се посвађаше с_Љубу. "Па́ за́што, бре́, тка́ да_напра́мш човéка_бре, за́што_бре". А_он се_сме́е, напил_се па_се_сме́е. То́ј та́чно би́ло тка́.

Па_смо би́ли са́ми, ја́_и мо́ј му́ш и_не́гова се́стра. Па́_се

она́ о́жени у Грла́н. Ми́ оста́домо з де́ца́ си́тни. Па_ка́д на́па...
уле́зоше Не́мци при_на́зе, па_не и́скараше и́с_ту_ку́ћу, а_ни́^е
оти́домо го́ре ко^тчи́чу, ко_то́га Ла́зу што_ти ба́ба Јо́на казва́ла.
И_ту́ј_смо седе́ли го́дину да́на. По́се ка́т_се ве́ц' Си́ри ра́т,
ми_се врну́мо. По́се дојде́ мили́ција, па_не_о́пет и́скара.
ПЕ_оти́домо по́ново го́ре при_њи. И по́ново_смо седе́ли го́ре. Па́
ка́т_про́јдем, иде́мо на_њ... на_њи́ву, па́ ка́т_се врне́мо_и... А
они́ отво́рили про́зор па_пушти́ли ра́дио. А_ја пла́чем, пла́чем,
криво_ми... Отишла́_сам го́ре да́ доса́дуем на́ дру́ги љу́ди, а
у_моу ку́ћу се́ду мили́ција^{ја}. Па_ту́ има́ла е́дна кру́шка. Она́_је
роди́ла би́ла п́лна п́лна. Ка_до́јдомо ни́е да́_си оти́немо,
не_сме́амо. Мили́ција ка́же: "Не, то́ ни́је ва́ше". "Ама, квó не́е
на́ше_бре. То́_је на́ше". "Ма_јо́т, до́ смо_ми ту́ка_е то́_је на́ше".
Па́ се́ћира́ција дубо́ка.

Ка_смо би́ли до́ле, јо́ш_су Не́мци би́ли. Че́кај, не_мо́г^у
да_пове́жем ја́ то́ј. То́_је ве́лика при́ча. Па_смо побегли до́ле
где_смо има́ли мли́н. Ми_смо до́ле седе́ли ме́сец да́на. Та́ј мли́н
раде́л млина́р и_воденича́р. Воденича́р на_про́с ка́мен, а
мли́нар_је на́ она́ј ка́мен где́ се_произво́ди бра́шно бело́. И те́к
упа́доше Не́мци од_Грлешку ре́ку на_мли́н, на_водени́цу. А_мо́ј
чо́век Љу́ба, он ка́т_поче́л да_бе́га па_пре́зе_а куку́рус, бе́жи
па_бе́жи, па_бе́жи, они́ по_ње́га да_га_уби́ју. Па́ побеге́. Е́дан
по́ток се_зва́л Дли́боћи́ Дóл. И_побеге́ н н^а_едну́ појату́. А та́ј
чо́век се_зва́л Ке́ле Црве́њак, те́кó_му надима́к. Та_ј^е ту́ј оста́л
жи́ф. А_ни́е ме́сец да́на смó седе́ли на_водени́ц^у, па_по́се
побегóмо у_Крва́рника е́дно ме́сто где́_смо има́ли има́ње, онó
Крва́рник_се ви́кал^о. И_ту́ј_смо се^дели́ ме́сец да́на, п^а_смó
напра́мили коша́ру, она́ко от_пру́ћ^м. И_ту́ј_смо се^дели́, па_ту́ј
пéремо, ту́ј гóтвимо, ту́ј се́димо свé. авио́ње. А_ни́е_смо
простре́ли онóј пра́ње на́поље да́_се су́ши. Онó ка́д на́йду авио́ње
не́мачћи́ ни́е бе́жи, пь у_ону́о ко́либу. Па_бе́жи, па_бе́жи уну́тра.
И_не_иска́чамо на́поље до́к про́јду авио́њете. Ка́т про́јду ПЕ_оти́ду
пре́ма Бугарску та́мо, надóле пре́ма Ду́на^ф, ни́е и́ско́чимо па́
на́поље.

Па_смó откара́ли о_ту́ј е́дну сви́њу дебéлу. Па_смó_ју до́ле

заклалм, па_нема квó. Нема гдe да_сипемо мас, него °ниe мeрници штó_сам_ти казвала плéканитe, у_тóј свe нарeдимó мас. Пá е́дно дрво прóвремо прóз онie рупe, па_нарeдимó онie мeрнице и_свe. Та_се мáста стéгне.

Пá_че да_дојдемо туј имáло сирeње, сир. Сирeње у_eдан чeбар, пá_че да_улeзнемо гóре на_кошу у_магáзуту, а_онó прeкритó сeс eдан чáршаф. Кáт подигó јá да_нагребeм у_eдно грне сирeње, кáт поглeдá - нeкóј_се напogáнил. Нeмци. Лeлe, па_турeно на_фeс некадáшњи нáродна нóшњa, фeс, тó носили клáди женe, такó нeкакo, то_јá_се сeћам кá^т_су носили, тó_е старинско. Лe, а_јá ви́кнóу дáду Јáну: "Лeлe, дáдо Јáно, рeкo, дојди да_видиш овáмо каквó_е". "Квó_е, омá?". Кáт поглeдáмо у_чeбара_се напogáнил нeкóј. Онóј сирeња пóла чeбар. И_онóј сирeње ó^п... пá_га истрeсомó на_ђубрeтo, фрну́мо и_отидóмо_си дóле гдe_смо били у_Крaвáрник^а.

Пá_мeсeц дáна седимó тáмо, пá нестáде лeп. Нема, нeма. Нeмци, свe затвóрено. А_ни^e отидóмо на_тoа нáшијa млин дóле, пá изнесeмо по_двaеc ћила на_грбину. Пá_кá^т поносeмо нáс двe, онó, гуду авиoнe. Кáд видимó да_припу́кају, а_ниe бeжи у_нeку шумáрцу, пe_онóј брашно остáимо. Пá дóк они прóјду. Пá_се пóсе пóново, пe_искóчимó гóре нá Крaвáрник^а. Пá мeсимó лeба. Онó имашe eднa појá... eднa коли́ба Грвáнска, па_туј имáло и_бáбичкa и_стáрец. А_ниe_смо отишли нe_туo коли́бу, јeр кáо принeтишe_ни Нeмцитe дá смó... да_имá овo дá седимó гóре. А_ниe_смо нáс десeтина људи били, мúшко и_жeнско свe тeј. А_ниe отидóмо на_онóу коли́бу, а_мeј Љубa он бeшe млáт човeк. Пá_смо лeгли да_спимó. Сви_смо_се нарeдили тeкá нáзем дóле нá... А_он заспáл, пá сe_занeл. А_тoа стáрец кáе: "Eј, Љубo, какъф_чe тi војник да_бúдeш, кáе, кá^т_си кá_тoлко спимó. Тi_ћeш, б^рe, да_погинeш". У_тьквó врeмe мóра да_бúдeш нá_опрeзу. Јá припу́кају тi бeгаш, нe_смeеш, Нeмци, окупáтор, пá, пá_тe јурм, пá. Тó_е билo живa мýкa.

Пá_кáт смó_се пóсе прибрáли туј, кá_смо отишли у_Топлик, кá гóре отидóмо. Дe побeгомó гóре. Дојдóмо тујвóк, нe_смeамó да_седимó нeго [чинимó гóре?]. Кáд гóре онó на_брeгa, Нeмци

иду ис Књажевац одозгоре од Ниш. На брега припукаше машингевере, ете ти ги Немците пак. Ние бежи у воденицуту, па се скутамо. Па пројде та сила, па си ние дојдомо па дом.

Па туј при тие меане, оно меане некада били, оно имало едно дете избеглица Босанџ, Босанџи били. Оданде ги најурли, па су туј били приназе. И оно сирома, а били пуно људи и искочиши ис туо меану. А але они умеали да се чувају тие људи дрти, муже дрти. А детето не умеало да се чува. И Немци озгоре наишли и припукали и убили га, това дете. Он се Мане звал. И они посе, најћа му сирота сећира се, сећира. Дете погинуло и е такó.

Посе дојдомо дом, па настра, па на муку. Док Номци искочише. Кад искочише, ние си, као, малко ослободимо. Млого смо ние муће патили у рат. Поготову та кућа и наш^а. Јер код назе су били и Бугаре и Немци и Руси и партизане и Дражини туј. Све тој било. Такво време ратно, не знаш која с отко^ују струју да се чуваш. Па ет^о, тько, тько постепено док. Посе Русите упадоше па ни о^тслободиме. Па си ние посе ослободимо и живимо си љуцки и нема откво да се плашиш. Окупатор се повукал натамо где си је бил, не знам ни ја. И тако је то је било све.

Ка смо били кат са^м седела при мом тамо. Па смо имали другу кућу стару, па смо ми посе... Ту кућу деда дал мене као мирас, а мој башта направил горе кафану где је та продавниц^а. Али смо си били доле, а старец поган. А моа брат, он Миле се зове, а он отиде па га чарне нешто. Али стареца се срди: "Бре, Мико, буди миран. А да ти јебем матер". Са што се ја то изрававам неби требало. И он отиде у градину па набере краставиц^и. А стареца се свађа: "Ште си набрал ти тије краставице. Краставици се једу, кае, кад узреу. Оно, где се еде краставац кад је жуто. Оно се једé кад је зелено, а кад зрео то не ваљ^а". Тоа било у наше детињство.

И мама била у Загреп и татка. А ја и он останемо си и стареца ку... до^м. А ја се укачим у један ореј. Па суватим за једну грану суву. Па кат паднем доле, онесвестила сам се.

Пóтпуно сам мртва. Онме мój другарице, онме пóкрај мéне почéше да плачу. Овамо онамо. Одрéсоше ме, дадоше ми вóду да лијем. И тека, тека па се пóврну. Пóсе смо узéли мáло, еднá копања голéма. Пё оцéемо брашно па замéсмо за дéсет лéба. Јá и éдна мóа другарица. Несмó турили ни квáсци ни сóл, ништ^а. Несмó га ни пéкли. Сáмо га истрéсомо у брашóвника, па га завíмо з брашно да мама не види. Кáд мама доиде, а старéца кáе... Дéда Данчо óн се кá викал. "Тóме, кáе, јá виц тíе деца. Цéо дýна месíше лéба, а лéп нéмам, кá^е, да едé^м". Она доиде па óтвора óња брашóвник, па виде онóј тéсто... Па бóм, па бóм. Па да да ни искарá, искарá ни напóље.

И, пóсле кáд је бмло то^е вéћ поодрасли, била сам... Јá сáм се удáла на шеснáес гóдним на сед^амнáес. Тó је бмло за врéме окупáције. Нёмци су бмили. Свадба. И че да прáмо свáдбу, дарува се на Божíч, а на Трóјцу свáдба. Јёр трéба одобрéње, јёр мój човéк сираче бмл. Па имáл старáц нéкој њéгоф тéча и Зај^ечар. Тóј чýвени банкар. Дóк смо добíли одобрéње, онó дошло Трóј^мца. И óнда че прáмо свáдбу. Ё, сýга Нёмци не даву да се нóси застава, барјáк. Нёмци. Па тáј на тóга наш чíчу на тóга дéд... н^а Лáзу сáм жика и кум наш Пéра се звал Витáновић, óне отíду у Зај^ечар кóт крајскомандáнта, па питáли. И óни му одóбру да нóси нéкое детé барјáк. И напрáмо свáдбу едён дён при мóмте тáм^о у меáну. Онí имáли меáну. А друђи дён напрáмо тóј. П^а тóј не мóже. Тó је бмло Трóј^мца лéте. Нéго на кóша гóре, онó тóа кóш кóлти е длк астáла се нарéду. Па лиће, п^а јáганци пéчен^м. Трóј^мца бмло. Па вíно, па кисела вóда, па пíво. Онóнда нéмаше сóк, нéмаше тóрте квó сýга. И тáј дáн препрáмо тóу свáдбу. Такó, такó, смирíмо се нéкако.

Али мój човéк óпас^н. Óн је навíкел сáм. Па ми не дава дё жскóчим нигде, па ми не дава да с^е облечём. Па тóј мýка жíва. А јá несýм навíкла на тóј. Нéго сáм навíкла тáм при мóм на слóбодно да си жим. Óн тóј не дава, па држи, па óво, п^а вóно. Дóк се мáлко тóј срéди тáа рáбота. Ајде пóсле

деца се. Ајде, едно роди, оно умре, ајде, друго роди, оно умре. Ајде, треће живо, ајде, четврто живо. Све тој мука.

Е, тој, он била богаташ. Па не навикла да ради поље, живе да коси, ливад^е да коси, живе да оре. Тој не навикла. Имали много имање, послуше, радна снага. Оно само седело колико да га има. Токмо е било. И данска, јутре нече, п^е б^о н^о, тка, тка, тка, док се мало привик^{ем}. И посе почемо да си работимо, деца одрастоше. Онога најде болес, па га^а уват^а. Ја се остадо мука секирација сама. Тешко, деца. Мира незбринута. Да си не била мој башта да ме помогне, ништо не би било. Ш ко^б се одбрало од мене. Имање големо, немаш [одви] да платиш порес. Не мож да чуваш стоку. Та унофчиш да имаш паре да платиш порес. Оно се т^ко и било. Мучење, мучење, тешкоћа док деца одрастоше. Ајде, посе и женимо и, ожени Персу, ожени Миру. Мира се ожени ед^н пут па нема срећу, п^а ајде друђи нут се ожени. Најде пијаницу, данска пијан, јутре пијан. Напрам се свађа. Разбракваше се. Ја с потресо, сећира се, жива мука. И дан данска секираци^{ја}, ете ти.

Године. Па има празник Свети Сава. Знаш: "Свети Сава школска слава". И мама, че де идемо на руч^е горе у школу. Као ћак, ми смо ћаци, па онда се слави та слава. И она че напрам тор^{ту}. Патипат. С^ес јајца. Десет јаја и ставила шићер. Али не ставила брашно. Кад не ставиш брашно, оно се опекло и направило се ништа, нема да уватиш у едну руку. "А^ј бре, мамо, ко^си напрамла. Па јва ти е таа торта?". Реко: "Видиш, нема ништ^е од њ^у". "Леле, Бог да м убие, ја сам заборавл^а". П^а ајде, че умутимо мас, триста грама, и сто педесет грама шићер. Па че да умутимо маста, и строшимо четри јајца, па че напрамо гурабије. И замесимо онова тесто, па исечемо па испечемо. Па онда стаимо у средину пекмес, па друго онај оној [којларице]. Па залепимо и увал^бмо у шићер. И напрам смо колачет^е де идемо горе. Али тортата ни се поквари. Несмо могли де напрам^о. Мама не ставила брашно.

Паприкаш се б^т живинско месо. П^е се стави мас, па се мас

угре. Па туримо у она нас парчета месо, три четири, колко треба. Пѣ ка^тсе то месо испржи, ни онда насечено лук и папрѣку, па^се помспржи. Па^сипемо патлиџан, пѣ^се и он испржи. Пѣ онда стаино едну кашѣку јелову брашно, па^се и оно испржи. Па алеву папрѣку, пѣ^се испржи и оно и^сипемо воду. И он се ућипи пѣ^сстане густ^о. Пѣсе насечемо бели лук, першун. Кад^{ма}, кад^{нема} и тако.

Па с^једну иглу исплетен толко ланче, па после п^ооној ланче наредни оне кљупове и тѣка плетем. Пѣ о^{туј} додајем по^{едан} кљуп и о^{туј} додајем по^{едан} кљуп и оно иде широко. Иде на перо. Овамо иде, само^{га} загрнем.

Она^{је} раније играла фоклор у народну ношњу. Па^е пеала на бину. Она^и њен старец. Деда Раде. Тој све^{су} пеали на бину.

А, и^{та} жена тѣка, она^{је} жена тѣка. И^{ти} упадне с^{неку} реч и речеш и јутре^{нас...} нападне^{се} свађа. Настадне свађа. Е, па боље^{си} седи дом па^{си} ћути. Мирна^{ти} глава. Нема да^{се} никој кара с^{тебе} и^{гото}^{во}. Жене^{же}с'ћи, они длогокси и плиткопамети. Они^{си} само дрнду, дрнду, дрнду, прѣчу, прѣчу.

Док је^{била} помлада, она^{је} била ловѣи^{ја}^а. Пѣсе остарела и^{сано} лежи покрај шпорета и^{трам} дѣ^и дадеш леп да^{ед}. Е, па^{не}може. Ел^{ово} не радимо. Ајде, искачај напоље иди^х ва^{чај} мишћи. Не^{може} тој тѣка.

Се саберу у^{туо} меану. Пѣ^{кво} пиу мужете, него што пиу момците. Целу ноћ седу. До два сата, али јутре спу до једни. Ајде сѣга зимно време и^{некако}. Али... Лете треба да^{сине} на^{работу}, али спу. Нѣчска у меану^{а...}

Љуба кат^{си} је бил мој човек. Па некада се^секло дѣсће сѣс оно, не^{знам} тоа код вас нема^{ли}, ^{ни}ти ти тој знаеш и^{ја}. Имали, имал три радника. И^{ти} радници^{су} фсѣ. Али он си бил бујан, богаташ. Па измотавал^с^е. Дојде и^с меанути и каже на на тоа на^{ти}е радници, Милана, тоа наш кум. "Милане, мае, д^{идеш} у Заграцко. Тражи^{те} шеф месне канцелариј^е, преседник". "П^а што^{ме} тражи, кае". "П^а тражи^т^е нешто". Она... "И да понесеш, кае, едн ошоф". Она појде Милан, али

ошо̀ва нѐе тѐжѐ, квѐ. И он по̀јде на на̀гѐре и а̀јде, а̀јде, а̀јде. За̀грацко гдѐ, пѐт кило̀метра. А ка̀д је пошъл, то̀а скапал да се смеѐ. Он га лагал. Ка̀д гѐре: "До̀бар да̀н". "До̀бар да̀н". Ка̀же: "Што̀ ме тра̀жиш ти, прѐседниче?". Али нѐ зна му и́ме, не се́чам се. Да̀вно, ви́ч, [квѐ е] бѐло. "Ка̀же, јѐг бре, ко̀ј те тра̀жи?". "Пѐ мене, ка̀е, испрати љуба". "Пѐ он те, ка̀же, зафр̀кавал". "Ао, сорту̀ му њѐгову, чѐкај да̀ се вр̀нем". И он озгѐре кат по̀јде, пѐ кат се раср̀ди пѐ ка до̀јде ту̀ј: "Јѐ ли, бре, ка̀же, па што̀ да ме, ка̀же, ти мене ва̀раш? Да тр̀чам ја по пу̀та на̀гѐре?". Али бѐло бу̀јно, бога̀таш, па нѐе зна̀л шта̀ радѐл.

Нека̀да кат се вра̀ло на на̀ машѐну, нѐе квѐ сѐга ко̀мбајн. Па се здѐне жѝто кама̀ре, ермѐнка се на̀прам голѐма. По мла̀ду двѐ три сто̀тин сно̀па. Пѐ се збѐру радници, па вр̀шемо, па вѐсело. А двѐ женѐ оста̀ли до̀м да спрѐму ручѐк или ве́че́ру. Завѐси у ко̀је вре́ме вр̀шемо. Овр̀шемо жѝто пѐ идѐмо у Тѝмока, па се оку̀памо. Че смѐ пра̀шњиви. Па оти́демо при тѝје га̀зде гдѐ смо о̀ра̀ботѐли дѐньска. Па ве́че́рамо. Па пеа̀ње, па смеа̀ње, па шала̀, па ми́лна.

Ка̀т сѐм му да̀ла, да̀ла сѐм му за̀ осамдесѐ, за сто̀ милиѐна. Он га̀ не се́кѐл ѐдма. Он ставѐ. Мож дѐ ма педесѐ мѐтра дѐ мсечѐ и дѐ мземѐтри. Ко̀лко чѐ паре дѐ узнѐ, а мѐтѐр по̀ ко̀лко бѐше, по сто̀ трѐс ми́лна мѐтѐр. И ја̀ сѐк справља̀ сѐс њѐга̀. Пѐ ка̀ он, тѐквѐ вре́ме бѐло. Па је́сте бѐло кат си ђи ти узѐл. Ле́тоска си узѐл, треба̀ се ѐдма да̀ га мсечѐш. Но да га чѐкаш сѐга кат парѐте не вре́ду ништ̀а. До̀бро, ѐн чо̀вѐк нѐе ни он крѝф.

Сокращения

- БДА - Български диалектен атлас
 БЕ - Български език, София
 БЕР - Български етимологичен речник
 БП - Български преглед, София
 ГФФНС - Годишњак филолошког факултета у Новом Саду
 ЕМЛ - Език и литература, София
 ЗБФЛ - Зборник Матице српске за филологију и лингвистику,
 Нови Сад
 ИССФ - Известия на Семинара по славянска филологија, София
 ЈФ - Јужнословенски филолог, Београд
 М - Москва
 МЈ - Македонски јазик, Скопје
 ПЗБ - Пиротски зборник, Пирот
 ППЈ - Прилози проучавању језика, Нови Сад
 САНУ - Српска академија наука и уметности
 СБНУ - Сборник за народни умотворенија, наука и книжнина,
 София
 СДЗБ - Српски дијалектолошки зборник, Београд
 СПБ - Санкт-Петербург
 СХДА - Српскохрватски дијалектолошки атлас
 ТБД - Трудове по българска диалектологија, София
 ЭССЯ - Этимологический словарь славянских языков
 ANUBiH - Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine
 HDZb - Hrvatski dijalektološki zbornik, Zagreb
 JAZU - Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti
 PAN - Polska Akademia Nauk
 RFFZ - Radovi Filozofskog fakulteta u Zadru
 SR - Slavistična revija, Ljubljana
 WS - Die Welt der Slaven, München

Литература

БДА 3 - Български диалектен атлас. III. Югозападна България. Ч. 1. Карти. Ч. 2. Статии, коментари, показатели. София, 1975.

БДА 4 - Български диалектен атлас. IV. Северозападна България. Ч. 1. Карти. Ч. 2. Статии, коментари, показатели. София, 1981.

БДА 1988 - Български диалектен атлас. Обобщаващ том. София.

Белић 1905 - Белић А. Дијалекти источне и јужне Србије// СДЗБ. Књ. I.

Белић 1911 - Белић А. О дијалекатском материјалу О. Броча// СДЗБ. Књ. II. С. 1-105.

Белић 1960 - Белић А. Основи историје српскохрватског језика. I. Фонетика. Београд.

Белић 1965 а - Белић А. Историја српскохрватског језика. Књ. II, св. 1. Речи са деklinацијом. Београд.

Белић 1965 б - Белић А. Историја српскохрватског језика. Књ. II, св. 2. Речи са конјугацијом. Београд.

Белич 1905 - Белич А. Диалектологическая карта сербского языка// Статьи по славяноведению. Вып. 2. СПб. С. 1-59.

БЕР I - Български етимологичен речник. Т. 1. София, 1973.

БЕР II - Български етимологичен речник. Т. 2. София, 1979.

БЕР III - Български етимологичен речник. Т. 3. София, 1986.

Берберска 1921 - Берберска А. Говорът на с. Ошане (Белоградчишко)// ИССФ. Кн. 7. С. 79-119.

Бернштейн 1961 - Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М.

Бирнбаум 1987 - Бирнбаум Х. Праславянският език. Достигания и проблеми в неговата реконструкция. М.

Библиографија 1992 - Богдановиќ Н., Вукадиновиќ В., Марковиќ Ј. Библиографија призренско-тимочки говор. Ниш. - рукопис.

Богдановиќ 1979 - Богдановиќ Н. Говори Бучума и Белог Потока// СДЗБ. Књ. XXV.

Богдановиќ 1990 - Богдановиќ Н. О говору и именима. Ниш.

Богдановиќ 1992 - Богдановиќ Н. Изоглосе југоисточне Србије. Ниш.

Божков 1984 - Божков Р. Димитровградскиот (Цариградскиот) говор// ТБД. Кн. 12.

Божков 1986 - Божков Р. Български диалектен атлас. Северозападни български говори в Цариградско и Босилградско. Ч. 1. Карти. Ч. 2. Статии, коментари, показатели. Софија.

Божков 1988 - Божков Р. Босилградскиот говор// Вториот меѓународен конгрес по българистика. Доклади. Т. 5. Диалектологија и ономастика. Софија. С. 135-141.

Болгария. Общегеографическа карта 1:750000. М., 1989.

Бугарски 1845 - Карта кнежевства Србије. Составлена из најголемиот извор од Јована Бугарског. У Београду.

Виденов 1978 - Виденов М. Годишниот говор// ТБД. Кн. 10.

Вукадиновиќ 1986 - Вукадиновиќ В. Језичке карактеристики топонима у сливу Височице// ПЗБ. 14. С. 5-10.

Георгиев 1986 - Георгиев В. Звукот на глаголните букви Ш и произходот на старобългар. ШТ, ЖД// БЕ. Год. 36. Кн. 2. С. 97-109.

Господинкини 1921 - Господинкини Д. Ив. Трнчаните и трнчанскиот говор// ИССФ. Кн. IV. С. 148-210.

Гълъбов 1986 - Гълъбов И. Процеси на разчленување во крвниот праславјански и во јужнославјанските езици// Гълъбов И. Избрани трудове по езикознание. Софија. С. 69-78.

Диниќ 1988 - Диниќ Ј. Речник тимочког говор// СДЗБ. Књ. XXXIV. С. 7-335.

Динић 1990 - Динић Ј. Додатак речнику тимочког говора// СДЗБ. Књ. XXXVI. С. 381-422.

Бенералштабна карта Краљевине Србије. 1:75000. Београд, 1882-1893.

Жобов 1986 - Жобов В. Ново дијалектолошко проучавање [Рец. на: Божков 1984]// ЕмЛ. Кн. 5. С. 117-121.

Ивић 1956 - Ивић П. Дијалектологија српскохрватског језика. Увод и штокавско наречје. Нови Сад.

Ивић 1957 - Ивић П. О говору Галипољских Срба// СДЗБ. Књ. XII.

Ивић 1959 - Ивић П. Извештај о дијалектолошкој екскурзији по ужој Србији// ГФФНС. Књ. IV. С. 397-400.

Ивић 1985 - Ивић П. Најранији дијалектизми у средњовековним српским писаним споменицима// Научни састанак слависта у Вукове дане. 11-16. IX. 1984. Књ. XIV/1. С. 95-99.

Ивић 1991 I - Ивић П. Имиграције балканских словена у светлости лингвистичке географије// Ивић П. Изабрани огледи. I. О словенским језицима и дијалектима. Ниш. С. 239-269.

Ивић 1991 IIa - Ивић П. Путеви развоја српскохрватског вокализма// Ивић П. Изабрани огледи. II. Из историје српскохрватског језика. Ниш. С. 5-74.

Ивић 1991 IIb - Ивић П. Два главна правца развоја консонантизма у српскохрватском језику// Ивић П. Изабрани огледи. II. Из историје српскохрватског језика. Ниш. С. 75-108.

Ивић 1991 IIc - Ивић П. Фонолошки аспект генетичког односа између штокавског, чакавског и кајкавског наречја// Ивић П. Изабрани огледи. II. Из историје српскохрватског језика. Ниш. С. 159-178.

Ивић 1991 IIIa - Ивић П. О класификацији српскохрватских дијалеката// Ивић П. Изабрани огледи. III. Из српскохрватске дијалектологије. Ниш. С. 25-48.

Ивић 1991 IIIb - Ивић П. Српскохрватска дијалектологија у најновијем периоду// Ивић П. Изабрани огледи. III. Из српскохрватске дијалектологије. Ниш. С. 67-80.

Ивић 1991 IIIc - Ивић П. О неким проблемима наше исто-

ријске дијалектологије// Ивић П. Изабрани огледи. III. Из српскохрватске дијалектологије. Ниш. С. 81-122.

Ивић 1991 IIIId - Ивић П. О пореклу и особинама пиротског говора (и других говора српског југоистока)// Ивић П. Изабрани огледи. III. Из српскохрватске дијалектологије. Ниш. С. 191-204.

Карић 1887 - Карић В. Србија, опис земље и народа. Београд.

Карта Каница - Карта Дунајској Болгарији, Балкана и југо-источной Србији по глазомерним сьемкам Ф. Каница. б. м., б. г.

Конески 1986 - Конески Б. Историја на македонскиот јазик. Скопје.

Кульбакин 1915 - Кульбакин С. М. Сербскиј јазик: фонетика и морфологија сербског јазика. Харьков.

Лавров 1893 - Лавров П. А. Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка. М.

Манчев 1967 - Манчев А. Материјал за фонетику говора села Петерлаш у општини Димитровград// ППЈ. Књ. 3. С. 177-188.

Миличевић 1876 - Милићевић М. Кнежевина Србија. Београд.

Мирчев 1978 - Мирчев К. Историческа граматика на българския език. София, 3 изд.

Младенов 1905 - Младенов С. За пограничните говори в източна Сърбия// ИССФ. Кн. 1. 1905. С. 101-116.

Младенов 1979 - Младенов С. История на българския език. София, 2 изд.

Младенов 1969 - Младенов М. Сл. Говорът на Ново Село, Видинско. Принос към проблема за смесени говори// ТБД. Кн. 6.

ОЛА 1988 - Общеславянскиј лингвистическиј атлас. Серия фонетико-граматическая. Вып. I. Рефлексы *ѣ. Белград.

ОЛА 1990 - Общеславянскиј лингвистическиј атлас. Серия фонетико-граматическая. Вып. II. Рефлексы *ѣ. М.

Павлов 1918 - Павлов Ал. От Тимок до Морава. София.

Петричев 1931 - Петричев Д. Хр. Принос към изучване на Трънския говор// ИССФ. Кн. VII. С. 35-77.

Попов 1980 - Попов К. Принос към северозападните погранични говори [Рец. на: Виденов 1978]// ЕмЛ. Кн. 2. С. 127-130.

Поповић 1955 - Поповић И. Историја српскохрватског језика. Нови Сад.

Протић 1990 - Протић М. Радикали у Србији. Идеје и покрет 1881-1903. Београд.

Симеонов 1958 - Симеонов Б. Една фонетико-морфологична особеност на нишавскиј говор (съдба на съгласната X)// БЕ. Год. 8. Кн. 3. С. 258-263.

Скатын 1987 - Скатын Ђ. Последователност на слабишно [р] и на [ъ]-[р] в северозападните български диалекти// ЕмЛ. Кн. 1. С. 35-47.

Станојеввић 1911 - Станојеввић М. Севернотимочки дијалекат// СДЗБ. Књ. II. С. 360-464.

Стевановић 1978 - Стевановић В. О неким фонетским и морфолошким особинама данашњег говора Црне Траве// ЗбФЛ. Књ. XX/1. С. 183-200.

Стойков 1962 - Стойков С. Българска диалектология. София.

Тефтер 1976 - Тефтер Нишавске митрополије 1834-1872. Пирот.

Тодоров 1929 - Тодоров Цв. Говорни кръстосвания в крайната северозападна българска област// БП. Год. 1. Кн. 2. С. 230-242.

Тодоров 1936 - Тодоров Цв. Северозападните български говори// СБНУ. Кн. XLI. София.

Томић 1984 - Томић М. Говор Свиничана// СДЗБ. Књ. XXX. С. 7-265.

Ђирић 1983 - Ђирић Љ. Говор Лужнице// СДЗБ. Књ. XXIX. С. 1-190.

Ђирић 1987 - Ђирић Љ. Досадашња истраживања пиротског говора// ПЗБ. 15. С. 13-21.

Увод 1986 - Увод в изучаването на южнославянските езици. София.

Флоринскиј 1895 - Флоринскиј Т. Лекции по славянскому

языкознанию. Часть первая. I. Введение. II. Юго-западные славянские языки (болгарский, сербо-хорватский и словенский). Киев.

Цанова 1985 - Цанова С. Преходът св > сф в българските диалекти// БЕ. Год. 35. Кн. 2. С. 131-134.

Цвијетић 1984 - Цвијетић Л. Попис становништва и имовине у Србији 1834 године// Грађа. Историски институт. Књ. 25. С. 9-120.

Цонев 1984 I - Цонев Б. История на българския език. Том първи. А. Обща част. София, 2 изд.

Цонев 1984 II - Цонев Б. История на българския език. Том втори. А. Обща част. Б. Специални части. София, 2 изд.

Цонев 1984 III - Цонев Б. Кратко известие за научното ми пътуване по [сев.-]западна България през летните ваканции 1903. г. // Цонев Б. История на българския език. Том трети. Б. Специални части. София, 2 изд.

ЭСЯ - Этимологический словарь славянских языков: Пра-славянский лексический фонд. Вып. 1-18. М., 1969-1993.

Югославия. Справочная карта. Масштаб 1:1250000. М., 1980.

Alexander 1975 - Alexander R. Torlak Accentuation. München.

Broch 1903 - Broch O. Die Dialekte des südlichsten Serbiens. Wien.

Brozović 1960 - Brozović D. O strukturalnim i genetskim kriterijima u klasifikaciji hrvatskosrpskih dijalekata// ЗбФЛ. Књ. III. С. 68-88.

Brozović 1970 - Brozović D. Dijalekatska slika hrvatskosrpskog jezičnog prostora// RFFZ. Razdio lingvističko-filološki. God. 8-9, sv. 9. С. 5-32.

Brozović 1978 - Brozović D. O broju i sastavu članova slavenske jezične zajednice// Filologija. VIII. Zagreb. С. 53-66.

Brozović 1988 - Brozović D. O fonemu /з/ u balkanskim

jezicima// Јазичните појави во Битола и Битољско денеска и во минатото. Скопје. С. 143-150.

Brozović 1989 - Brozović D. O nekim osobitim značajkama likvidnih sonanata// Zbornik razprav iz slovanskega jeziko-slovja. Tinetu Logarju ob sedemdesetletnici. Ljubljana, 1989. S. 45-52.

Duma 1979 - Duma J. Wokalizacja jerów słabych w rdzennej sylabie nagłosowej w południowo-wschodniej słowiańszczyźnie. Wrocław etc.

Duma 1990 a - Duma J. Rozwój sekundarnego wokalizmu typu съм, огън, в'atr < *jesьмь, *огнь, *ветрь we wschodniej grupie dialektów południowosłowiańskich// Językowe studia bałkanistyczne. T. II. S. 27-54.

Duma 1990 b - Duma J. Rozwój sonantów zgłoskotwórczych w gwarach południowo-wschodniej słowiańszczyzny. Wrocław etc.

Fonološki opisi 1981 - Fonološki opisi srpskohrvatskih/ hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih opšteslovenskim dijalektološkim atlasom// Posebna izdanja ANUBiH. Knj. LV. Sarajevo.

Generalkarte 1876 - Generalkarte von Bosnien, der Herzegovina, von Serbien und Montenegro nach den neuesten und besten Quellen entworfen und ausgeführt im K. K. Militärisch - geografischen Institute.

Hraste 1956 - Hraste M. Bibliografija radova iz dijalektologije, antroponimije, toponimije i hidronimije na području hrvatskoga ili srpskoga jezika// HDZb. Knj. I. S. 387- 467.

Ivić 1963 - Ivić P. Inventar fonetske problematike štokavskih govora// ГФФНС. КЪ. VII. 1962-1963. С. 99-110.

Ivić 1958 - Ivić P. Die serbokroatischen Dialekte. 's-Gravenhage.

Ivić 1987 - Ivić P. O refleksima slogovnog ǰ u prizrensko-timočkoj dijalekatskoj oblasti// Dona Slavica Aenipontana [In honorem H. Schelesniker]. München. S. 65-69.

Jezik 1988 - Brozović D., Ivić P. Jezik srpskohrvatski/

hrvatskostrpski, hrvatski ili srpski. [Izvadak iz II. izdanja Enciklopedije Jugoslavije]. Zagreb.

Jugoslavija. Serija topografskih karata razmera 1:200000 u izdanju Vojnogeografskog instituta u Beogradu.

Kopečný 1981 - Kopečný F. Základní všeslovanská slovní zásoba. Praha.

Leskien 1913 - Leskien A. Grammatik der serbokroatischen Sprache. 1 Teil. Leipzig.

Masing 1890 - Masing L. Zur sprachlichen Beurteilung der macedonischen Slaven. I. Vertretung von tj und dj. St.-Petersburg.

Peco 1975 - Peco A. Pregled srpskohrvatskih dijalekata. Beograd.

Popović 1960 - Popović I. Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden.

Rešetar 1907 - Rešetar M. Der štokavische Dialekt. Wien.

Rospond 1976 - Rospond S. O zasięgu št, žd < ps. tj, dj w nazewnictwie pd. słowiańskim// MJ. Год. XXVII. S. 81-120.

Sadnik, Aizetmüller 1963 - Sadnik A., Aizetmüller R. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen. Lieferung 1-6. Heidelberg, 1963-1973.

Skok 1971 - Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. T 1. Zagreb.

Skok 1973 - Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. T 3. Zagreb.

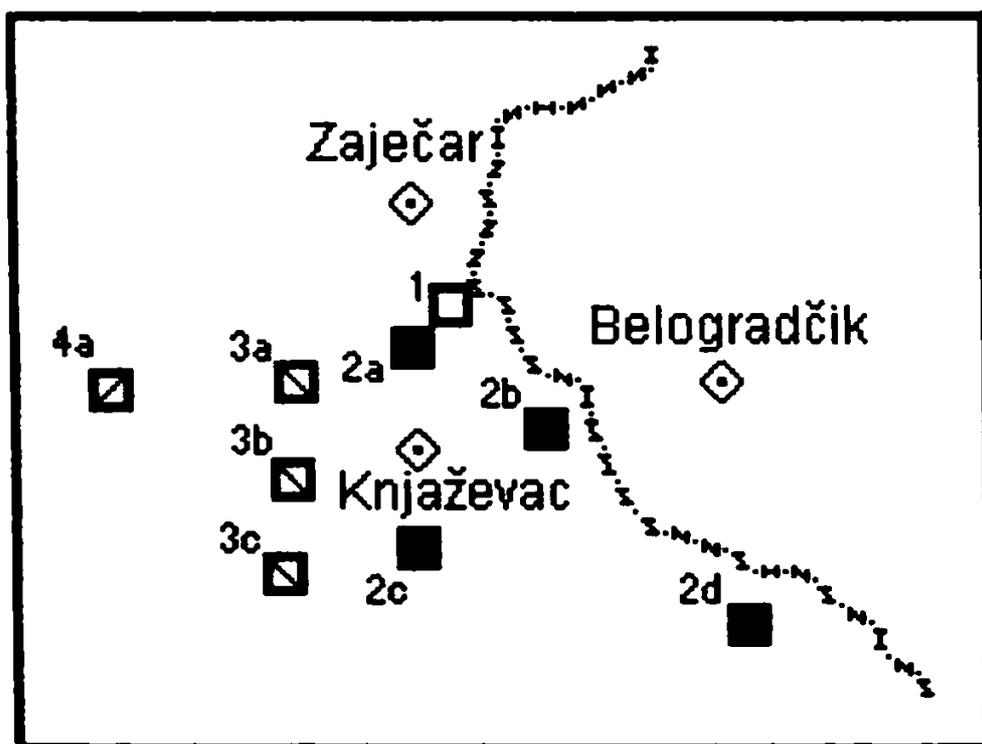
Supplementum 1810 - Supplementum ad Tabulam VIII Johannis de Lipszky Mappae generalis Regni Hungariae. Partes Bosniae & Serviae exhibens. Vindobonae et Pesthini.

Upitnik - Upitnik za srpskohrvatski/hrvatskosrpski dijalektološki atlas// Srpska akademija nauka i umetnosti. Medjuekademijski odbor za dijalektološke atlase. б. м., б. г.

Vuković 1973 - Vuković J. Istorija srpskohrvatskog jezika. I. Uvod i fonetika. Beograd.

Živković 1990 - Živković S. Jugoslovenske zemlje na starijim geografskim kartama 16, 17 i 18 v. Beograd.

КАРТА 1. ОСНОВНЫЕ ДИАЛЕКТНЫЕ ГРУППЫ ВОСТОЧНОЙ СЕРБИИ

Условные знаки:

1 - Вратарница

2 - тимокские говоры

2a - Врбница

2b - Радичевац

2c - Бучум

2d - Топли Дол

3 - сврлжские говоры

3a - Зубетинац

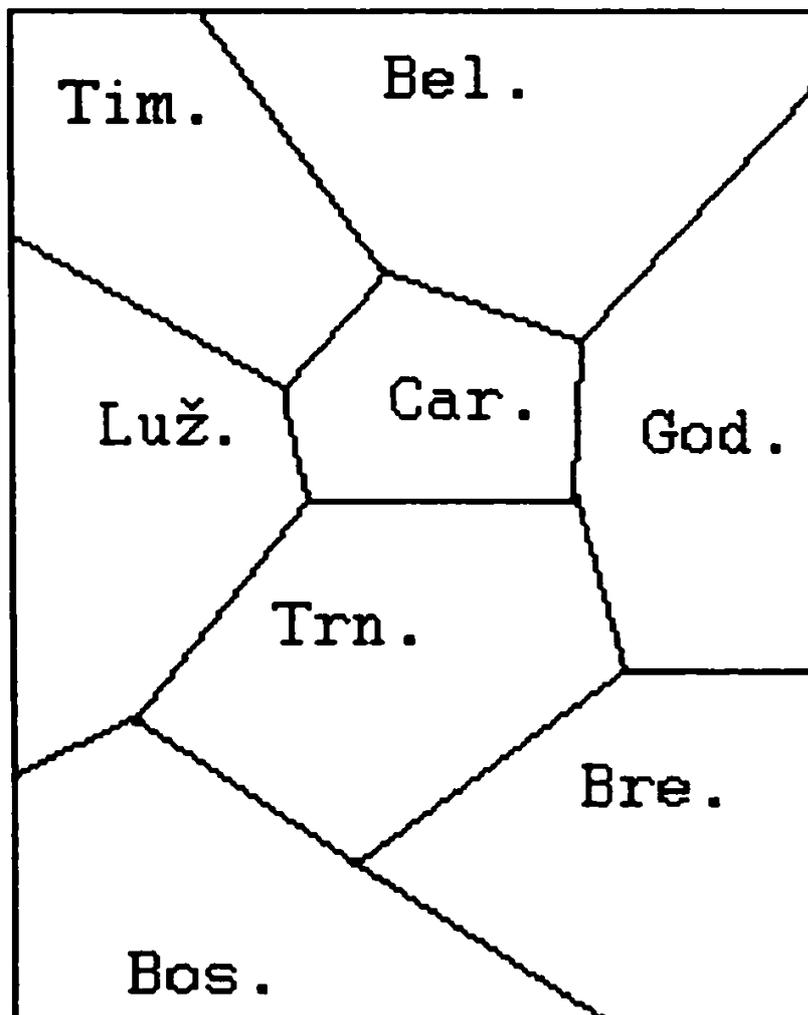
3b - Бели Поток

3c - Грбавче

4 - южноморавские говоры

4a - Трговиште

КАРТА 2. ОСНОВНОЕ ДИАЛЕКТНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ЮЖНОСЛАВЯНСКОЙ
Ч, Ц - ЗОНЫ

Сербохорватские говоры:

Tim. - тимокский

Luž. - лужицкий

Болгарские говоры:

Bel. - белградский

Car. - царьбродский

God. - годечский

Trn. - тринский

Bre. - брезникский

Bos. - босилградский

КАРТА 3. ВОСТОЧНАЯ ПЕРИФЕРИЯ ЮЖНОСЛАВЯНСКОЙ Ч, Ц - ЗОНЫ

Комментарий:

К западу/востоку от пучка изоглосс 1 соответственно:
 жње/жьне; углем/вьглен; жетва/жьтва; жедна/жьдна; глу-
 пав/глупаф; венер/фенер; слзе/сьлзи; вольт/вола; ми, ви/нме,
 вие; нас, вас/назе, вазе; они, оне, она/они; овнја, тнја,
 оннја/тнја, оннја [БДА 4: Карты 13, 15, 17, 18, 99, 100, 103,
 222, 247, 248, 251, 255].

К востоку/западу от пучка изоглосс 2 соответственно:
 черен/црн; рьце/рукѣ; един/едьн; уше/уо; можал/могъл;
 видим Стојан/видим Стојана; предѣт/преду; правеа/правеше;
 паднал/падъл; муже су дошле/су дошли [БДА 4: Карты 121, 127,
 135, 138, 140, 234, 265, 276, 278, 281].

DIE MUNDART VON VRATARNICA IN OSTSERBIEN,
HISTORISCH UND SPRACHGEOGRAPHISCH BELEUCHTET
(Zur Problemstellung der südslavischen č, ʒ-Zone)

Die Monographie stellt die Beschreibung einer südslavischen Mundart dar, die vorher unbeschrieben und deshalb der Slavistik unbekannt blieb. Die dialektologische Reise nach Vratarnica (Ostserbien, Kreis Zaječar) wurde im Jahre 1989 unternommen. Die Methodik der Datensammlung war dreifach: Arbeit nach dem standardisierten Fragebogen des Serbokroatischen Sprachatlasses, Tonbandaufnahmen, Gespräche mit den Informanten.

Es wird festgestellt, daß die Mundart von Vratarnica zu dem südslavischen č, ʒ-Dialekt (свѣча, мѣча) gehört, der auf den beiden Seiten der heutigen Grenze zwischen Serbien und Bulgarien verbreitet ist. Über den Dialekt gibt es einen territorialen Streit zwischen den serbischen und bulgarischen Dialektologen; er wurde jedoch wegen der politischen Teilung noch niemals als eine Spracheinheit untersucht.

Die Bewohner des Dorfes, die sich jetzt als Serben betrachten, waren im XIX Jh. aus Westbulgarien (damals Türkei) nach Serbien übersiedelt. Nach der Übersiedlung befindet sich die Mundart unter dem Einfluß der benachbarten serbischen Dialekte der Timok-Gruppe.

In der Monographie werden die Ansichten der serbischen und bulgarischen dialektologischen Tradition zum ersten Mal in der Slavistik kritisch analysiert, die genetische Einheit und die mundartliche Gliederung der č, ʒ-Zone untersucht, wobei das ganze Material jener Dialektmonographien, die sich mit den serbischen oder bulgarischen Mundarten des Gebietes befassen, und die Hauptliteratur über die südslavischen Dialektologie und Sprachgeschichte mit dem Material aus Vratarnica kritisch verglichen und analysiert werden. Es wird nachgewiesen, daß die Mundart von Vratarnica genetisch mit den bulgarischen Dialekten der č, ʒ-Zone verbunden ist, die an der östlichen Grenze der Zone in Westbulgarien liegen und einige Beziehungen mit den bulgarischen št, žd-Dialekten aufweisen.

Петр Андреевич Гильтебрандт
СПРАВОЧНЫЙ И ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ
СЛОВАРЬ К ПСАЛТИРИ

Nachdruck der Ausgabe St. Petersburg 1898 mit einer Einleitung von
 Helmut Keipert

1993. Ln. 16+VIII+552 S. – 160– DM (ISBN 3-87690-553-2)

Mit diesem Band wird die von P. A. Gil'tebrandt 1898 veröffentlichte Konkordanz zum neukirchenslavischen Psalter als Nachdruck – nach dem des Neuen Testaments (1988/89) – vorgelegt. Wie das Wörterbuch zum NT zeichnet sich auch dieses „Erläuternde Handwörterbuch zum Psalter“ dadurch aus, daß es mit höchster Vollständigkeit alle Belege nennt und so bei der Identifizierung von Bibelzitierten und -allusionen schnell und zuverlässig hilft. Besondere Sorgfalt ist auf die Semantisierung verwendet worden, für die auch griechische und lateinische Übersetzungsparallelen genutzt sind. Die regelmäßig hinzugefügten Bedeutungsangaben in russischer Sprache legen viele Fälle offen, in denen gleichlautende Wörter im Kirchenslavischen und im Russischen Verschiedenes bedeuten. Ein griechischer Index macht das Werk auch für übersetzungsgeschichtliche Studien verwendbar. Mit der Wiederentdeckung der Religion im russischen Geistesleben erhalten Gil'tebrandts akribische Konkordanzen heute eine besondere und unerwartete Aktualität.

Sebastian Kempgen
DIE KIRCHEN UND KLÖSTER MOSKAUS

Ein landeskundliches Handbuch

1994. Ln. 698+C S. – 135– DM (ISBN 3-87690-566-4)

Dieses Handbuch ist das Resultat zehnjähriger Recherchen; es stellt den ersten westlichen Versuch seit 1917 dar, aufgrund genauer Ortskenntnis möglichst umfassend zu beschreiben, welche Moskauer Kirchen und Klöster die Sowjetzeit überdauert haben – und in welchem Zustand. Das Buch richtet sich an landeskundlich Interessierte, Touristen wie Wissenschaftler gleichermaßen. Es berührt Stadt- und Staatsgeschichte, Kultur-, Sozial- und Architekturgeschichte. Reiches Bildmaterial (historische wie moderne Aufnahmen) ergänzt und illustriert den Text. Eine umfangreiche Bibliographie (98 Seiten mit ca. 1.700 Titeln) birgt unerschöpfliche Möglichkeiten für weitere Studien.

Eve-Marie Schmidt-Deeg
DAS NEW YORKER MISSALE

Eine kroato-glagolitische Handschrift
 des frühen 15. Jahrhunderts. Kritische Edition

1994. Ln. XXIX, 657 S. – 120– DM (ISBN 3-87690-570-2)

Die in langjähriger akribischer Detailarbeit erstellte historisch-kritische Edition bildet den zweiten Band zu der 1977 erschienenen Facsimile-Ausgabe. Nach der Edition des Hrvoje-Missale ermöglicht sie den Zugang zu einem weiteren bedeutenden Denkmal des kroato-glagolitischen kirchenslavischen Schrifttums liturgischer Prägung und leistet damit einen wesentlichen Beitrag zur Grundlagenforschung auf dem Gebiet des Kirchenslavischen einzelsprachlicher Redaktion. Der Band bietet Sprach- und Liturgiehistorikern gleichermaßen eine Fülle an Material für spezifische Fragestellungen, wobei das der Edition zugrundeliegende Überlieferungsgeschichtliche Prinzip dem linguistisch interessierten Benutzer eine objektiv-kritische Auseinandersetzung mit dem Text erlaubt. Die Ausgabe liefert in einem speziellen Index erstmals einen Abkürzungen-Überblick, deren Handhabung neue Impulse für die Kodifizierung einer allgemeingültigen Editionstechnik des Altslavischen bietet.

Neuere Publikationen aus dem Verlag Otto Sagner, München

Slavistische Beiträge

300. Kantorezyk, Ursula: Der Satztyp *В городе (есть) университет / У Игоря (есть) машина* in der russischen Sprache der Gegenwart. Eine Komplexbeschreibung unter formal-grammatischem, semantischem, kommunikativem und referentiellen Aspekt. 1993. 209 S.
301. Schellenberger, Jürgen: Die Sprache des *Artakserksovo dejstvo*. Studien zur sprachlichen Situation im Rußland des ausgehenden 17. Jahrhunderts. 1993. VIII, 183 S.
302. Добренко, Евгений: Метафора власти. Литература сталинской эпохи в историческом освещении. 1993. XII, 405 S.
303. Pantel, Evelina: Valenz im ‚Smysl<->Tekst‘-Modell. Eine konfrontative Analyse russischer und polnischer Verben. 1993. VI, 197 S.
304. Slavistische Linguistik 1992. Referate des XVIII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens Bamberg 14.-18.9.1992. Herausgegeben von Sebastian Kempgen. 1993. 296 S.
305. Категория сказуемого в славянских языках: Модальность и актуализация. Акты международной конференции Certosa di Pontignano (Siena) 26.-29.3.1992. A cura di Francesca Fici Giusti e Simonetta Signorini. 1993. X, 244 S.
306. Milojević Sheppard, Milena: Morpho-Syntactic Expansions in Translation from English into Slovenian as a Prototypical Response to the Complexity of the Original. 1993. 254 S.
307. Schyndel, Ines van: Erscheinungen der lexikalisch-syntaktischen Paradigmatik von Phrasemen im Russischen. 1994. II, 199 S.
308. Schmaus, Alois: Lehrbuch der serbischen Sprache. Band I. Vollständig neu bearbeitet von Vera Bojić. 1994. 186 S. (=Studienhilfen. 2.)
309. Алексей Крученых в свидетельствах современников. Составление, вступительная статья, подготовка текста и комментарии Сергея Сухопарова. 1994. 317 S.
310. Ziegerer, Penka: Die Nacherzählformen im Bulgarischen. 1994. 172 S.
311. Boronowski, Peter M.: Studie über die ‚Chłopi‘ und Dorfnovellen Wladystaw Reymonts. 1994. VIII, 376 S.
312. Pollwoda, Bernadette: FÉKS – Fabrik des exzentrischen Schauspielers. Vom Exzentrismus zur Poetik des Films in der frühen Sowjetkultur. 1994. 224 S., 1 Farbabb.
313. Eskin, Michael: Nabokovs Version von Puškins „Ewgenij Onegin“. Zwischen Version und Fiktion – eine Übersetzungs- und fiktionstheoretische Untersuchung. 1994. 151 S.
314. Koecke, Bernadette: Diminutive im polnisch-deutschen Übersetzungsvergleich. Eine Studie zu Divergenzen und Konvergenzen im Gebrauch einer variierenden Bildung. 1994. 331 S.
315. Junghanns, Uwe: Syntaktische und semantische Eigenschaften russischer finaler Infinitiveinbettungen. 1994. 227 S.
316. Felscher, Michael: Underground. Die Literatur der polnischen alternativen Subkulturen der 80er und 90er Jahre. (Eine Einsicht). 1994. 175 S.
317. Дуличенко, Александр Д.: Русский язык конца XX столетия. Предисловие и подготовка к изданию Werner Lehfeldt. 1994. XII, 347 S.
318. Scheffler, Birgit: Elemente des Čechovschen Dialogs im zeitgenössischen russischen Drama. 1994. X, 223 S.
319. Slavistische Linguistik 1993. Referate des XIX. Slavistischen Arbeitstreffens Kiel 21.-23.9.1993. Herausgegeben von Hans Robert Mehlig. 1994. 331 S.
320. Соболев, Андрей, Н.: Говор села Вратарница в восточной Сербии в исторической и ареальной освещении. (К постановке проблемы южнославянской ч-, ц-зоны.) 1994. 230 S.

Sagners Slavistische Sammlung

- 19, I+II. Hock, Wolfgang: Der Flexionsakzent im mittelbulgarischen Evangelie 1139 (NBKM). I. Akzentgrammatik, II. Akzentwörterbuch. 1992. 304; XII, 642 S.